

ВУЭС

Территория новых возможностей

ТЕРРИТОРИЯ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

ВЕСТНИК ВЛАДИВОСТОКСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ЭКОНОМИКИ И СЕРВИСА

ISSN 2073-3984

4

2020

4

[12]

2020

2020 № 4 [12]

ТЕРРИТОРИЯ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Вестник
Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса
.....

Учредитель и издатель:
Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса

Издается с 2009 г.

Владивосток
2020

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4

ISSN 2073-3984

А. П. Латкин *главный редактор*, доктор экономических наук, профессор, директор Института подготовки кадров высшей квалификации ВГУЭС (Владивосток, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Т. В. Терентьева *председатель редакционной коллегии*, доктор экономических наук, профессор, ректор ВГУЭС (Владивосток, Россия)

Г. П. Старкова *заместитель председателя редакционной коллегии*, доктор технических наук, профессор кафедры дизайна и технологий ВГУЭС (Владивосток, Россия)

И. А. Арзуманов доктор культурологии, профессор кафедры конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

П. Я. Бакланов доктор географических наук, академик РАН, научный руководитель Тихоокеанского института географии ДВО РАН, вице-президент Русского географического общества (Владивосток, Россия)

Т. В. Бернюкевич доктор философских наук, доцент кафедры истории и философии Московского государственного строительного университета (Москва, Россия)

Adam Bosiaski доктор права, профессор, декан факультета права и администрации Варшавского государственного университета (Варшава, Польша)

Т. М. Бойцова доктор технических наук, профессор, директор Института заочного обучения Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (Владивосток, Россия)

Do Huong Lan PhD, заместитель директора по исследовательской и учебной работе, преподаватель факультета Международной экономики и бизнеса Университета внешней торговли (Ханой, Вьетнам)

А. С. Железняков доктор технических наук, профессор кафедры математических и естественнонаучных дисциплин Новосибирского технологического института (филиал) Московского государственного университета дизайна и технологий (Новосибирск, Россия)

В. В. Желтов доктор философских наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия)

Ю. Г. Евтушенко доктор физико-математических наук, академик РАН, директор Вычислительного центра им. А.А. Дородницына Российской академии наук (Москва, Россия)

Pierangelo Catflano доктор права, профессор Римского университета «Ла Сапиенца» (Рим, Италия)

Masahiro Kawai доктор экономических наук, исполнительный директор Института экономических исследований Северной Азии (Ниигата, Япония), профессор Высшей школы государственной политики, Токийский университет (Токио, Япония)

Л. И. Кирсанова доктор философских наук, профессор кафедры философии и юридической психологии ВГУЭС (Владивосток, Россия)

Н. А. Коноплева доктор культурологии, профессор кафедры дизайна и технологий ВГУЭС (Владивосток, Россия)

В. В. Крюков доктор экономических наук, советник ректора, профессор кафедры информационных технологий и систем ВГУЭС (Владивосток, Россия)

Г. И. Лазарев доктор экономических наук, профессор, президент ВГУЭС (Владивосток, Россия)

В. Я. Любашиц доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

Л. С. Мазелис доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой математики и моделирования ВГУЭС (Владивосток, Россия)

А. Ю. Мамычев доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории российского и зарубежного права ВГУЭС (Владивосток, Россия)

Л. М. Медведева доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории, археологии и этнологии ФГБУН Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

А. Ю. Мордовцев доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права ВГУЭС (Владивосток, Россия)

Nguen An Ha associate professor, PhD, доцент, директор Института Европейских исследований Вьетнамской академии социальных наук (Ханой, Вьетнам)

Nohyong Park доктор юридических наук, декан Юридической школы, директор Центра киберправа Корейского университета (Сеул, Республика Корея)

В. П. Смагин доктор физико-математических наук, профессор, заведующий лабораторией фундаментальной и прикладной физики ВГУЭС (Владивосток, Россия)

А. Е. Смирнов доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии наук исторического факультета Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Н. А. Смирнова доктор технических наук, профессор кафедры дизайна, технологии, материаловедения и экспертизы потребительских товаров Костромского государственного университета (Кострома, Россия)

К. С. Солодухин доктор экономических наук, профессор кафедры математики и моделирования ВГУЭС (Владивосток, Россия)

Zhang Yuci доктор экономических наук, профессор, директор международного департамента Северо-Восточного университета финансов и экономики (Далянь, КНР)

2020 № 4 [12]

THE TERRITORY OF NEW OPPORTUNITIES

The Herald of Vladivostok State
University of Economics and Service

.....

Founder and publisher:
Vladivostok State University
of Economics and Service

Published since 2009

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4

Vladivostok
2020

ISSN 2073-3984

A. P. Latkin *Head Editor*, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Graduate Study and Research Training Institute, Vladivostok State University of Economics and Service (Vladivostok, Russia)

EDITORIAL COUNCIL MEMBERSHIP

- T. V. Terentieva** *Chairman of the Editorial Council*, Doctor of Economic Science, President Vladivostok State University of Economics and Service (Vladivostok, Russia)
- G. P. Starkova** *Vice-chairman of the Editorial Council*, Doctor of Engineering Science, Professor of the Chair of Design and Technology, VSUES (Vladivostok, Russia)
- I. A. Arzumanov** Doctor of Culturology, Professor of the Chair of Constitutional Law and Theory of Law at the Law Institute, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)
- P. Ya. Baklanov** Academician of the Russian Academy of Sciences, professor, Doctor of Science in Geography, Scientific Director of the Pacific Geographical Institute, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences; Vice-president of the Russian Geographical Society (Vladivostok, Russia)
- T. V. Bernukevich** Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Chair of History and Philosophy, Moscow State (National Research) University of Civil Engineering (Moscow, Russia)
- Adam Bosiacki** Doctor of Laws, Dean of Faculty of Law and Administration, University of Warsaw (Warsaw, Poland)
- T. M. Boytsova** Doctor of Engineering Science, Professor, Director of the Institute of Distance Learning, Far Eastern State Technical Fisheries University (Vladivostok, Russia)
- Do Huong Lan** PhD, Deputy Head of Research and Academic Affairs; Lecturer of Faculty of International Economics and Business Foreign Trade University (Hanoi, Vietnam)
- A. S. Zheleznyakov** Doctor of Engineering Science, Professor of the Chair of Mathematical and Natural Science Disciplines, Novosibirsk Technological Institute of Moscow State University of Design and Technology (Novosibirsk, Russia)
- V. V. Zheltov** Doctor of Philosophy, Professor of the Chair of General History and Socio-Political Sciences, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia)
- Yu. G. Evtushenko** Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Physico-Mathematical Sciences, Director of computer center of A.A. Dorodnitsyn of the Academy of Sciences (Moscow, Russia)
- Pierangelo Catalano** Doctor of Laws, Professor, Consiglio Nazionale Delle Ricerche - Università di Roma «La Sapienza» (Roma, Italia)
- Masahiro Kawai** Ph.D. in Economics from Stanford University; Specially Appointed Professor, Graduate School of Public Policy, University of Tokyo; Representative Director and Director-General, The Economic Research Institute for North-east Asia (ERINA) (Niigata, Japan)
- L. I. Kirsanova** Doctor of Philosophy, Professor of the Chair of Philosophy and Legal Psychology, VSUES (Vladivostok, Russia)
- N. A. Konopleva** Doctor of Culturology, Professor of the Chair of Design and Technology, VSUES (Vladivostok, Russia)
- V. V. Kryukov** Doctor of Economic Sciences, Adviser to the President, Professor of the Chair of Information Technologies and Systems, VSUES (Vladivostok, Russia)
- G. I. Lazarev** Doctor of Economic Science, Professor, Chancellor VSUES (Vladivostok, Russia)
- V. Ya. Lyubashits** Doctor of Laws, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)
- L. S. Mazelis** Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Chair of Mathematics and Modeling, VSUES (Vladivostok, Russia)
- A. Yu. Mamychev** Doctor of Political Science, Candidate of Law, Head of the Chair of Theory and History of Russian and Foreign Law, VSUES (Vladivostok, Russia)
- L. M. Medvedeva** doctor of historical Sciences, head of the Department of history, archaeology and Ethnology Institute of history, archaeology and Ethnography of the Far East Fed RAS
- A. Yu. Mordovtsev** Doctor of Law, Professor of the Chair of Theory and History of Russian and Foreign Law, Vladivostok State University of Economics and Service (Vladivostok, Russia)
- Nguyen An Ha** Associate Professor, PhD. Institute For European Studies, Vi Vietnamese Academy of Social Sciences, Director (Hanoi, Vietnam)
- Nohyoung Park** LL.M., Harvard Law School / Ph.D., University of Cambridge; Dean of School of Law, and the Director of the Cyber Law Centre at Korea University (Seoul, Republic of Korea)
- V. P. Smagin** Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Head of the Laboratory of Fundamental and Applied Physics, VSUES (Vladivostok, Russia)
- A. E. Smirnov** Doctor of Philosophy, Professor of the Chair of Philosophy and Methodology of Sciences, Faculty of History, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)
- N. A. Smirnova** Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Design, Technology, Materials Science and Expertise of Consumer Goods of Kostroma State University (Kostroma, Russia)
- K. S. Solodukhin** Doctor of Economic Sciences, Professor of the Chair of Mathematics and Modeling, VSUES (Vladivostok, Russia)
- Zhang Yuci** PhD., Professor, Director of International Cooperation Office, Dongbei University of Finance and Economics (Dalian, China)

Содержание

Цифровизация общества: правовой аспект

Г. В. Петрук

Предисловие

А. Ю. Мамычев, Г. В. Петрук

Как помыслить вместе цифровую трансформацию общества и долговременную вирусную пандемию: разбирая заметки прошедшего форума

А. Ю. Мамычев, Д. А. Петрова

Биополитические и цифровые тенденции развития политико-правовых практик в период пандемии

А. С. Давиденко

Концепция электронного правительства и цифровизация политической системы

П. Н. Бирюков

Ответственность за вред, причиненный технологиями с искусственным интеллектом: подход Европейского союза

Е. В. Тен

Избирательный процесс и формы манипулирования в эпоху цифровой трансформации общества: риски, угрозы и противодействия

С. И. Белов

Образ российской политической элиты и власти в видеоигре «Metro Exodus»

С. Г. Верещагин

История трансформации роботов: от первых механических устройств до боевых роботов с искусственным интеллектом. Правовое регулирование их применения в вооруженных конфликтах

А. М. Берман

Влияние биологических вызовов на общественно-политические отношения: проблемы и перспективы

Н. В. Шашло, А. А. Кузубов

Концептуальные дефиниции процесса стратегического позиционирования производственно-предпринимательских структур в условиях цифровых трансформаций

Т. В. Евсеева

Основные подходы к взаимодействию права и экономики в цифровую эпоху: теоретико-правовой поиск адекватной модели правового регулирования

Д. А. Петрова, М. Н. Москина, Д. В. Мухалов

Обзор судебной практики по вопросу введения ограничений прав граждан в период пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на примере цифровых пропусков

Contents

The digitalization of society: legal aspect

G. V. Petruk

Preface

A. Yu. Mamychev, G. V. Petruk

How to think together the digital transformation of society and a long-term viral pandemic: analyzing the notes of the last forum

A. Yu. Mamychev, D. A. Petrova

Biopolitical and digital trends in the development of political and legal practices during the pandemic

A. S. Davidenko

E-government concept and digitalization of the political system

P. N. Biryukov

Responsibility for damages caused artificial intelligence: EU approach

E. V. Ten

The electoral process and forms of manipulation in the epoch of the digital transformation of the society: risks, threats and opposition

50

S. I. Belov

The image of the Russian political elite in the video game «Metro Exodus»

S. G. Vereshchagin

The history of the transformation of robots: from the first mechanical devices to combat robots with artificial intelligence. The legal regulation of their use in armed conflicts

68

A. M. Berman

Impact of biological challenges on social and political relations: issues and prospects

N. V. Shashlo, A. A. Kuzubov

Conceptual definitions of the process of strategic positioning of industrial and entrepreneurial structures in the context of digital transformations

88

T. V. Evseeva

Basic approaches to the law and economics in the digitalization age: theoretical and legal search of suitable model of legal regulation

97

D. A. Petrova, M. N. Moskina, D. V. Mukhalov

Legal regimes for using digital technologies to prevent the spread of a new coronavirus infection (COVID-19)

111

<i>О. С. Голованова, Н. Н. Масюк</i> Чат-бот – digital помощник рекрутера	118	<i>O. S. Golovanova, N. N. Masyuk</i> Chatbot – digital recruiter assistant
<i>Ю. С. Матюк</i> Правовые и социальные аспекты применения искусственного интеллекта в условиях пандемии	129	<i>Yu. S. Matyuk</i> Legal and social aspects of the use of artificial intelligence in a pandemic
<i>М. В. Вронская, Е. О. Василенко</i> Злоупотребление правом участниками хозяйственных обществ	137	<i>M. V. Vronskaya, E. O. Vasilenko</i> Abuse of law in Limited Liability and Joint Stock Companies
Экономические науки		Economics science
<i>В. С. Шибает</i> Когнитивная экономика и коэффициент интеллекта: зарубежный взгляд	146	<i>V. S. Shibaev</i> Cognitive economics and IQ: a foreign view
<i>Г. А. Петрова, Д. А. Гусева</i> Классификационная структура предметной области управления факторами привлекательности интегрированного продукта для потребителей круизных услуг	154	<i>G. A. Petrova, D. A. Guseva</i> The classification of the subject field of managing the attractiveness factors of an integrated product for cruise service consumers
<i>И. А. Денисенко, И. В. Ретивцев, А. Н. Денисенко</i> Повышение эффективности сельских домохозяйств на основе активизации системы инфраструктурного обеспечения	165	<i>I. A. Denisenko, I. V. Retivtsev, A. N. Denisenko</i> Improving the efficiency of rural households through the use of their infrastructure system
Гуманитарные науки		Humanities science
<i>Л. А. Терская</i> Анализ реализации программ дополнительного профессионального образования в авиационном учебном центре: обратная связь со слушателями	180	<i>L. A. Terskaya</i> Analysis of the implementation of additional professional education programs at the aviation training center: feedback with the listeners
<i>В. Г. Ден, Н. А. Коноплева</i> Формирование гастрономического культурного пространства Дальнего Востока корейскими переселенцами	193	<i>V. G. Den, N. A. Konopleva</i> Formation of the gastronomic cultural space of the Far East by Korean immigrants
Публикации 2020 года	201	Publications in 2020
Правила оформления статей	204	Rules of formatting articles

.....

Цифровизация общества: правовой аспект

.....

16–19 ноября 2020 г. во Владивостокском государственном университете экономики и сервиса проходил II Дальневосточный международный форум «Роботы заявляют о своих правах: парадигмальные социально-экономические и политико-правовые изменения в век цифровизации и долговременных вирусных пандемий» в рамках реализации гранта Российского фонда фундаментальных исследований на проведение научных мероприятий, проект № 20-011-22065.

Современная социально-экономическая и политико-правовая реальность стремительно меняется. Устойчивые институционально-структурные основания и ставшие традиционными формы публично-властного управления качественно эволюционируют. Кардинальные сдвиги наблюдаются и в самых консервативных социальных институциях: разрушаются ценностно-нормативные системы и «пересобираются» духовно-нравственные стандарты; трансформируются устойчивые социальные статусы (общественных, политических, правовых, экономических субъектов) и т.д. Изменения касаются всех сфер социальной жизнедеятельности, где-то их интенсивность весьма велика, в иных сферах данные изменения только начинают происходить.

Если перефразировать Дж. Урри, будущее неминуемо наступает, но распределяется по современности неравномерно. Причём эти последние изменения наступают до того, как они будут адекватно осознаны и интерпретированы. В настоящее время ключевыми трендами, меняющими ландшафт социально-экономической и политико-правовой организации, формы и стиль жизнедеятельности людей, характер взаимоотношений в обществе, а также проектирующими «образы будущего», являются развитие и повсеместное внедрение сквозных цифровых технологий.

Проблематика настоящего форума преемственно связана с крупномасштабным событием 2019 года, прошедшим при поддержке РФФИ: I Дальневосточным международным форумом «Роботы заявляют о своих правах: доктринально-правовые основы и нравственно-этические стандарты применения автономных роботизированных технологий и аппаратов», который позволил обеспечить устойчивый контакт ученых, исследовательских лабораторий, научных школ Дальневосточного федерального округа, Центральной России и ряда зарубежных стран.

Несмотря на то, что форум-2020 состоялся в режиме онлайн, в обсуждении участвовали ученые со всех уголков России (Москва, Санкт-Петербург, Самара, Волгоград, Ростов-на-Дону и др.), а также из зарубежных стран (Белоруссия, Германия, Украина, Бразилия).

Ученые обсуждали взаимодействие цифровых и пандемических тенденций в современной общественной организации, рассматривали их в качестве «равнозначи-

ных» и взаимовлияющих тенденций, меняющих социально-экономическую и политико-правовую реальность. Научный диалог позволил коллективно разработать направления исследования, обсудить исследовательский словарь, помогающий концептуализировать и адекватно описать, с одной стороны, взаимодействие и взаимовлияние вышеобозначенных тенденций; с другой – происходящие в обществе радикальные изменения. В теоретико-практическом плане форум предоставил возможность сформировать прогностические модели и сценарии совместного развития, определить характер и направление влияния на общественные процессы цифровых и пандемических факторов.

В данном выпуске журнала опубликованы статьи на основе лучших докладов международного форума, вызвавших оживлённую дискуссию.

Г.В. Петрук,
кандидат педагогических наук, доцент,
директор департамента
научно-исследовательской работы

УДК 061.3:004.8

А. Ю. Мамычев¹

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия

Г. В. Петрук²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия

Как помыслить вместе цифровую трансформацию общества и долговременную вирусную пандемию: разбирая заметки прошедшего форума*

В данной статье проводится осмысление взаимодействия цифровых и пандемических тенденций в современной общественной организации. Авторы подчеркивают, что «Феномен 2020» значительно повлиял на дальнейшее развитие науки, общества и экономики, а также показал, что все активности природного (экология), биологического (вирусы), технологического (цифровые системы), социального (ментальные структуры, институты) характеров участвуют в эволюции социально-экономической, политико-правовой и иных сфер жизнедеятельности общества, что они «на равных» определяют наши стратегии и практики, играют ведущую роль в формировании социальных отношений и общественных порядков, несмотря на их разнообразие и противоречивую природу. Делаются выводы о том, что, несмотря на грандиозность новой цифровой реальности общества, в условиях пандемии все упирается в материальные субстраты, социальные и духовные основания.

Ключевые слова и словосочетания: цифровая трансформация, «Феномен 2020», вирусная пандемия, общество, политико-правовая реальность.

¹ Мамычев Алексей Юрьевич – д-р полит. наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, председатель II Дальневосточного международного форума; e-mail: mamychyev@yandex.ru

² Петрук Галина Владимировна – канд. пед. наук, доцент, директор департамента научно-исследовательской работы; e-mail: pigenko_galina_8@mail.ru

* *Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-011-22065 Научные мероприятия (II Дальневосточный международный форум «Роботы заявляют о своих правах: парадигмальные социально-экономические и политико-правовые изменения в век цифровизации и долговременных вирусных пандемий»).*

A.Yu. Mamychyev

Lomonosov Moscow State University
Moscow. Russia

G.V. Petruk

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

How to reflect digital transformations of the society and the lasting pandemic: giving a look the latest Forum

This article provides an understanding of the interaction of digital and pandemic trends in modern public organizations. The authors emphasize that the "Phenomenon 2020" significantly influenced the further development of science, society and the economy, and also showed that all the activities of natural (ecology), biological (viruses), technological (digital systems), social (mental structures, institutions) characters participate in the evolution of socio-economic, political, legal and other spheres of society, that they "equally" determine our strategies and practices, play a leading role in the formation of social relations and social orders, despite their diversity and contradictory nature. Conclusions are drawn that, despite the grandiosity of the new digital reality of society, in the context of a pandemic, everything rests on material substrates, social and spiritual foundations.

Keywords: digital transformation, "Phenomenon 2020", viral pandemic, society, political and legal reality.

Второй Дальневосточный международный форум «Роботы заявляют о своих правах: парадигмальные социально-экономические и политико-правовые изменения в век цифровизации и долговременных вирусных эпидемий» завершился!

Стал ли он Событием³ или был лишь очередным текущим моментом в году, когда произошли крупномасштабные и противоречивые процессы, которые изменили наш привычный уклад, заново переопределили наши ценности и потребности, ввели «в игру» новые угрозы и страхи? Безусловно, масштаб данных изменений станет более очевиден только с течением времени, как говорят, в исторической ретроспективе... Все масштабное схватывается на расстоянии, сложно дать целостное объяснение, находясь в контексте и в процессе происходящих изменений.

Заметен ли форум на данном фоне? Или же сам форум стал очередным puzzle общего фона, призванным артикулировать обсуждаемые изменения, акцен-

³ *Событие с большой буквы написано не случайно. Если «событие» с маленькой буквы ориентирует на текущие, обычные моменты нашей жизни, которые ничего кардинально не меняют, они не заметны и вроде несущественны, лишь в своей совокупности и с течением времени ведут к видимым качественным изменениям (по крайней мере, так нас учит материалистическая диалектика), то «Событие» с большой буквы появляется как бы «из ниоткуда, без видимых причин, без твердого бытия у своего основания» (С. Жижек), но разом меняет привычный ход вещей, определяя и новую систему мировоззренческих координат, и новый горизонт смыслов [1, с. 13]. Причем Событие отличается еще и тем, что «превосходит свои причины» или не тождественно им, не является их прямым следствием. С Событием трудно, к нему не подобраться с позиции строгой казуальной причинности...*

тирывать внимание на происходящих трансформациях? Оставим пока эти вопросы без ответа. Очевидно, что 2020 год станет той точкой на исторической оси координат, с которой мы будем связывать начало качественных изменений и кардинальных трансформаций в экономике, политике, праве, культуре и т.д.

Конечно, процессы, инициирующие данные изменения, начались задолго до «феномена 2020», но именно последний станет «историческим маркером», который выделил их, высветил все теньевые и слабо заметные тенденции. Эти тенденции связаны с потерей антропоцентричного характера всех разворачивающихся событий, а также с осознанием многофакторности и сложности существующей реальности, в которой действуют и система видимых, и серия скрытых, неоощуаемых, неразличаемых факторов. Так называемая четвертая промышленная революция зародилась задолго до сегодняшнего момента, постепенно подготавливалась в течение всего XX века, вводя в игру все новые и новые факторы, причины и условия развертывания социальных, биологических, технологических, экологических и иных процессов и событий.

Что же общего между научно-техническими открытиями с начала XX века? Тимоти Мортон, отвечая на этот вопрос, дал весьма емкий и точный ответ: «Вода, кванты, пространство времени начали быть видимыми. Они стали автономными сущностями, которые обладают разнообразными странными и неожиданными свойствами» [2, с. 22].

«Феномен 2020» отчетливо показал, что все эти активности природного (экология), биологического (вирусы), технологического (цифровые системы), социального (ментальные структуры, институты) характера участвуют в эволюции социально-экономической, политико-правовой и иных сфер жизнедеятельности общества, они «на равных» определяют наши стратегии и практики, играют ведущую роль в формировании социальных отношений и общественных порядков.

«Феномен 2020»: человек, цифра, вирус

«Феномен 2020» собрал в символическое единство целую серию экологических, биологических, цифровых, социокультурных и других тенденций, представив их разнообразие и противоречивую природу в некоей антиномичной целостности, которую раньше трудно было представить и помыслить.

«Феномен 2020» продемонстрировал, что все эти тенденции связаны, развиваются совместно, определяют траекторию и характер развития каждой. Важно подчеркнуть, что эти тенденции не внешние, они часть той реальности, в которой мы живем, это неотъемлемые элементы и неуничтожаемые факторы, определяющие и наш социально сконструированный мир, и наше биологическое существование (об этом весьма ярко напомнил Covid-19). Описывая последние, а точнее саму возможность помыслить все эти среды и регионы человеческого существования, Тимоти Мортон отмечает: «...мы находимся внутри них, как Иона внутри кита», поэтому любое принимаемое решение и любая социальная активность напрямую связаны и активируют процессы в иных средах/системах, запускают изменения в гиперобъектах. Последние трактуются в широком контексте: «...это не просто ментальные (или даже идеальные) конструкции, но

реальные сущности, первичная реальность которых является изъятной для людей» [3, с. 33].

Действительно, в настоящее время социальная активность (как на уровне индивида, так и на уровне коллективов) «соседствует» или разворачивается совместно с активностью не-человеческих элементов, или, как их обозначают в современной литературе, с траекторией актантов. Согласно Бруно Латуру, *актант* – это некоторое действующее начало или источник самого действия, который, с одной стороны, может иметь как человеческое измерение (сознательно-волевой акт, коллективные действия, ментальные структуры, общественные институты и т.п.), так и нечеловеческую характеристику (биологическую – вирус, технологическую – автономная цифровая технология, экологическую – природное явление) [4; 5]; с другой – быть комбинацией или ассамбляжем⁴ последних, т.е. союзом социального и материального, человеческого и не-человеческого.

Примером последнего могут быть направленность человека, выраженная через цифровые формы, генерирующие специфические события в социокультурной и цифровой реальности; или города, представляющие собой «ассамбляжи людей, сетей, организаций, равно как и ряда инфраструктурных компонентов» [6, с. 13].

При этом «актант никогда не действует в одиночку. Его действенность, или агентность, всегда зависит от способности вступать в связи и кооперироваться, от взаимодействия множественных тел и сил» [7, с. 45]. В этой теоретико-методологической модели актант не является «ни субъектом, ни объектом, но модусом (понятие, взятое из политической философии Б. Спинозы – *авт.*)... каждый модус представляет собой мозаику, или ассамбляж, из множества тел... быть модусом означает образовывать альянсы и входить в ассамбляжи, модифицировать и быть модифицированным другими. Процесс модификации неподконтролен какому бы то ни было модусу: ни один модус не является агентом в иерархическом смысле» [7, с. 47].

К таковым процессам изменений можно отнести модификацию цифровых алгоритмов в процессе машинного обучения, которое, как известно, реализуется на конкретных социальных данных и культурных артефактах. В процессе такого обучения развитие цифрового алгоритма получает специфическую социокультурную составляющую, а также достаточно уникальную направленность или траекторию дальнейшего развития цифровых алгоритмических систем.

⁴ Если понятие «система» в основном используется для описания взаимосвязанных социальных объектов (людей, созданных институтов), то «ассамбляж» используется для представления иных, специфических взаимосвязей и взаимовлияний как человеческих, так и не-человеческих (материальных, биологических, цифровых и других) элементов. Ассамбляж – «соединение или собрание чего-либо вместе либо же результат такого соединения или собрания» [5, с. 9]. Важно отметить, что ассамбляж акцентирует внимание на тесную взаимосвязь различных элементов (социальных, цифровых, биологических, физических), однако «отношения между ними (в отличие от системы – *авт.*) не являются логически необходимыми, но лишь контингентно (имеют преимущественно случайный характер сборки/собрания – *авт.*) обязательными в качестве исторического результата их коэволюции (совместного движения и развития – *авт.*)» [Там же, с. 21].

Данный эффект уже зафиксирован в развитии различных цифровых технологий и повсеместно распространен [8; 9]. Так, внедрение автономной цифровой системы или определенного алгоритмического решения в разных сообществах ведёт к совершенно разным траекториям их развития, к формированию так называемых «предубеждений цифровых систем» или «цифровых форм дискриминации»⁵ [10; 11; 12].

Другим примером модификации могут служить изменения мыследеятельности человека, его сознательно-волевых, психологических и эмоциональных характеристик под воздействием внедрения цифровых технологий в повседневную жизнь или влияние вирусной пандемии, которая задала специфические тренды развития цифровых систем контроля, учета, выявления и дифференциации социальных процессов, модификации политических и правовых систем и практик, связанных с формированием особых систем биозащиты, практик социального и медицинского десантирования, режимов самоизоляции, трансформации ценностно-нормативных ориентаций и пр. [12–14].

В нашем мышлении и исследовательских практиках трансформируется словарь в описании разворачивающихся событий и процессов, происходит проникновение концептов и понятий из различных описательных систем и исследовательских протоколов в другие. Идет усиленный поиск нового словаря, который, с одной стороны, способен адекватно описать современные кардинальные изменения в обществе, политике, праве под воздействием цифровой трансформации, разворачивающейся долгосрочной вирусной пандемии, а также ускорившихся климатических изменений; с другой – представить возможность рассмотреть различные системы (социальные, экологические, биологические, физические и цифровые) как взаимосвязанные и равнозначные, не отдавая приоритет ни одному из них⁶.

В целом это вполне традиционное взаимопроникновение концептов и исследовательских практик из одной области в другую. Например, дискурс политического тела или аналогия с социальными болезнями и вирусами, разрушающими общественный организм, вполне устоявшаяся тенденция, берущая своё начало еще в античной политической философии. Сегодня эта тенденция вновь актуальна и привлекательна в различных исследовательских проектах.

Юджин Такер, автор книги, посвященной философско-политическому анализу взаимосвязи вирусных заражений, цифровой эволюции и трансформации политических и юридических практик, отмечает, что «у нас есть две отдельные

⁵ Как известно, развитие систем искусственного интеллекта происходит на основе «человеческого материала», и в исходные коды цифровых алгоритмов могут с легкостью быть заложены социальные предрассудки, несовершенства, дискриминации, иллюзии. При этом в ходе машинного обучения формируется эффект «предубеждения систем искусственного интеллекта», который появляется вследствие того, что машинное обучение реализуется на существующих материалах в виде книг, текстов, картинок, конкретных кейсах/случаях социального взаимодействия, имеющемся опыте суждений и решений, принимаемых людьми.

⁶ Все это ориентировано на то, чтобы показать, как пишет Нэнси Левен, что «человеческие существа не просто не образуют собственный отдельный регион, но даже не способны распоряжаться тем регионом, природой, частью которого они являются» [7, с. 26].

области, каждая из которых различным образом интегрирует информатику и материальность посредством сетевой парадигмы; последнее имеет здесь решающее значение. Если теория информационной безопасности говорит нам, что определённые виды поведения компьютеров могут быть поняты через призму эпидемиологии, то (и это не менее важно) современная эпидемиология говорит нам, что инфекционные заболевания могут быть поняты через призму математики, статистики и информатики. В одном случае основная идея в том, что можем понять определённые типы поведения компьютера через призму биологии, в другом – что мы можем понять инфекционные заболевания через парадигму информатики...> рассмотрение заражения в рамках эпидемиологии полагает биологическую материальность, которая затем может быть абстрагирована в метафору (компьютерный «вирус»), оно также имплицитно связывает инфекцию с материальными и биологическими процессами распространения инфекции, логистического роста и эпидемиологических порогов» [7, с. 74].

Таковы общий исследовательский фон и доминирующая практика рассмотрения цифровых, пандемических и других процессов, существенно влияющих на кардинальные изменения в современной мыследеятельности человека, иницирующие трансформацию мировоззренческих и ценностно-нормативных оснований современного общества⁷.

Эта трансформация уже ощутима, поскольку значение цифровых систем, технических потребностей цифровой инфраструктуры, биологические и экологические доминанты становятся по своему статусу равнозначными, а нередко и ведущими по отношению к интересам и потребностям человека. Адам Гринфилд по этому поводу отмечает, что достаточно незаметно сегодня на первый план вышли иные ориентиры, обусловленные «не столько нашими потребностями, сколько потребностями систем (технических, информационных, цифровых – *авт.*), которые номинально служат нам, но для которых человеческое восприятие, соразмерные человеку масштабы и его желания *не являются главными мерами ценности* (курсив наш – *авт.*)» [10, с. 249].

Кроме того, в современных исследованиях акцентируется взаимовлияние различных систем, то, как различные «регионы» резонируют между собой и усиливают друг друга, определяя траектории развития каждого из элементов (например, направления разработки цифровых алгоритмов и специфика их внедрения под воздействием траектории развития вирусной угрозы в целях обеспечения контроля и биозащищенности населения при сохранении управляемости общественными процессами и воспроизводства действующего экономического, политического, правового и иных порядков). В этом аспекте алгоритмические решения, моделирующие развитие вируса, математические расчеты и диаграммы его распространения, принимаемые управленческие решения и особые социально-правовые режимы контроля и координации действуют сообща, влияя друг на друга.

⁷ В настоящее время «мы вступили в новую фазу истории, когда не-люди более не исключены и не являются всего лишь декоративными элементами человеческого социального, психического и философского пространства» [3, с. 35].

Проблематика форума и целевые ориентации дискуссий

Именно вышеописанные тенденции и разворачивающиеся трансформации составили проблематику, обсуждаемую на форуме, главными целями которого стали междисциплинарное рассмотрение взаимодействия цифровых и пандемических тенденций в современной общественной организации, обсуждение последних в качестве «равнозначимых» и взаимовлияющих тенденций, меняющих социально-экономическую и политико-правовую реальность.

Это не абстракция, порожденная «пандемическим мышлением», а реальные практики современной действительности. В этом плане еще раз обратимся к Юджину Такеру, который приводит пример новых констелляций цифрового, биологического, физического и политического в период эпидемии. Так, «ВОЗ использовала информационные сети против эпидемической сети, а передачу информации – против биологической и транспортной передачи инфекции» [7, с. 15]. Ю. Такер показывает, насколько переплетаются и определяются каждый из этих элементов, а их особая «сцепка» формирует траекторию будущего развития. Происходит корректировка политических стратегий, изменяются текущие публично-властные отношения, переструктурируется пространство (например, транспортные ограничения, закрытие, локализация, локдауны и проч.). Изменяются векторы разработки, приложения и внедрения сквозных цифровых технологий, меняются практики публичного и частного взаимодействия (социально-медицинская дистанция, формы индивидуальной и коллективной самоизоляции).

Таким образом, усилия докладчиков, модераторов секционных заседаний и круглых столов были направлены на разработку исследовательских стратегий, коллективное обсуждение адекватного исследовательского словаря, позволяющего концептуализировать и описать взаимодействие и взаимовлияние актуальных процессов, разворачивающихся в современной действительности (цифровизация, пандемия, социокультурные и экологические тренды, качественные изменения в политических и правовых отношениях, духовные и этические стандарты роботизации и др.).

В теоретико-практическом плане данное обсуждение привело к формулированию прогностических моделей и сценариев совместного развития политической, экономической, правовой и других общественных систем. Последнее отражено в авторских научных статьях, опубликованных в журнале «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса», а также в сборнике докладов по результатам работы II Дальневосточного международного форума «Роботы заявляют о своих правах: парадигмальные социально-экономические и политико-правовые изменения в век цифровизации и долговременных вирусных эпидемий».

Форум прошел в тон уходящему году, в дистанционном формате. Пленарное и секционные заседания, все площадки и мастер-классы работали в виртуальном режиме. С одной стороны, это позволило подключить разные научно-исследовательские центры, лаборатории, научные школы, а также ученых, исследователей, экспертов и аналитиков из разных городов и стран; с другой – сохранить данное научное Событие не только в памяти и заметках, которые мы активно делали в ходе дискуссий и обсуждений, но и в видеоформате.

Тем не менее, цифровой мир, предоставив эффективное и функциональное пространство, лишил реального взаимодействия «глаза в глаза». Нельзя сказать, что отсутствовала материальность события, это неверное понимание «цифрового события-форума». В цифровом формате проведения материальности было достаточно: это и оптоволокно, и модемы, и смартфоны, и ноутбуки, и стационарные компьютерные станции, и серверы, на которых размещены цифровые платформы, обеспечивающие дистанционный формат дискуссии, и здания, в которых самоизолировались участники форума, и т.п. Но отсутствовало то, что дает движение, активность и целевую ориентацию развития всех технологических инноваций. Как бы ни была грандиозна и виртуальна новая цифровая реальность общества, она все так же опирается в материальные субстраты, социальные и духовные основания...

1. Жижек С. Событие. Философское путешествие по концепту. – Москва: РИПОЛ классик, 2018.
2. Беннетт Дж. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей. – Пермь: Гиле Пресс, 2018. – 202 с.
3. Мортон Т. Гиперобъекты: философия и экология после конца мира. – Пермь: Гиле Пресс, 2019. – 284 с.
4. Бруно Л. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – Москва: Высшая школа экономики, 2014. – 384 с.
5. Бруно Л. Политики природы. Как привить наукам демократию. – Москва: Ад Маргинем, 2018. – 336 с.
6. Деланда М. Новая философия общества: теория ассамбляжей и социальная сложность. – Пермь: Гиле Пресс, 2012. – 170 с.
7. Такер Ю. Три текста о заражении. – Пермь: Гиле Пресс, 2020. – 132 с.
8. Брокман Дж. Что мы думаем о машинах, которые думают: Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте. – Москва: Альпина-Нон-фикшн, 2017. – 552 с. – Текст: электронный // Электронная библиотека «Литмир»: [сайт]. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=592732&p=1> (дата обращения: 10.11.2020).
9. Келли К. Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 347 с.
10. Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. – Москва: Дело, 2018. – 424 с.
11. Каку М. Будущее разума. – 4-е изд. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2018. – 646 с.
12. Рассел С. Совместимость. Как контролировать искусственный интеллект. – Москва: Альпина Диджитал, 2019. – 450 с.
13. Цифровая повестка и инициативы в области цифровых технологий в условиях COVID-19 (обзор практик Европейского союза, Организации экономического сотрудничества и развития, а также других стран). – Москва: НИУ ВШЭ, 2020. – 19 с.
14. Прощай, Covid / под ред. К. Гаазе, В. Данилова, И. Дуденковой [и др.]. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2020. – 432 с.
15. Конец привычного мира: путеводитель журнала «Нож» по новой этике, новым отношениям и новой справедливости. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2021. – 380 с.
16. Роботы заявляют о своих правах: доктринально-правовые основы и нравственно-этические стандарты применения автономных роботизированных технологий и аппаратов / под ред. А. Ю. Мамычева, А. Ю. Мордовцева, Г. В. Петрук. – Москва: РИОР, 2020. – 349 с.

Транслитерация

1. Zhizhek S. Sobytie. Filosofskoe puteshestvie po konceptu. – Moskva: RIPOL klassik, 2018.
2. Bennett Dzh. Pul'siruyushchaya materiya: Politicheskaya ekologiya veshchej. – Perm': Gile Press, 2018. – 202 s.
3. Morton T. Giperob'ekty: filosofiya i ekologiya posle konca mira. – Perm': Gile Press, 2019. – 284 s.
4. Bruno L. Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu. – Moskva: Vysshaya shkola ekonomiki, 2014. – 384 s.
5. Bruno L. Politiki prirody. Kak privit' naukam demokratiyu. – Moskva: Ad Marginem, 2018. – 336 s.
6. Delanda M. Novaya filosofiya obshchestva: teoriya assamblyazhej i social'naya slozhnost'. – Perm': Gile Press, 2012. – 170 s.
7. Taker Yu. Tri teksta o zarazhenii. – Perm': Gile Press, 2020. – 132 s.
8. Brokman Dzh. CHto my думаем о машинах, которые думают: Vedushchie mirovye uchenye ob iskusstvennom intellekte. – Moskva: Al'pina-Non-fikshin, 2017. – 552 s. – Tekst: elektronnyj // Elektronnaya biblioteka «Litmir»: [sajt]. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=592732&p=1> (data obrashcheniya 10.11.2020 g.).
9. Kelli K. Neizbezno. 12 tekhnologicheskikh trendov, kotorye opredelyayut nashe budushchee. – Moskva: Mann, Ivanov i Ferber, 2017. – 347 s.
10. Grinfeld A. Radikal'nye tekhnologii: ustrojstvo povsednevnoj zhizni. – Moskva: Delo, 2018. – 424 s.
11. Kaku M. Budushchee razuma. – 4-e izd. – Moskva: Al'pina non-fikshn, 2018. – 646 s.
12. Rassel S. Sovmestimost'. Kak kontrolirovat' iskusstvennyj intellekt. – Moskva: Al'pina Didzhital, 2019. – 450 s.
13. Cifrovaya povestka i iniciativy v oblasti cifrovyyh tekhnologii v usloviyah COVID-19 (obzor praktik Evropejskogo soyuza, Organizacii ekonomicheskogo so-trudnichestva i razvitiya, a takzhe drugih stran). – Moskva: NIU VSHE, 2020. – 19 s.
14. Proshchaj, Covid / pod red. K. Gaaze, V. Danilova, I. Dudenkovej [i dr.]. – Moskva: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2020. – 432 s.
15. Konec privychnogo mira: putevoditel' zhurnala «Nozh» po novoj etike, novym otnosheniyam i novoj spravedlivosti. – Moskva: Al'pina non-fikshn, 2021. – 380 s.
16. Roboty zayavlyayut o svoih pravah: doktrinal'no-pravovye osnovy i nrvastvenno-eticheskie standarty primeneniya avtonomnyh robotizirovannyh tekhnologij i apparatov / pod red. A. Yu. Mamycheva, A. Yu. Mordovceva, G. V. Petruk. – Moskva: RIOR, 2020. – 349 s.

© А.Ю. Мамычев, 2020

© Г.В. Петрук, 2020

Для цитирования: Мамычев А.Ю., Петрук Г.В. Как помыслить вместе цифровую трансформацию общества и долговременную вирусную пандемию: разбирая заметки прошедшего форума // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 9–17.

For citation: Mamychev A. Yu., Petruk G. V. How to think together the digital transformation of society and a long-term viral pandemic: analyzing the notes of the last forum, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2020, Vol. 12, № 4, pp. 9–17.

DOI [dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/009-017](https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/009-017)

Дата поступления: 08.12.2020.

УДК 061.3:004.8

А. Ю. Мамычев¹

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва. Россия

Д.А. Петрова²

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток. Россия

Биополитические и цифровые тенденции развития политико-правовых практик в период пандемии*

Статья ставит своей целью выявить главные изменения и направления публично-властных отношений в России в период пандемии новой коронавирусной инфекции Covid-19. В качестве теоретико-методологической основы применяются междисциплинарный подход и биополитическая концепция властных отношений. Авторы приходят к выводу, что наравне с положительными аспектами цифровизации необходимо говорить, как минимум, о трех негативных тенденциях, которые проявились в период пандемии: ускоренном или даже агрессивном насаждении цифровизации без достаточной подготовки; использовании достижений технологической революции в целях контроля и учета данных о населении; снижении качества правового регулирования, выраженного в опоре на административно-властные акты и легитимацию властных решений.

Ключевые слова и словосочетания: властные отношения, государство, легитимация, общественно-политическая организация, правовая политика, цифровизация, цифровые технологии.

¹ Мамычев Алексей Юрьевич – д-р полит. наук, канд. юрид. наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса; e-mail: mamychhev@yandex.ru

² Петрова Дарья Андреевна – канд. полит. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права; e-mail: otдел_nauka@mail.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-011-31760 «Цифровые, биологические и социокультурные тренды эволюции публично-властной организации и отношений в современной России: проблемы моделирования и прогнозирования общественно-политической динамики».

A.Yu. Mamychyev

Lomonosov Moscow State University
Moscow. Russia

D.A. Petrova

Eastern Federal University
Vladivostok. Russia

Biopolitical and digital trends in the development of political and legal practices during the pandemic

This article aims to identify the main changes and trends in public-power relations in Russia during the pandemic of the new Covid-19 coronavirus infection. The paper uses an interdisciplinary approach and the geopolitical concept of power relations as a theoretical and methodological basis. The authors conclude that along with the positive aspects of digitalization, it is necessary to talk about at least three negative trends that emerged during the pandemic: accelerated or even aggressive digitalization without sufficient preparation; using the achievements of the technological revolution in order to control and record data on the population; reducing the quality of legal regulation, expressed in reliance on administrative and power acts and legitimization of power decisions.

Keywords: power relations, state, legitimation, socio-political organization, legal policy, digitalization, digital technologies.

Введение

В середине XX века широкий теоретический резонанс приобрела концепция биополитики, которая стала одним из ведущих направлений в исследовании современной общественно-политической жизнедеятельности. При этом в рамках доказательной базы при изложении данной теории в основном использовались исторические примеры, связанные с различными эпидемиологическими событиями. Особый режим функционирования политических и юридических институтов в периоды, например, разных эпидемий позволил описать особую форму политического господства и специфическую конфигурацию государственно-правовой рациональности.

Обращение к метафорам болезней политического организма, вирусным атакам на общественно-политическую жизнедеятельность свойственно политическим и правовым учениям прошлого и настоящего. Справедливо отмечает Юджин Такер, что «дискурс тела в политической философии всегда сопровождается размышлениями о его болезнях и недугах» [1, с. 9].

Тем не менее, теоретико-концептуальное описание процесса «медикализации» государственно-правового режима как отдельного феномена, а не научной метафоры или удачной аналогии представил в своей известной лекции «Нужно защищать общество» французский философ и историк Мишель Фуко. Для него процессы медикизации общественно-политической организации стали одним из ключевых трендов эволюции властных отношений. Фуко аргументирует, что в XX веке главным регистром государственной рациональности становятся био-

политические формы господства, в контексте которых управленческие воздействия направлены на «рождаемость, заболеваемость, различные формы биополитической ущербности (больные, мигранты, безумцы и проч. – *А.М., Д.П.*), на воздействие среды, на все это биополитика начнет распространять свое знание и определять соответственно область вмешательства своей власти» [2, с. 256–257].

При этом население как некоторое «единое тело», которое может быть подвержено различным заболеваниям и недугам, рассматривается им в качестве ключевой «юридической и политической проблемы» современной эпохи, а состояние этого «тела» становится объектом не только «знания, но и пристального наблюдения и управления» [3].

«Медикализация политической рациональности» выстраивает, по мысли Фуко, совершенно иную логику, она больше не размещает все события в бинарной оппозиции «законное – незаконное», а расширяет ее посредством более глубоких измерений/координат: «нормальность – ненормальность», «полезность – бесполезность», «разум – безумие», «здоровый – больной» и т.д., выстраивает специфическую иерархию, размещающую и классифицирующую все общество на «тех, кто соблюдает определенную норму; тех, кто отклоняется от нее; тех, кого можно исправить; тех, кого нельзя исправить; тех, кого можно исправить таким-то средством; тех, для кого следует употреблять иные средства» [4, с. 15].

Меняется и функциональная направленность многих политических институтов. Так, под видом разнообразных социальных учреждений (политических, юридических, культурных, здравоохранения и т.д.), которые ответственны, на первый взгляд (публичный дискурс, обсуждаемый и представляемый наравне с официальной системой идей, смыслов и ценностей), за благополучие населения, его защиту и безопасность, незаметно «внедряются» медиализованные технологии власти (скрытый дискурс, не обсуждаемый, находящийся в тени, скрытый от массового обсуждения), с помощью которых жизненный мир и потребности общества и человека становятся объектом управления и подчинения [5].

Соответственно, в этом типе политической рациональности, по утверждению М. Фуко, политические институты, ориентированные на обеспечение общественного здоровья (стабильность, устойчивость, воспроизводство и т.п.) и безопасности (информационная, биологическая, военная и т.д.), обязаны управлять и контролировать все жизненные процессы в государстве. В этом плане «сразу же закон оказывается неприемлемым; сразу же оказываются необходимыми упомянутые разновидности вмешательства, исключенный и незаконный характер отнюдь не должен выглядеть знаком произвола или избытка власти, но выглядеть, напротив, знаком заботы» [4, с. 46–47]. Последнее особенно следует учитывать в оценке и интерпретации принимаемых управленческих решений в период пандемии новой коронавирусной инфекции Covid-19. Именно об их специфике речь и пойдет в настоящей статье.

Политико-правовую основу исследования составили: а) решения исполнительных органов власти субъектов федерации, регламентирующие внедрение информационных технологий в стратегию борьбы с коронавирусной инфекцией: указ мэра города Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ (ред. от 27.05.2020),

Постановление Правительства Красноярского края от 01.04.2020 № 188-п; Постановление администрации Владимирской области от 28.04.2020 № 255, Постановление губернатора Забайкальского края от 27.05.2020 № 60, указ мэра Москвы от 11 апреля 2020 года № 43-УМ «Об утверждении Порядка оформления и использования цифровых пропусков для передвижения по территории города Москвы в период действия режима повышенной готовности в городе Москве»; б) федеральное законодательство: Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» от 27 июля 2006 г., Федеральный закон «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» № 168-ФЗ от 08 июня 2020 г.; в) практика российских судов по вопросу оспаривания ограничительных мер в рамках борьбы с коронавирусом.

Теоретическая база исследования представлена современными исследованиями в области цифровой трансформации общества и общественно-политических отношений (Артемова С.Т., Жильцов Н.А., Чердаков О.И., Беляцкая Т.Н., Князькова В.С., Зюзин В.Д., Вдовенко Д.В., Куприков О.Д., Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С.), правового регулирования цифровых технологий (Салихов Д.Р., Симонова С.В.), персональных данных (Савельев А.И.).

Методологическая основа работы. Процессы внедрения цифровых технологий в период развития пандемии, связанной с появлением новой коронавирусной инфекции Covid-19, а также политико-правовая «реакция» на распространение вируса, изменения политической повестки дня и траекторий развития цифровых средств и платформ, очевидно, требуют достаточно широкой теоретико-методологической базы, поскольку исследуемые феномены, процессы и общественные отношения невозможно адекватно описать с позиции какой-либо одной дисциплины.

Более того, разворачивающиеся процессы цифровой трансформации общественных отношений, внедрение и эксплуатация автономных роботизированных аппаратов обуславливают важность диалога между естественно-технической, гуманитарной и социальной отраслями научного знания. В этом плане непродуктивно выстраивать исследование процессов, кардинально меняющих мировоззренческие, ценностно-нормативные и другие основания функционирования социальных систем, с позиции «дисциплинарной строгости». Рассмотрение заявленных проблем и их адекватное решение возможны только с привлечением широкого круга методологических разработок и теоретических положений различных наук – юриспруденции, политологии, философии, кибернетики, социологии и др.

Это позволяет комплексно и, самое главное, адекватно специфике разворачивающихся процессов цифровизации всех сфер жизнедеятельности общества содержательно проанализировать взаимодействие и взаимовлияние разнообразных сфер общественной жизнедеятельности: физической (территория, инфраструктура, ресурсы и т.д.), биологической (экологические условия, природные ресурсы, общественное здоровье и т.п.), интеркоммуникативной (общественная

целостность, культурное единство, система общественных традиций и обычаев, ценностно-нормативная система и т.д.) и цифровой (виртуальные и дополненные цифровые среды взаимодействия, цифровая инфраструктура общества и государства и т.д.).

Следует учитывать, что различные типы реальности (биологическая, физическая, интеркоммуникативная/социальная, цифровая), в которых разворачивается общественное взаимодействие и формируется политико-правовой порядок, относительно автономны и при этом тесно взаимосвязаны на глубинном уровне, влияя друг на друга, что показала долговременная вирусная пандемия.

Кроме того, в основе настоящего исследования лежат и частнонаучные методы исследования: нормативно-правовой и формально-юридический, при помощи которых анализируются нормативные правовые акты, их нормативное воздействие на регулируемые общественные отношения.

Основная часть

Цифровая трансформация затрагивает сегодня практически все сферы общественной жизнедеятельности [6]. С точки зрения комфорта и удобства технологическая революция, безусловно, имеет много положительных сторон: оформление документов из дома; возможность работать или учиться дистанционно; установление стабильной видеосвязи с родственниками; удобный доступ к счету и т.д. Однако очень быстрые темпы технологического прогресса, а также внешние условия (пандемия коронавирусной инфекции) создают ситуацию несбалансированного и негармоничного внедрения цифровых технологий в социально-политические процессы России. В настоящий момент можно выделить минимум три негативных тенденции, характеризующие взаимодействие политики и права под влиянием цифровизации:

- ускоренное или даже агрессивное насаждение цифровизации без достаточной подготовки;
- использование достижений технологической революции в целях контроля и учета данных о населении;
- снижение качества правового регулирования.

Ускоренное насаждение цифровизации без достаточной подготовки. Под ускоренной цифровизацией мы понимаем искусственное широкомасштабное внедрение цифровых технологий во все сферы общественной жизни. Ускорение темпов отечественной цифровизации подогревается рассуждениями об отставании России от передовых стран Европы, США и некоторых азиатских стран, где цифровизация начата значительно раньше.

В отличие от так называемых передовых стран в российском обществе очевидна неготовность к таким масштабным преобразованиям. Прежде всего, неготовность выражается в слабом развитии инфраструктуры, неравномерном распределении доступа к техническим устройствам [7; 8]. На практике возникает ситуация, когда, например, ученики сел, перешедшие на дистанционное обучение, вынуждены карабкаться на дерево для усиления сигнала и подключения к классу. Указанная проблема цифрового разрыва или цифрового неравенства неоднократно обсуждалась в научной литературе [9; 10].

Проблема использования достижений технологической революции в целях контроля и учета данных о населении. На современном этапе в России функционируют как минимум четыре федеральные электронные системы учета, содержащие персональные данные россиян:

- Индивидуальный (персонифицированный) учет на территории Российской Федерации – присваивает индивидуальный лицевой счет, имеющий постоянный страховой номер (СНИЛС);
- Федеральный регистр сведений о населении Российской Федерации – содержит основные сведения о россиянах;
- Единая биометрическая система – содержит биометрические сведения граждан России.

Отдельно необходимо иметь в виду Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА) – информационную систему, которая обеспечивает доступ участников информационного взаимодействия (граждан-заявителей и должностных лиц органов исполнительной власти) к информации, содержащейся в государственных информационных системах учета. Через эту систему гражданин получает доступ к большинству электронных государственных платформ: Госуслуги, Российская общественная инициатива, автоматизированная система «Правосудие». В будущем через ЕСИА гражданам будет предоставляться доступ к единому федеральному регистру сведений о населении и единой биометрической системе.

Помимо федеральных систем учета существуют и региональные системы учета в г. Санкт-Петербурге и Псковской области.

Названные системы электронного учета сведений о гражданах включают практически все виды информации, кроме специальной, касающейся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни субъектов персональных данных и т.д.

Однако право использовать федеральный регистр будет иметь не только оператор – регламенты всех систем учета предполагают обработку персональных данных органами госбезопасности.

Несмотря на то, что обработка биометрических персональных данных (п. 1 ст. 14.1) осуществляется при согласии гражданина, необходимо иметь в виду п. 16 ст. 14.1 ФЗ № 149, согласно которому оператор ЕБС отправляет биометрические данные граждан «в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, и федеральный орган исполнительной власти в области обеспечения безопасности в целях обеспечения обороны страны, безопасности государства, охраны правопорядка и противодействия терроризму». Таким образом, органы внутренних дел и безопасности имеют доступ к биометрическим данным граждан и право обработки этих данных без согласия граждан.

Указанный выше факт того, что органы госбезопасности будут обрабатывать биометрические данные граждан, также коррелирует с принятым недавно

Федеральным законом от 8 июня 2020 года № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации». Перечень сведений, вносимый в регистр (определен в п. 2 ст. 7), может быть расширен органами, уполномоченными на решение задач в области обеспечения безопасности Российской Федерации в рамках реализации своих полномочий (п. 15 ст. 8). Полный перечень органов, имеющих право вносить изменения, а также порядок внесения сведений будут определяться Указом Президента и Постановлением Правительства. Таким образом, можно говорить о том, что перечень вносимых в регистр сведений не является исчерпывающим и оставляет место для внесения не указанных в законах данных.

Помимо влияния правоохранительных органов на ведение реестров существует и другой аспект названной проблемы, который заключается в насильственной цифровизации без учета мнения граждан. Граждане России не могут отозвать свои персональные данные из обработки в электронных базах учета.

Недоверие к целям обработки персональных данных сильно не только в России, но и в так называемых развитых демократических странах. Граждане обеспокоены тем, что государство превысит свои полномочия и создаст серьезные угрозы демократическим устоям государства и общества, а также сформирует неконституционный режим использования персональных данных граждан.

Так, например, в Германии активация функции онлайн-идентификации составляет около 50% после восьми лет эксплуатации [7; 8]. Разница во внедрении с развитыми демократическими странами достаточно ощутима, поскольку руководство России решило отказаться от постепенного ввода электронных идентификаторов и поддержало авторитарный путь без права отказа от электронной идентификации.

В то же время в Великобритании 21 января 2011 года был принят Закон о документах, удостоверяющих личность от 2010 г. [11], обязавший уничтожить все данные в Национальном Регистре идентификации личности к 21 февраля 2011 года [12]. В настоящее время водительские права, в частности водительские права с фотокарточкой, введенные в 1998 году, и паспорт гражданина являются наиболее широко используемыми документами, удостоверяющими личность в Великобритании.

Настоящим катализатором использования технологий слежения послужило распространение коронавируса.

В частности, региональные власти применяют следующие информационные технологии:

- расширение сети систем видеонаблюдения, с помощью которых происходит идентификация лиц, нарушающих введенные ограничения, в частности режим самоизоляции [13, с. 24];
- введение цифровых пропусков для сдерживания передвижения людей.

Все указанные меры весьма спорны по своей правовой природе.

Так, использование камер видеонаблюдения для контроля передвижения людей в период распространения коронавирусной инфекции является правомерным (с точки зрения соответствия ФЗ № 152-ФЗ «О персональных данных» от

27 июля 2006 г.), пока получаемые при помощи видеофиксации изображения людей не используются для установления личности без предварительного согласия такого лица. Если же изображение используется для идентификации человека, то в этом случае изображение приравнивается к биометрическим персональным данным, работа с которыми требует обязательного согласия.

Ограничениями на получение согласия являются следующие основания:

- реализация международных договоров РФ о реадмиссии;
- осуществление правосудия и исполнение судебных актов;
- проведение обязательной государственной дактилоскопической регистрации;
- случаи, предусмотренные законодательством РФ об обороне, безопасности, противодействии терроризму, транспортной безопасности, противодействии коррупции, оперативно-розыскной деятельности, государственной службе, уголовно-исполнительном законодательстве РФ, о порядке выезда из РФ и въезда в РФ, гражданстве РФ.

Как видно, ни одно из указанных ограничений не подходит под улучшение санитарно-эпидемиологической обстановки и борьбу с коронавирусом, поэтому получение согласия граждан необходимо.

Таким образом, правоприменитель не уполномочен привлекать к административной ответственности лиц, нарушивших нормативно-правовые акты, направленные на борьбу с коронавирусом, и идентифицированных на основе данных, полученных от камер слежения. Для того чтобы подобное полномочие стало возможным, законодатель должен предусмотреть механизм подачи гражданами согласия на обработку биометрических персональных данных (что представляется практически невыполнимой задачей) или же внести соответствующие поправки в федеральный закон.

По такой схеме, например, действуют США, где граждане добились временного запрета на технологии идентификации до появления регулирующих правил.

Учитывая мировой опыт регулирования технологии идентификации лиц через видеонаблюдение, можно говорить о следующих моделях законодательного регулирования использования государством данной технологии:

- полный запрет на использование (Сан-Франциско, США);
- запрет использования без согласия владельца персональных данных, за исключением отдельно оговоренных исключений. К таковым могут быть отнесены оказание медицинских услуг и обеспечение национальной безопасности (Европейский союз).

На наш взгляд, условное ограничение не является удачной мерой регулирования, поскольку не снимает основного вопроса о злоупотреблении персональными данными граждан, против чего и направлены протесты.

Следующая тенденция, на которой хотелось бы остановиться подробнее, касается **снижения качества правового регулирования**.

Во-первых, необходимо говорить о том, что сместился акцент на принятие административно-властных решений. Так, например, все непопулярные решения

в рамках борьбы с распространением пандемии (масочный режим, самоизоляция, соблюдение дистанции) и использование информационных технологий (камеры слежения, социальный мониторинг) вводятся на основании решений региональных властей. В то время как существуют вполне легитимные правотворческие процедуры, например, объявление чрезвычайного положения в соответствии с Федеральным законом от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Однако правовая политика пошла по пути установления альтернативного правового режима ограничительных мер, в том числе в отношении использования информационных технологий.

Во-вторых, возникла угроза потери системности в праве. Введение альтернативных правовых режимов и властных установок требует согласования с действующим правом. В настоящий момент наблюдается политика, направленная в большей степени на легитимацию принятых решений. Однако такие разрешающие нормы не всегда согласуются с общими принципами права или принципами права, действующими в определенной области.

Указанное противоречие иллюстрируется на примере легитимации Единого регистра сведений о населении, вводимого недавним Федеральным законом от 8 июня 2020 года № 168-ФЗ.

Создание единого федерального регистра также нельзя назвать популярной мерой, против его создания выступают многие общественные организации и объединения. Общественное давление на стадии обсуждения проекта Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» не дало внести развернутую норму, регламентирующую работу федерального регистра [14]. Вместо этого в законе «О персональных данных» фигурирует только упоминание возможности создания такого регистра. Также закон вводит норму, затрудняющую создание единой общероссийской базы данных, чем по сути является регистр. Пункт 3 статьи 5 Федерального закона устанавливает в качестве принципа запрет на объединение баз персональных данных, обрабатываемых с различными целями.

Тем не менее, прямое упоминание о возможности создания регистра в п. 13 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» обеспечило легитимацию создаваемого регистра сведений. Закон «О персональных данных» также предусматривает создание специального закона, который определил бы правовой статус регистра и регламентировал порядок его функционирования. Последующий специальный Федеральный закон № 168-ФЗ от 08 июня 2020 устанавливает особый статус регистра, который не мыслится законодателем как простое объединение баз (каким была попытка создания единой электронной карты), а наделяется самостоятельным статусом с особым порядком работы.

Несмотря на то, что существуют нормы, разрешающие создание федерального регистра, главное противоречие не снято – регистр объединяет в себе разные базы с разными целями.

Другой образец легитимации можно привести на примере установления ограничительных мер в связи с распространением коронавирусной инфекции.

В связи с угрозой распространения заболевания 1 апреля 2020 в Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» была спешно введена норма о том, что органы государственной власти субъектов РФ *«устанавливают обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения при введении режима повышенной готовности»*.

Но статья 55 Конституции РФ закрепляет, что права граждан могут быть ограничены только федеральным законом. При попытке граждан оспорить действия региональных властей по установлению ограничений суды встали на сторону региональных властей. По мнению судей, субъекты РФ имеют право устанавливать ограничения в случае, если федеральным законом предоставлены такие полномочия [15]. Интересно также и то, что суды склонны признавать доводы административных истцов о необходимости принятия отдельного федерального закона, направленного на ограничение прав и свобод граждан, неверными, так как они основаны на «неправильном применении и толковании норм права» [16]. Указанное высказывание напоминает известный сюжет о борьбе патрициев и плебеев, в котором плебеи всегда были проигравшей стороной в толковании права. Только римское право до Законов XII таблиц не было писаным, в отличие от российского.

Проблема легитимирующей правовой политики ставит вопрос о том, что практически любое решение власти может быть оформлено соответствующим правовым актом и, в конечном итоге, станет соответствовать позитивному праву. Однако широко известен пример установления национал-социалистической диктатуры, выстраиваемой в строгом соответствии с действующим позитивным правом Веймарской Республики. В соответствии с установленными правилами отменялись гражданские права и свободы, выстраивался репрессивный аппарат. Именно для недопущения произвола законным способом и существуют принципы права, которым не должны противоречить решения власти, оформленные посредством правовых актов. Итак, несмотря на положительные возможности цифровизации, существуют негативные тенденции развития российских властно-политических отношений.

1. Такер Ю. Три текста о заражении. – Пермь: Гиле Пресс, 2020. – 132 с.
2. Фуко М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. – Санкт-Петербург: Наука, 2005. – 312 с.
3. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. – Москва: Касталь, 1996. – 448 с.
4. Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. – Москва: Праксис, 2006. Ч. 3. – 320 с.
5. Мамычев А. Ю. Государственная власть в социокультурной организации современного общества: теоретико-методологические аспекты политико-правовой трансформации. – Москва: РИОР, 2017. – 290 с.
6. Роботы заявляют о своих правах: доктринально-правовые основы и нравственно-этические стандарты применения автономных роботизированных технологий и аппаратов / под ред. А. Ю. Мамычева, А. Ю. Мордовцева, Г. В. Петрук. – Москва: РИОР, 2020. – 349 с.

7. Артемова С. Т., Жильцов Н. А., Чердаков О. И. «Цифровой разрыв» и конституционные гарантии «цифрового равенства» // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – №10. – С. 41–45.
8. Беляцкая Т. Н., Князькова В. С. Цифровой разрыв в современном информационном обществе // Экономическая наука сегодня. – 2019. – №10. – С. 209–217.
9. Зюзин В. Д., Вдовенко Д. В., Куприков О. Д. Перспективы развития российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Оригинальные исследования. – 2020. – Т. 8, №10. – С. 123–129.
10. Dobrinskaya D. E., Martynenko T. S. Defining the digital divide in Russia: key features and trends // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – №5. – С. 100–119.
11. Identity Documents Act 2010. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/40/contents/enacted> (дата обращения: 07.09.2020).
12. Identity Documents Bill. – URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201011/cmbills/001/2011001.pdf> (дата обращения: 07.09.2020).
13. Салихов Д. Р., Симонова С. В. Видеонаблюдение с возможностью идентификации лиц: балансируя между безопасностью и правами человека (обзор межвузовских молодежных онлайн-дебатов) // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. – 2020. – №3. – С. 24.
14. Савельев А. И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». – Текст: электронный // СПС «Консультант-Плюс»: [сайт]. – URL: www.consultant.ru (дата обращения: 9.10.2020).
15. Решение Иркутского областного суда от 6 мая 2020 г. № 3а-171/2020. – Текст: электронный // СПС «Гарант»: [сайт]. – URL: <http://base.garant.ru/313975332/> (дата обращения: 9.10.2020).
16. Решение Забайкальского краевого суда от 04.06.2020 по делу № 3а-63/2020; Решение Липецкого областного суда от 9 июня 2020 г. по делу № 3а-19/2020; Решение Иркутского областного суда от 6 мая 2020 г. № 3а-171/2020; Решение Московского городского суда от 28 апреля 2020 г. по делу № 3а-3877/2020.

Транслитерация

1. Taker Yu. Tri teksta o zarazhenii. – Perm': Gile Press, 2020. – 132 s.
2. Fuko M. Nuzhno zashchishchat' obshchestvo: kurs lekcij, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1975 – 1976 uchebnom godu. – Sankt-Peterburg: Nauka, 2005. – 312 s.
3. Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let / per. s fr. – Moskva: Kastal', 1996. – 448 s.
4. Fuko M. Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. – Moskva: Praxis, 2006. Ch. 3. – 320 s.
5. Mamychev A. Yu. Gosudarstvennaya vlast' v sociokul'turnoj organizacii sovremennogo obshchestva: teoretiko-metodologicheskie aspekty politiko-pravovoj transformacii. – Moskva: RIOR, 2017. – 290 s.
6. Roboty zayavlyayut o svoih pravah: doktrinal'no-pravovye osnovy i нравственно-этические стандарты применения автономных роботизированных технологий и аппаратов / pod red. A. Yu. Mamycheva, A. Yu. Mordovceva, G. V. Petruk. – Moskva: RIOR, 2020. – 349 s.
7. Artemova S. T., Zhil'cov N. A., Cherdakov O. I. «Cifrovoy razryv» i konstitucionnye garantii «cifrovogo ravenstva» // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2020. – №10. – S. 41–45.
8. Belyackaya T. N., Knyaz'kova V. S. Cifrovoy razryv v sovremennom informacionnom obshchestve // Ekonomicheskaya nauka segodnya. – 2019. – №10. – S. 209–217.

9. Zyuzin V. D., Vdovenko D. V., Kuprikov O. D. Perspektivy razvitiya rossijskogo informacionnogo obshchestva: urovni cifrovogo razryva // Original'nye issledovaniya. – 2020. – Т. 8, №10. – С. 123–129.
10. Salihov D. R., Simonova S. V. Videonablyudenie s vozmozhnost'yu identifikacii lic: balansiruya mezhdz bezopasnost'yu i pravami cheloveka (obzor mezhvuzovskih molodezhnyh onlajn-debatov) // Municipal'noe imushchestvo: ekonomika, pravo, upravlenie. – 2020. – № 3. – С. 24.
11. Savel'ev A. I. Nauchno-prakticheskij postatejnyj kommentarij k Federal'nomu zakonu «O personal'nyh dannyh». – Tekst: elektronnyj // SPS «Konsul'tantPlyus»: [sajt]. – URL: www.consultant.ru (data obrashcheniya: 9.10.2020).
12. Reshenie Irkutskogo oblastnogo suda ot 6 maya 2020 g. № 3a-171/2020. – Tekst: elektronnyj // SPS «Garant»: [sajt]. – URL: <http://base.garant.ru/313975332/> (data obrashcheniya: 9.10.2020).
13. Reshenie Zabajkal'skogo kraevogo suda ot 04.06.2020 po delu № 3a-63/2020; Reshenie Lipeckogo oblastnogo suda ot 9 iyunya 2020 g. po delu № 3a-19/2020; Reshenie Irkutskogo oblastnogo suda ot 6 maya 2020 g. № 3a-171/2020; Reshenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 28 aprelya 2020 g. po delu № 3a-3877/2020.

© А. Ю. Мамычев, 2020

© Д. А. Петрова, 2020

Для цитирования: Мамычев А. Ю., Петрова Д. А. Биополитические и цифровые тенденции развития политико-правовых практик в период пандемии // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 18–29.

For citation: Mamychyev A. Yu., Petrova D. A. Biopolitical and digital trends in the development of political and legal practices during the pandemic, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2020, Vol. 12, № 4, pp. 18–29.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/018-029

Дата поступления: 01.12.2020.

УДК 342.5

А.С. Давиденко

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Концепция электронного правительства и цифровизация политической системы

В настоящей статье рассмотрена специфика модели электронного правительства, функционирующего на территории российского государства, включая отдельные аспекты его становления и развития, инфраструктурные компоненты, в том числе каналы электронного доступа к получению государственных и муниципальных услуг, единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА), единая система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), государственная информационная система о государственных и муниципальных платежах, федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций) (ФРГУ), информационно-аналитическая система мониторинга качества государственных услуг. Автором делается вывод о существовании отдельных проблем практической реализации электронного правительства в России и необходимости их разрешения, а также предлагается собственное видение преодоления и устранения выявленных проблем в правоприменительной практике.

Ключевые слова и словосочетания: электронное правительство, государственные услуги, правовое регулирование процессов информатизации деятельности государственных органов власти.

A.S. Davidenko

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

E-government concept and digitalization of the political system

This article examines the specifics of the e-government model operating on the territory of the Russian state, including certain aspects of its formation and development, infrastructure components: including channels of electronic access to receiving state and municipal services, a unified system of identification and authentication (ESIA), a unified system of inter-departmental electronic interaction (SMEV), the state information system about state and municipal payments, the federal register of state and municipal services (FRGU),

Давиденко Алексей Сергеевич – магистрант Института права; e-mail: davidenko@list.ru

an information and analytical system for monitoring the quality of public services. The author draws a conclusion about the existence of certain problems of the practical implementation of electronic government in Russia and the need to resolve them, and also proposes his own vision of overcoming and eliminating the identified problems in law enforcement practice.

Keywords: e-government, public services, legal regulation of the processes of Informatization of the activities of state authorities.

Актуальность выбранной темы исследования. В конце XX века широкое распространение во всех сферах жизнедеятельности государств мира и их населения получили информационные технологии, функционирующие на базе телекоммуникационной сети Интернет. Они быстро стали массово доступны пользователям ввиду их относительно низкой стоимости, что не могло не быть учтено руководящими структурами и взято на заметку для целей государственного управления: они получили собственное определение при использовании в данном направлении и стали именоваться «e-government» – электронное правительство. По определению Организации Объединенных Наций, «e-government» – это «...применение правительствами различных стран информационно-коммуникационных технологий для преобразования своих внутренних и внешних взаимоотношений...» [1].

Актуальность исследования обусловлена повсеместным применением моделей электронного правительства в различных государствах мира, включая Российскую Федерацию, где их использование не проходит беспроблемно. Иными словами, научное осмысление выбранной темы будет способствовать поиску путей преодоления существующих сложностей в функционировании российской модели электронного правительства. Объект исследования – общественные отношения, формирующиеся в результате применения информационных технологий для получения государственных и муниципальных услуг. Предмет исследования, в свою очередь, охватывает действующие нормативные правовые акты, регламентирующие данный вопрос, соответствующие материалы сформированной практики, а также научные изыскания по выбранной теме.

Цель и задачи настоящего исследования. Главная цель проведения комплексного, всестороннего и детального анализа особенностей российской модели электронного правительства заключается в выявлении проблем, которые возникают при ее применении, а также в разработке собственного авторского взгляда на разрешение данных проблем, способов их устранения и преодоления.

Достижение поставленной цели стало возможным за счет последовательного решения следующих задач:

- анализ нормативно-правовой базы российской модели электронного правительства;
- изучение особенностей, свойственных российской модели электронного правительства;
- выявление имеющихся сложностей в практической реализации концепции электронного правительства на территории российского государства;

– разработка и предложение к внедрению собственных путей решения проблем практической реализации концепции электронного правительства на территории российского государства.

Особенности российской модели электронного правительства. Переходя к рассмотрению вопроса об особенностях модели «электронного правительства», функционирующего на территории российского государства, следует отметить, что история его становления началась с принятия в 2002 году федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002–2010 годы)» [2] и продолжается по сей день уже в рамках практической реализации другой федеральной целевой программы, получившей название «Информационное общество (2011–2020 годы)» [3]. Центральным и основополагающим направлением данных программ стало получение гражданами государственных и муниципальных услуг в электронной форме посредством использования специально разработанных информационно-коммуникативных технологий.

По состоянию на 2020 год отечественным законодателем был принят ряд нормативных правовых актов, положения которых призваны урегулировать различные вопросы, сопряженные с функционированием электронного правительства в России, включая следующие федеральные и подзаконные акты:

- 1) ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ [4];
- 2) ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ [5];
- 3) ФЗ «О персональных данных» от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ [6];
- 4) ФЗ «Об электронной подписи» от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ [7];
- 5) Указ Президента РФ «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» от 12.05.2012 г. № 601 [8];
- 6) Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» от 15.04.2014 г. № 313 [9];
- 7) Распоряжение Правительства РФ «О Концепции развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде» от 25.12.2013 г. № 2516-р [10];
- 8) Постановление Правительства РФ «О требованиях к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг» от 26.03.2016 г. № 236 [11].

На современном этапе в структурном выражении российская модель электронного правительства представлена следующими инфраструктурными элементами, в полной мере позволяющими обеспечить реализацию предоставления гражданам государственных и муниципальных услуг в интерактивной форме:

1. Каналы электронного доступа к получению государственных и муниципальных услуг. Прежде всего, речь идет о Едином портале государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ, Госуслуги), а также о различных региональных порталах государственных и муниципальных услуг (далее – РПГУ), которые на сегодняшний день действуют практически в каждом субъекте российского госу-

дарства. Кроме того, к таким каналам относятся и официальные сайты, порталы органов государственной и муниципальной власти, а также их версии в виде приложений для средств телефонной связи, в том числе базирующихся на различных операционных системах (iOS, Android).

2. *Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА)*. Данный элемент обеспечивает реальную возможность использования одного и того же идентификатора личности человека для получения им доступа к электронным государственным и муниципальным услугам, которые оказываются, предоставляются различными поставщиками, в том числе и через различные информационно-телекоммуникационные каналы связи.

3. *Единая система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ)*. Обозначенный элемент призван обеспечить граждан эффективным, результативным и своевременным взаимодействием органов государственной и муниципальной власти при оказании государственных и муниципальных услуг в электронной форме. Другими словами, фактически он создан для быстрого и оперативного обмена важной правовой информацией.

4. *Государственная информационная система о государственных и муниципальных платежах*. Указанный элемент позволяет как физическим, так и юридическим лицам оперативно, максимально быстро получать необходимую информацию об их обязательствах перед бюджетом российского государства, региональным бюджетом, муниципальным бюджетом при действии такого основополагающего принципа, как «единое окно», а также осуществлять учет платежей, начислений при оказании различных государственных и муниципальных услуг в электронной форме.

5. *Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций) (ФРГУ)*. Обозначенный элемент призван в течение длительного периода сохранять существующую информацию о всех государственных и муниципальных услугах (в том числе, информацию о списке требуемых документов для их получения, поставщике, сроках оказания, а также о результатах предоставления).

6. *Информационно-аналитическая система мониторинга качества государственных услуг*. Данный элемент российской модели электронного правительства представляет собой площадку, обеспечивающую доступ к собранной, обработанной и проанализированной информации о качестве предоставления услуг органами государственной власти, а также органами муниципальной власти. Функционирование этой системы позволяет принимать на высшем уровне решения, связанные с усовершенствованием качества оказываемых услуг.

Функционирование обозначенного комплекса элементов, в совокупности своей составляющих российскую модель электронного правительства, обеспечено быстрым ростом (иногда его отмечают даже поистине взрывным) числа оказываемых услуг в электронной форме органами государственной и муниципальной власти: так, в 2016 году их количество составило более 220 миллионов, а по истечении 2019 года – свыше 350 миллионов [12].

Необходимо обратить внимание, что для обеспечения нормальной работы каждого из названных элементов российского электронного правительства

к данной системе подключены всевозможные государственные информационные ресурсы, а также двенадцать тысяч организаций, которые принимают участие в предоставлении и оказании гражданам государственных и муниципальных услуг. Кроме того, на современном этапе ведется грамотная, спланированная работа по использованию системы транзакций в процессах реализации государственных и муниципальных функций (по состоянию на начало 2020 года их число составило около 10 млрд) [12].

В инфраструктуре российской модели электронного правительства функционирует также информационная система Головного удостоверяющего центра, которая обеспечивает возможность практического применения электронной подписи при получении государственных и муниципальных услуг, а также предоставляет сервисы доверия в части использования электронных документов, мониторинг и оценку качества услуг, оказываемых региональными удостоверяющими центрами, действующими на территории различных субъектов Российской Федерации. Помимо прочего, с этой целью также был реализован механизм кросс-сертификации и выдачи корневых сертификатов для удостоверяющих центров.

Повышенное внимание было уделено отечественным законодателем и к обеспечению должного уровня прозрачности и открытости деятельности органов государственного и муниципального управления на базе федеральной целевой концепции «Открытое правительство». Перечень информации, которая подлежит раскрытию на официальных сайтах, в строгом соответствии определен положениями Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 г. № 8-ФЗ.

С 2010 по 2020 год была проведена огромная работа по учреждению и функционированию каналов прямого взаимодействия граждан с руководителями органов государственной власти и органов муниципальной власти. К числу подобного рода информационно-телекоммуникационных каналов правомерно относить различные блоги, ютуб-каналы, сервисы социальных сетей (например, ВКонтакте, Инстаграм и др.).

Реализованы значимые инициативы по вопросам взаимодействия органов государственной власти и органов муниципальной власти с российским населением, а также представителями национального бизнеса. В том числе созданы и по сей день функционируют следующие интерактивные площадки:

1. Портал «Российская общественная инициатива».
2. Портал открытых данных Российской Федерации.
3. Единый портал для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения.

Проблемы практической реализации концепции электронного правительства на территории российского государства, сложности в его функционировании и способы их преодоления и разрешения. Несмотря на указанные достижения, Россия постоянно сталкивается с рядом неразрешенных проблем и препятствий, которые в значительной степени осложняют функционирова-

ние российской модели электронного правительства и требуют для своего преодоления и устранения принятия ряда стратегических и тактических решений.

Первая проблема связана с разобщенностью органов государственной и муниципальной власти, дублированием вверенных им полномочий. По сути не всегда понятно, в какой орган надлежит адресовать то или иное заявление. Невозможно уточнить заблаговременно посредством электронного взаимодействия необходимую информацию, что влечет за собой вынесение огромного числа отказных решений по обращениям граждан и, как следствие, усложняет процедуру взаимодействия гражданского общества с властью.

Вторая проблема заключается в отсутствии четко слаженной нормативной правовой базы, содержание которой в полной мере было бы посвящено урегулированию всевозможных вопросов, связанных с функционированием модели электронного правительства на территории российского государства. Вышеназванные акты во многом противоречат друг другу, отчасти не охватывают своими положениями регулирование всех вопросов, связанных с практической реализацией данной концепции в России.

Третья проблема напрямую вытекает из необходимости использования для реализации концепции электронного правительства на территории российского государства исключительно лицензионного программного оборудования, которое отличается высокой стоимостью и требует достаточно большого потока финансирования из государственного бюджета, поскольку иное оборудование небезопасно и некорректно в своем практическом использовании.

Четвертая проблема связана с невозможностью обеспечения в полном объеме кибербезопасности при практической реализации модели электронного правительства на территории российского государства, что способствует утечке конфиденциальной информации и нарушению конституционно провозглашенного права человека на частную жизнь.

И, наконец, пятая из выявленных нами проблем заключается в неправильной организации взаимодействия гражданского общества и властных структур посредством применения электронных технологий: по факту остается достаточно большой процент граждан, которые не понимают и даже боятся применения электронных систем.

Подход к разрешению выявленных проблем, на наш взгляд, должен носить комплексный и всесторонний характер за счет системного и постоянного применения нижеследующей совокупности мер:

1. Формирование спроса на получение электронных услуг у гражданского общества (в частности, за счет проведения просветительской работы средств массовой информации, а также лекционных занятий на базе предприятия).
2. Создание единых стандартов для органов власти по оказанию услуг в электронной форме с четким разграничением полномочий и функций, о чем потребитель таких услуг может быть проконсультирован дистанционно.
3. Внедрение зарубежного опыта по обеспечению кибербезопасности и привлечение для этого дополнительного финансирования.

Выводы. Несмотря на весомые достижения, Российская Федерация постоянно сталкивается с рядом неразрешенных проблем и препятствий, которые в значительной степени осложняют функционирование российской модели электронного правительства и требуют для своего преодоления и устранения принятия ряда стратегических и тактических мер.

1. Electronic-government. Glossary: [сайт]. – URL: <https://www.un.org/en/> – Текст: электронный (дата обращения: 06.09.2020).
2. О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)»: Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 (ред. от 09.06.2010). – Текст: электронный // СПС «Гарант»: [сайт]. – URL: <http://base.garant.ru/184120/> (дата обращения: 06.09.2020).
3. Информационное общество (2011–2020 годы). – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_155198/d60fab9834a8f7ea1bad56bb17af05751937b2a3/ (дата обращения: 06.09.2020).
4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (посл. ред. от 03.04.2020). – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 06.09.2020).
5. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федеральный закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ (посл. ред. от 31.07.2020). – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 06.09.2020).
6. О персональных данных: федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ (посл. ред. от 24.02.2020). – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 06.09.2020).
7. Об электронной подписи: федеральный закон от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ (посл. ред. от 01.07.2020). – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (дата обращения: 06.09.2020).
8. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: Указ Президента РФ от 12.05.2012 г. № 601 (посл. ред. от 01.07.2020). – Текст: электронный // СПС «Гарант»: [сайт]. – URL: <http://base.garant.ru/70170942/> (дата обращения: 06.09.2020).
9. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» (2011–2020 годы): Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 313 (посл. ред. от 21.08.2020). – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/ (дата обращения: 06.09.2020).
10. О Концепции развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде: Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2013 г. № 2516-р (посл. ред. от 13.10.2017). – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156812/ (дата обращения: 06.09.2020).
11. О требованиях к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг: Постановление Правительства РФ от 26.03.2016 г. № 236 (посл. ред.

- от 21.08.2020) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195919/ (дата обращения: 06.09.2020).
12. Электронное правительство в РФ. – Текст: электронный // Министерство цифрового развития, связи и коммуникаций Российской Федерации: [сайт]. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/statistic/rating/elektronnoe-pravitelstvo-v-rf/> (дата обращения: 01.09.2020).

Транслитерация

1. О federal'noj celevoj programme «Elektronnaya Rossiya (2002-2010 gody)»: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28.01.2002 № 65 (red. ot 09.06.2010). – Tekst: elektronnyj // SPS «Garant»: [sajt]. – URL: <http://base.garant.ru/184120/> (data obrashcheniya: 06.09.2020).
2. Informacionnoe obshchestvo (2011–2020 gody). – Tekst: elektronnyj // SPS «Konsul'tantPlyus»: [sajt]. – URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_155198/d60fab9834a8f7ea1bad56bb17af05751937b2a3/ (data obrashcheniya: 06.09.2020).
3. Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii: federal'nyj zakon ot 27.07.2006 g. № 149-FZ (posl. red. ot 03.04.2020). – Tekst: elektronnyj // SPS «Konsul'tantPlyus»: [sajt]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (data obrashcheniya: 06.09.2020).
4. Ob organizacii predostavleniya gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug: federal'nyj zakon ot 27.07.2010 g. № 210-FZ (posl. red. ot 31.07.2020). – Tekst: elektronnyj // SPS «Konsul'tantPlyus»: [sajt]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (data obrashcheniya: 06.09.2020).
5. O personal'nyh dannyh: federal'nyj zakon ot 27.07.2006 g. № 152-FZ (posl. red. ot 24.02.2020). – Tekst: elektronnyj // SPS «Konsul'tantPlyus»: [sajt]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (data obrashcheniya: 06.09.2020).
6. Ob elektronnoj podpisi: federal'nyj zakon ot 06.04.2011 g. № 63-FZ (posl. red. ot 01.07.2020). – Tekst: elektronnyj // SPS «Konsul'tantPlyus»: [sajt]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (data obrashcheniya: 06.09.2020).
7. Ob osnovnyh napravleniyah sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennogo upravleniya: ukaz Prezidenta RF ot 12.05.2012 g. № 601 (posl. red. ot 01.07.2020). – Tekst: elektronnyj // SPS «Garant»: [sajt]. – URL: <http://base.garant.ru/70170942/> (data obrashcheniya: 06.09.2020).
8. Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Informacionnoe obshchestvo» (2011–2020 gody): postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 g. № 313 (posl. red. ot 21.08.2020). – Tekst: elektronnyj // SPS «Konsul'tantPlyus»: [sajt]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/ (data obrashcheniya: 06.09.2020).
9. O koncepcii razvitiya mekhanizmov predostavleniya gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug v elektronnom vide: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 25.12.2013 g. № 2516-r (posl. red. ot 13.10.2017). – Tekst: elektronnyj // SPS «Konsul'tantPlyus»: [sajt]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156812/ (data obrashcheniya: 06.09.2020).
11. O trebovaniyah k predostavleniyu v elektronnoj forme gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26.03.2016 g. № 236 (posl. red. ot 21.08.2020) // SPS «Konsul'tantPlyus»: [sajt]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195919/ (data obrashcheniya: 06.09.2020).

12. Elektronnoe pravitel'stvo v RF. – Tekst: elektronnyj // Ministerstvo cifrovogo razvitiya, svyazi i kommunikacij Rossijskoj Federacii: [sajt]. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/statistic/rating/elektronnoe-pravitelstvo-v-rf/> (data obrashche-niya: 01.09.2020).

© А. С. Давиденко, 2020

Для цитирования: Давиденко А.С. Концепция электронного правительства и цифровизация политической системы // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 30–38.

For citation: Davidenko A.S. E-government concept and digitalization of the political system, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2020, Vol. 12, № 4, pp. 30–38.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/030-038

Дата поступления: 23.11.2020.

УДК 004; 34.5

П. Н. Бирюков

Воронежский государственный университет
Воронеж. Россия

Ответственность за вред, причиненный технологиями с искусственным интеллектом: подход Европейского союза

Статья посвящена правовым аспектам искусственного интеллекта в Европейском союзе. Подробно исследуются документы Европейского союза и законодательство государств-членов в сфере искусственного интеллекта. Автор анализирует европейские подходы, чтобы понять важность предполагаемых ключевых преимуществ и угроз от принятия искусственного интеллекта.

Ключевые слова и словосочетания: искусственный интеллект (ИИ); Европейский союз (ЕС); государства-члены ЕС; вред, причиненный продуктами с искусственным интеллектом.

P. N. Biryukov

Voronezh State University
Voronezh. Russia

Responsibility for damages caused artificial intelligence: EU approach

The article is devoted to the legal aspects of artificial intelligence in the EU (hereinafter AI). The documents of the EU and the legislation of the Member States in the field of AI are examined in detail. The author analyzes European approaches to understand the importance of the perceived key benefits and threats of AI adoption.

Keywords: artificial intelligence (AI); EU; EU member states; harm caused by artificial intelligence products.

Исследования показывают, что ИИ добавляет в экономику миллиарды евро в год [1]. Эта новая ситуация изменяет концепцию труда, а также и общество в целом. Кроме того, ИИ обеспечивает компаниям широкий спектр возможностей,

Бирюков Павел Николаевич – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права; e-mail: birukovpn@yandex.ru

позволяющих лучше понять потребности своих клиентов, партнеров и бизнес-среду в целом. Как известно, 10 октября 2019 г. Президент РФ утвердил «Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года». В пункте 48 Стратегии закреплена необходимость создания юридических условий и процедур внедрения технологических решений, разработанных на основе ИИ, а также делегирования информационным системам, функционирующим на основе ИИ, возможности принятия отдельных решений, в том числе при исполнении государственными органами государственных функций. Для лучшей имплементации положений российской стратегии в сфере ответственности за деятельность технологий с ИИ необходимо изучить зарубежный опыт.

Нужно понимать, что способность ИИ накапливать опыт и учиться действовать независимо и принимать индивидуальные решения создает предпосылки для нанесения ущерба новыми технологиями. Поэтому вопросы компенсации необходимо будет решать в соответствии с существующими правовыми положениями [2]. Основная проблема заключается в том, что пока ни международное, ни национальное право не признают ИИ субъектом права. Это означает, что сам ИИ не может нести личную ответственность за ущерб, причиненный продукцией с ИИ. Возникает вопрос: а кто должен ее нести?

Приложения ИИ становятся все более автономными, что позволяет возлагать на роботов ответственность за любой ущерб или травмы, которые они причиняют. В зарубежной литературе уже активно дискутируются предложения о введении в правовую материю «электронного лица» (e-person) [3]. Ставится вопрос о том, как будет компенсироваться ущерб от их деятельности?

Статья 12 Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г. [4] частично отвечает на данный вопрос. «Договор, заключенный в результате взаимодействия автоматизированной системы сообщений и какого-либо физического лица или в результате взаимодействия автоматизированных систем сообщений, не может быть лишен действительности или исковой силы на том лишь основании, что никакое физическое лицо не осуществляло просмотра или вмешательства в отношении каждой отдельной операции, выполненной автоматизированными системами сообщений, или заключенного в результате договора». Иными словами, действует общее правило: оператор инструмента с ИИ (концепция AI-as-Tool – ИИ-как-инструмент) несет ответственность за результаты, полученные с его помощью, поскольку сам инструмент не имеет собственной независимой воли. Таким образом, к действиям ИИ применима субсидиарная и строгая ответственность.

В этой связи представляют интерес наработки ЕС в сфере ответственности продукции с ИИ. Оценивая ситуацию в целом, можно заметить, что в настоящее время право Евросоюза и государств-членов ЕС не согласовано. Однако ЕС шаг за шагом продвигается вперед в этой сфере.

Во-первых, применяются нормы, касающиеся: а) ответственности за дефектную продукцию (Директива 85/374/ЕС о сближении законов, правил и административных положений государств-членов); б) защиты данных (ст. 82 Рег-

ламента 2016/679 о защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и свободного перемещения таких данных) и в) правил конкуренции (Директива 2014/104/ЕС о некоторых правилах, регулирующих действия по возмещению ущерба в соответствии с национальным законодательством за нарушение положений закона о конкуренции).

Во-вторых, действует режим страхования ответственности за ущерб, причиненный автотранспортными средствами (Директива 2009/103/ЕС, касающаяся страхования гражданской ответственности за использование автотранспортных средств и исполнение обязательства застраховаться от такой ответственности).

В-третьих, право ЕС также предусматривает разрешение коллизии разносистемных норм (Регламент № 864/2007 о праве, применимом к недоговорным обязательствам – Регламент Рим II).

Законы государств-членов ЕС пока не содержат единых правил ответственности, применимых к ущербу, причиненному ИИ. Используются правила внедоговорной ответственности в контексте новых цифровых технологий. При этом внедоговорная ответственность устанавливается как общими нормами гражданского права, так и специальным законодательством.

В настоящее время наиболее разработана ответственность за качество продукции. На уровне ЕС давно и успешно действует Директива об ответственности за некачественную продукцию 1985 г. [5]. Она охватывает все типы продуктов, к которым можно отнести новые цифровые технологии. Директива устанавливает ответственность производителей в случаях, когда дефектная продукция причиняет ущерб человеку (включая телесные повреждения, смерть или материальный ущерб). Это режим строгой ответственности, в котором пострадавшему не нужно доказывать вину производителя. Потерпевший несет лишь бремя доказывания дефекта товара, факта повреждения и наличия причинно-следственной связи.

«Производитель» – производитель продукта, сырья или компонентов или любое лицо, которое представляет себя производителем, указывая свое название, торговую марку или любые отличительные черты продукта. Кроме того, без ущерба для ответственности производителя импортер товара также считается производителем. Если производитель не может быть идентифицирован, каждый поставщик продукта рассматривается как его производитель, если не сообщает потерпевшему лицу о производителе.

Суд ЕС неоднократно указывал, что Директива 85/374/ЕЕС применяется к продуктам, используемым при предоставлении любых услуг. Однако ответственность поставщика услуг не входит в сферу действия Директивы [6]. Директива не препятствует государствам-членам применять национальные правила в этой сфере, в соответствии с которыми поставщик услуг, использующий неисправный продукт, несет ответственность за ущерб, им причиненный.

На национальном уровне правила, реализующие Директиву об ответственности за продукцию, сосуществуют с другими правилами внедоговорной ответственности, на которые также могут ссылаться потерпевшие. Согласно ст. 13 Директивы она не затрагивает никаких прав, которые потерпевший может иметь

в соответствии с нормами права об ответственности. Директива, как указывает Суд ЕС, не препятствует применению систем ответственности, сформированных на иных основаниях (например, по гарантии в отношении скрытых дефектов [7]).

Что касается национальных правил внедоговорной ответственности, их можно разделить на две категории в зависимости от того, требуется компенсация потерпевшему от виновного лица или нет.

Первый – внедоговорная ответственность, основанная на вине. Национальное законодательство вводит специальные правила, чтобы облегчить бремя доказывания для потерпевшего. Такие варианты могут заключаться в презумпции вины правонарушителя (либо возложении бремени доказывания), в соответствии с которой:

а) нарушитель несет ответственность, если не докажет, что не виновен (§ 836 ГГУ Германии);

б) осуществление лицом опасной деятельности, если оно не докажет, что все соответствующие меры по предотвращению ущерба были приняты (ст. 2050 ГК Италии);

в) ответственность работодателя за действие, которое выполняется от его имени или в интересах его сотрудников, если он не докажет, что проявлял надлежащую заботу (§ 1315 ГК Австрии);

г) ответственность родителей/опекунов/учителей за ущерб, причиненный несовершеннолетним/учеником или психически нездоровым лицом, если они не могут доказать, что не могли предотвратить повреждения (ст. 2048 и 2047 ГК Италии).

Второй – особые режимы ответственности. В большинстве юрисдикций строгая ответственность не зависит от вины; истцу нужно доказать лишь наличие ущерба и причинной связи. Перенос бремени доказывания нацелен на облегчение компенсации ущерба в ситуациях, когда законодатель считает слишком обременительным или несбалансированным применение общего правила ответственности на основании вины.

Некоторые нормы могут пойти еще дальше, когда риск ущерба связан с опасными видами деятельности, возлагая ответственность на лицо, осуществляющее деятельность. Например, пилот самолета, водитель автомобиля несут полную ответственность за опасную деятельность. Обоснованием обычно является тот факт, что конкретное лицо создало риск, который материализуется в виде ущерба, и в то же время получало экономическую выгоду от этой деятельности (раздел 6:535(1) ГК Венгрии, § 5 ФЗ Австрии об ответственности за железнодорожный и автомобильный транспорт). Возможны другие случаи, связанные с юридическими или фактическими отношениями между двумя лицами или лицом и объектом.

Некоторые государства ЕС рассматривают последствия появления цифровых технологий в отдельных сферах отношений. Так, законодательством о дорожном движении Швеции было разрешено проводить испытания автономных транспортных средств на улице.

В Германии также были внесены поправки в Закон о дорожном движении, чтобы разрешить автономным транспортным средствам передвижение по улице при условии обязательного присутствия человека, чтобы взять на себя управленческие функции автомобилем.

В 2017–2018 гг. ведущие государства Евросоюза (Франция [8], Германия [9], Италия [10], Испания [11]) приняли национальные стратегии в области ИИ. Французская стратегия включает в себя акцент на военных элементах и безопасности ИИ. Во Франции считается, что ИИ помимо рисков создает возможности для экономики и общества. Подход Италии, напротив, характеризуется опасением потерять экономические возможности в связи с неиспользованием ИИ. Немецкий документ практически полностью игнорирует эту область. Испания нацелена на имплементацию ИИ во все сферы жизни общества. Собственные стратегии разрабатывают и другие страны-члены ЕС.

Начиная с 2017 г. институты ЕС активно занимаются проблемами ответственности ИИ за ущерб.

Так, 16 февраля 2017 г. Европейский парламент принял резолюцию о правилах гражданского права в области робототехники с рекомендациями для Еврокомиссии [12]. Было предложено принять целый ряд документов в области ИИ.

В феврале 2018 г. Европейская парламентская исследовательская служба опубликовала исследование «Общий подход ЕС к правилам ответственности и страхования для подключенных и автономных транспортных средств» [13] с предложениями на этот счет.

В апреле 2018 г. Еврокомиссия приняла Стратегию ЕС в области ИИ [14]. Подход Комиссии к ИИ основан на трех принципах: 1) поощрять развитие ИИ государственным и частным секторами. В этих целях Комиссия увеличивает ежегодные инвестиции в ИИ на 70% и создает исследовательские центры ИИ по всей Европе; 2) поддерживать разработку платформ ИИ, которые обеспечивают доступ к соответствующим ресурсам в ЕС для всех пользователей; 3) поддерживать разработку приложений ИИ в ключевых секторах экономики.

25 апреля 2018 г. Комиссия опубликовала рабочий документ «Ответственность за новые цифровые технологии» [15]. В нем был представлен обзор соответствующих элементов правил безопасности, применяемых новых цифровых технологий на уровне ЕС, а также перечислены основные принципы правил внедоговорной ответственности в контексте новых цифровых технологий в ЕС на уровне государств-членов.

На первой Европейской ассамблее по ИИ в июне 2019 г. экспертная группа высокого уровня по искусственному интеллекту [16] представила два документа рекомендательного характера:

1. Руководящие принципы этики в отношении искусственного интеллекта [17]. В них перечислено семь требований, которым системы ИИ должны соответствовать, чтобы заслуживать «доверие».

2. Политические и инвестиционные рекомендации для надежного искусственного интеллекта [18]. 33 рекомендации были направлены на обеспечение устойчивости ЕС, его роста и конкурентоспособности.

Комиссия обязалась: а) поддерживать партнерские отношения в сфере образования для привлечения и удержания в Европе новых талантов в сфере ИИ; б) создавать специализированные схемы обучения и переподготовки специалистов; в) прогнозировать изменения на рынке труда; г) поддерживать цифровые навыки и компетенции в области науки и техники. Рекомендации помогут Комиссии и государствам-членам обновить скоординированный план по развитию ИИ.

21 ноября 2019 г. группой экспертов по ответственности и новым технологиям [19] был опубликован Отчет об ответственности за искусственный интеллект и другие появляющиеся технологии [20]. В целом отчет исходит из необходимости разрабатывать режимы юридической ответственности за действия ИИ. В нем дана базовая терминология и заложены некоторые принципы ответственности.

В некоторых странах ЕС уже утверждены нормы об ответственности за продукты с цифровыми технологиями.

Во-первых, имеются государства, которые разрешают регулярное использование высоко- либо полностью автоматизированных транспортных средств, обычно обеспечивая покрытие любого причиненного ущерба, например, в виде страховки. Так, статья 19 Указа Правительства Италии от 28 февраля 2018 года о тестировании подключенных и автоматизированных транспортных средств на дорогах общего пользования [21] предусматривает, что лицо, запрашивающее разрешение на проведение испытаний автомобилей на дорогах общего пользования, должно предоставить доказательства страхования ответственности. Циркуляр Генерального директората по дорожному движению Испании 2015 года [22] разрешает испытания автоматических автомобилей и требует страхование ответственности для покрытия обязательных страховых лимитов для автотранспортных средств. Допускается также применение общих правил об ответственности. Например, статья 7 Закона о дорожном движении Германии [23] предусматривает строгую ответственность владельца автомобиля. Это правило было оставлено без изменений, когда закон был адаптирован к появлению автоматизированных транспортных средств. Аналогичным образом вопрос решен во французском Декрете № 2018-211 от 28 марта 2018 года об экспериментах с автоматизированными транспортными средствами на дорогах общего пользования [24].

Во-вторых, в отношении здоровья и безопасности действуют директивы ЕС. В их числе: а) Директива 2006/42/ЕС по машинному оборудованию (она является соответствующим законодательством по безопасности для роботов); б) Директива 2014/53/ЕС по радиооборудованию [25] (применяется ко всем продуктам, включая встроенное программное обеспечение, использующее радиочастотный спектр); в) Директива 90/385/ЕЕС об активных имплантируемых медицинских устройствах, Директива 93/42/ЕЕС о медицинских устройствах, Директива 98/79/ЕС по медицинским устройствам для диагностики *in vitro*; г) Директива 89/391/ЕЕС о введении мер, способствующих повышению безопасности и здоровья сотрудников на работе.

Указанные директивы были успешно имплементированы на национальном уровне. Можно назвать, к примеру, испанский Королевский декрет 1644/2008,

устанавливающий стандарты ввода в эксплуатацию машин [26], ирландское постановление S.I. № 248/2017 о радиооборудовании ЕС [27] и другие документы.

В-третьих, поскольку новые технологии также включаются в другие продукты, применяются и другие инструменты ЕС. Так, в рамках права ЕС по гармонизации производители должны обеспечить соответствие продукции основным требованиям здоровья и безопасности, следуя применимым процедурам (в некоторых случаях с привлечением органа по оценке соответствия). Они должны хранить техническую документацию на продукты, которые размещают на рынке. Таким образом, на рынок в ЕС допускаются только безопасные потребительские товары. В этой сфере действует защита в отношении продуктов и рисков, не охваченных правом о гармонизации.

В настоящее время продолжается разработка европейских гармонизированных стандартов для «интернета вещей», современных роботов на базе ИИ и автономных систем. Институты и органы ЕС разрабатывают соответствующие стандарты, чтобы предложить равные условия и безопасные правила. Эти стандарты предполагают презумпцию соответствия европейскому праву по безопасности, в соответствии с которым они разработаны (в частности, в соответствии с Директивой по машинному оборудованию 2006/42/ЕС и Директивой по радиооборудованию 2014/53/ЕС). Европейские организации по стандартизации разрабатывают стандарты для «комбинированной» продукции. Иными словами, при наличии нескольких элементов безопасности ЕС применяется вторичное право ЕС.

Возможные проблемы могут возникать в продуктах с ИИ, имеющих в настоящее время на рынке. В соответствии с Директивой о радиооборудовании 2014/53/EU программное обеспечение может быть загружено в оборудование только в том случае, если оно соответствует требованиям безопасности. В рамках Директивы начата работа по определению категорий оборудования, обеспечивающих защиту от мошенничества, для включения мер безопасности, гарантирующих, что личные данные и конфиденциальность защищены. В этих целях используется Общий регламент о защите данных (GDPR) [28], что является важным шагом для укрепления безопасности в приложениях на основе ИИ.

19 февраля 2020 г. Еврокомиссия опубликовала «Белую книгу» [29] с целью развития системы передового опыта и доверия к ИИ, а также Отчет по аспектам безопасности и ответственности ИИ. Белая книга предлагает: а) меры, позволяющие упростить исследования, способствовать сотрудничеству между государствами-членами и увеличить инвестиции в разработку и развертывание ИИ; б) варианты политики для будущей нормативной базы ЕС, призванной определять типы правовых требований, которые будут применяться к соответствующим объектам ИИ. В настоящее время Белая книга проходит открытое общественное обсуждение, и граждане ЕС, государства-члены и соответствующие заинтересованные стороны (включая гражданское общество, промышленность и ученых) могут внести свой вклад в развитие ИИ.

Как видим, пока право ЕС и государств-членов об ответственности продуктов с ИИ характеризуется мозаичностью. Некоторые приложения могут вызывать новые вопросы, связанные с ответственностью продукции с ИИ.

Суммируя положения права ЕС и государств-членов, можно вывести следующие принципы ответственности технологий с ИИ, действующие в настоящее время:

1) лицо, использующее ИИ, несущее повышенный риск причинения вреда другим, должно нести строгую ответственность за ущерб, причиненный в результате эксплуатации технологии с ИИ;

2) при определении первого ответчика следует учитывать тот случай, когда поставщик услуг имеет более высокий уровень контроля, чем собственник или пользователь фактического продукта с ИИ;

3) оператор должен исполнять свои обязанности по правильному выбору, эксплуатации, мониторингу и обслуживанию технологии с ИИ и нести ответственность за нарушение таких правил при наличии вины;

4) лицо, использующее технологию с ИИ, обладающую определенной степенью автономии, не должно нести меньшую ответственность за вред, чем если бы он был причинен человеком;

5) производители продуктов с ИИ должны нести ответственность за ущерб, вызванный дефектами в них;

6) в ситуациях, когда третьи лица подвергаются повышенному риску причинения вреда, обязательное страхование ответственности может предоставить жертвам более широкий доступ к компенсации и защитить потенциальных причинителей вреда от излишней ответственности;

7) в тех сферах, где технология увеличивает трудности доказывания вреда, потерпевшие должны иметь право на содействие в получении доказательств, а государства – снизить стандарты доказывания;

8) ИИ должны сопровождаться функциями ведения журнала действий, а также обеспечивать доступ к сведениям.

Таким образом, ЕС исходит из того, что пока нет необходимости придавать устройствам или автономным системам с ИИ самостоятельную правосубъектность. Вред, который технологии с ИИ способны причинить, может и должен быть отнесен к физическим или юридическим лицам либо публичным органам. Тем не менее, работа по совершенствованию правового регулирования ответственности ИИ в ЕС будет продолжена.

Право ЕС поощряет исследования в области ИИ, его регламентацию и использование во всех сферах жизни. Следует внимательно изучить европейский опыт, чтобы использовать его при реализации российской стратегии.

Автор усматривает следующие принципы права, регулирующие технологии с ИИ:

1) дать понятие «технологии с ИИ» как особого вида имущества;

2) ввести единый Госреестр продукции с ИИ с регистрацией договоров в отношении прав на них;

3) учредить СРО владельцев технологий с ИИ;

4) разработать основные положения договора по передаче прав на технологии с ИИ (об отчуждении, аренде и др.);

5) вменить действия технологий с ИИ их собственникам;

- б) к технологиям с ИИ должно применяться гражданское законодательство, аналогичное применяемому к юрлицам (за некоторыми исключениями);
- 7) признать технологии с ИИ объектом повышенной опасности с ответственностью независимо от вины;
- 8) ввести страхование ответственности лиц, использующих технологии с ИИ.

1. Press.pwc.com: [сайт]. – URL: <https://press.pwc.com/News-releases/ai-to-drive-gdp-gains-of--15.7-trillion-with-productivity--personalisation-improvements/s/3cc702e4-9cac-4a17-85b9-71769fba82a6> (дата обращения: 11.10.2020).
2. Čerka P., Grigienė J., Širbikytė G. Liability for damages caused by artificial intelligence // Computer Law & Security Review. – 2015. – № 31(3).
3. Liability for artificial intelligence and other emerging digital technologies: [сайт]. – URL: <https://ec.europa.eu/transparency/regexpert/index.cfm?do=groupDetail.groupMeetingDoc&docid=36608> (дата обращения: 11.10.2020).
4. Ebert I. Who is liable when robots cause damage? – URL: <https://www.munichre.com/topics-online/en/digitalisation/who-is-liable-when-robots-cause-damage.html> (дата обращения: 11.10.2020).
5. Scheufen M. Künstliche Intelligenz und Haftungsrecht: Die e-Person aus ökonomischer Sicht / Artificial Intelligence and Liability Law: The e-Person from an Economic Point of View // Wirtschaftsdienst. – 2019. – № 99(6). – S. 411–414.
6. Zafer Z. Law and Artificial Intelligence: E-Person, Liability, and A Legal Application Example. – URL: <https://robotic.legal/en/amp/hukuk-ve-yapay-zeka-e-kisi-mali-sorumluluk-ve-bir-hukuk-uygulaması> (дата обращения: 11.10.2020).
7. Lim Chong Kin. AI, Machine Learning & Big Data // Global Legal Insights. – URL: <https://www.globallegalinsights.com/practice-areas/ai-machine-learning-and-big-data/laws-and-regulations/singapore> (дата обращения: 11.10.2020).
8. Ww.un.org/ru: [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/elect_com.shtml (дата обращения: 11.10.2020).
9. Council Directive 85/374/EEC of 25 July 1985 on the approximation of the laws, regulations and administrative provisions of the Member States concerning liability for defective products. – URL: <https://osha.europa.eu/en/legislation/directives/council-directive-85-374-ees> (дата обращения: 11.10.2020).
10. CJEU. Judgment of 25 April 2002. Case C-52/00. Commission of the European Communities v French Republic.
11. CJEU-Judgement of 25 April 2002. Case C-183/00 María Victoria González Sánchez v Medicina Asturiana SA. and Judgment of 20 November 2014, Case C-310/13, Novo Nordisk Pharma G.
12. Stratégie nationale de recherche en intelligence artificielle. – URL: <https://www.enseignementsup-recherche.gouv.fr/cid116143/la-strategie-france-i.a.-soutenir-la-dynamique-francaise-autour-de-l-intelligence-artificielle.html> (дата обращения: 11.10.2020).
13. Nationale KI-Strategie. – URL: <https://www.ki-strategie-deutschland.de/home.html> (дата обращения: 11.10.2020).
14. Strategia Nazionale per l'Intelligenza Artificiale. – URL: <https://www.mise.gov.it/images/stories/documenti/Strategia-Nazionale-Intelligenza-Artificiale-Bozza-Consultazione.pdf> (дата обращения: 11.10.2020).

15. Estrategia española de I+D+I en inteligencia artificial. Ministerio de Ciencia, Innovación y Universidades, 2019. – URL: http://www.fi.upm.es/GestorTablon/GTuploads/3740-1-Estrategia_Inteligencia_Artificial_IDI.pdf (дата обращения: 11.10.2020).
16. Resolution on Civil Law Rules on Robotics. – URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения: 11.10.2020).
17. A common EU approach to liability rules and insurance for connected and autonomous vehicles. – URL: http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_STU%202018%29615635 (дата обращения: 11.10.2020).
18. Artificial Intelligence. – URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/artificial-intelligence> (дата обращения: 11.10.2020).
19. Staff Working Document on ‘Liability for emerging digital technologies’. – URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/importance-european-commission-staff-working-document-swd-liability-emerging-digital> (дата обращения: 11.10.2020).
20. High-Level Expert Group on Artificial Intelligence. – URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/high-level-expert-group-artificial-intelligence> (дата обращения: 11.10.2020).
21. Ec.europa.eu. – URL: <https://ec.europa.eu/futurium/en/ai-alliance-consultation/guidelines#Top> (дата обращения: 11.10.2020).
22. Ec.europa.eu. – URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/policy-and-investment-recommendations-trustworthy-artificial-intelligence> (дата обращения: 11.10.2020).
23. The Expert Group on Liability and New Technologies. – URL: <https://ec.europa.eu/transparency/regexpert/index.cfm?do=groupDetail.groupDetail&groupID=3592> (дата обращения: 11.10.2020).
24. Report on liability for Artificial Intelligence and other emerging technologies. – URL: <https://ec.europa.eu/transparency/regexpert/index.cfm?do=groupDetail.groupMeetingDoc&docid=36608> (дата обращения: 11.10.2020).
25. Modalità attuative e strumenti operativi della sperimentazione su strada delle soluzioni di Smart Road e di con guida connessa e Automatica, 18A02619, GU № 90. 18.04.2018. – URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2018/04/18/18A02619/sg> (дата обращения: 11.10.2020).
26. Dirección General de Tráfico. Instrucción 15/V-113. 13.11.2015. – URL: <http://www.dgt.es/es/seguridad-vial/normativa-y-legislacion/otras-normas/modificaciones/15.V-113-vehiculos-conduccion-automatizada.shtml> (дата обращения: 11.10.2020).
27. Straßenverkehrsgesetz. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stvg> (дата обращения: 11.10.2020).
28. Décret № 2018-211 du 28 mars 2018 relatif à l'expérimentation de véhicules à délégation de conduite sur les voies publiques. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000036750342> (дата обращения: 11.10.2020).
29. Directive 2014/53/EU of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014 on the harmonisation of the laws of the Member States relating to the making available on the market of radio equipment. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014L0053> (дата обращения: 11.10.2020).
30. Real decreto 1644/2008, de 10 de octubre, por el que se establecen las normas para la comercialización y puesta en servicio de las máquinas. – URL: <https://www.boe.es/buscar/pdf/2008/BOE-A-2008-16387-consolidado.pdf> (дата обращения: 11.10.2020).

31. S.I. № 248/2017 – European Union (Radio Equipment) Regulations 2017. – URL: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/2017/si/248/made/en/print> (дата обращения: 11.10.2020).
32. The General Data Protection Regulation (GDPR). – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32016R0679> (дата обращения: 11.10.2020).
33. White Paper on Artificial Intelligence: a European approach to excellence and trust. – URL: https://ec.europa.eu/info/files/white-paper-artificial-intelligence-european-approach-excellence-and-trust_en (дата обращения: 11.10.2020).

© П. Н. Бирюков, 2020

Для цитирования: Бирюков П. Н. Ответственность за вред, причиненный технологиями с искусственным интеллектом: подход Европейского союза // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 39–49.

For citation: Biryukov P. N. Responsibility for damages caused artificial intelligence: EU approach, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2020, Vol. 12, № 4, pp. 39–49.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/039-049

Дата поступления: 23.11.2020.

УДК 32.019.51

Е. В. Тен

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Избирательный процесс и формы манипулирования в эпоху цифровой трансформации общества: риски, угрозы и противодействия*

В статье рассматриваются процессы, связанные с цифровой трансформацией политической коммуникации, их влияние на избирательный процесс и формы манипулирования общественным мнением. Аргументируется, что современная политическая коммуникация и общественная система в целом подвержены воздействию процесса внедрения и развития цифровых технологий. Автор доказывает, что внедрение инновационных технологий в политическую коммуникацию кардинально меняет специфику, направленность и характер взаимодействий в избирательном процессе. Отдельно в работе анализируются формы манипулирования в политическом процессе современных обществ, раскрыты роль и значение цифровых систем и технологий в электоральном процессе, определены возможные способы противодействия «цифровому манипулированию».

Ключевые слова и словосочетания: электоральный процесс, цифровизация избирательного процесса, противодействие цифровому манипулированию, манипуляция.

E.V. Ten

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

The electoral process and forms of manipulation in the epoch of the digital transformation of the society: risks, threats and opposition

The paper examines the processes associated with the digital transformation of political communication, their impact on the electoral process and forms of manipulation of public

Тен Екатерина Васильевна – аспирант; e-mail: ekaterina.ten19@vvsu.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6 «Национально-культурные и цифровые тренды социально-экономического и политико-правового развития Российской Федерации в XXI веке».

opinion. The article argues that modern political communication, as well as the social system as a whole, are affected by the process of introduction and development of digital technologies. The author proves that the introduction of innovative technologies in political communication radically changes the specifics, direction and nature of interactions in the electoral process. Separately, the paper analyzes the forms of manipulation in the political process of modern societies, shows the role and significance of digital systems and technologies in the electoral process, and identifies possible ways to counteract "digital manipulation".

Keywords: electoral process, digitalization of the electoral process, countering digital manipulation, manipulation.

Введение

Общеизвестно, что в сущность демократического процесса «вшита» идея о системной конкурентной борьбе политических субъектов, а политико-правовая организация избирательного процесса изначально предполагает использование всех доступных форм, способов, методов и практик (конечно, в рамках действующего законодательства, этических стандартов и ценностно-нормативной основы политической культуры), ориентированных на победу в этой бескомпромиссной конкурентной борьбе.

Классические формы и методы политического конкурирования в рамках избирательного процесса изучены и описаны достаточно содержательно [1; 2]. В своих работах исследователи проводят анализ различных подходов к определению понятий, используемых в рамках соперничества в сфере политики, обращая при этом внимание на отсутствие единого, закрепленного в полной мере в научной терминологии такого термина как «политическая конкуренция».

В то же время, опираясь на результаты исследований, авторы определяют понятие «политическая конкуренция» как «соперничество в сфере политики за обладание властью, когда соперники не находятся в состоянии контакта друг с другом, а результаты соперничества определяет некто третий» [1; 2; 4]. В.Н. Шилов и А.П. Рылкина также проводят сравнительный анализ форм политического конкурирования в диапазоне от совершенной конкуренции до чистой монополии, указывая вместе с тем, что «совершенная (или чистая) конкуренция и абсолютная монополия являются крайними точками оси и существуют главным образом лишь в виде теоретической модели, а различного рода отклонения от указанных форм конкурирования уже находят свою реализацию в действительности» [1]. А.В. Макарин описывает две формы конкуренции: свободная (чистая) и несовершенная, указывая на преобладание в современных условиях последней.

В то же время следует отметить, что сейчас формы и способы политического конкурирования существенно изменяются. Суть конкурентной борьбы в политическом пространстве остается прежней, однако формы и способы ее существенно трансформируются. С чем связаны данные трансформации? Ответ во многом очевиден. Современная политическая коммуникация, как, впрочем, и общественная система в целом, подвержены воздействию процесса внедрения и развития цифровых технологий. Последние кардинально меняют специфику, направленность и характер взаимодействий, которые все чаще опосредуются цифровыми формами и виртуальными средствами коммуникации. В настоящей статье рассматривается

влияние цифровых технологий на политическое пространство, определяются ключевые изменения в политической конкуренции и избирательном процессе.

Теоретико-методологические основания исследования

Новое тысячелетие кардинально меняет ландшафт политической жизни общества: интенсивно развиваются процессы цифровизации публично-властного взаимодействия, появляются новые формы интерактивной коммуникации и взаимодействия политических акторов [3; 4; 5]. Расширяется сама трактовка политического, усложняется карта политической коммуникации. Так, М. Деланда в своей книге предлагает новый подход к трактовке политического бытия общества, в основу которого заложены теории ассамбляжей. Последние представляют собой «конструкции, динамические отношения, существующие в виде автономных целостностей, которые состоят из гетерогенных частей любой природы, в свою очередь, также являющихся ассамбляжами». Упомянутая теория описывает положение сущностей (людей, межличностных сетей, правительственных организаций, городов, государств) неиерархически, подчеркивая при этом, что любая из этих сущностей «может быть составной частью одного ассамбляжа и одновременно частью другого ассамбляжа, который включает в себя первый ассамбляж уже в качестве своей составной части». Таким образом, по словам М. Деланды, социальная реальность есть «сосуществование на одной онтологической плоскости взаимно вложенных друг в друга популяций ассамбляжей» [3].

Иной точки зрения придерживается один из основных представителей акторно-сетевой теории, которая также принципиально расширяет «социальную карту» взаимодействий и взаимосвязей. Причем в политическое противоборство, с точки зрения представителей данной теории, вовлекаются не только политические агенты, но и целая сеть цифровых, технических, биологических и прочих сущностей, значимых для выстраивания политических стратегий (например, политическая экология, которая вовлекает в свою программно-деятельностную основу физические и природные феномены), формулирования текущей повестки дня (например, биополитические управленческие решения в период пандемии).

В своей книге Б. Латур знакомит читателей с основополагающими принципами и идеями данного подхода. Автор поясняет, что «любой актор (будь то социальные или технические элементы, персоны, объекты, технические стандарты либо организации) одинаково важен для социальной сети, порядок в которой достигается путем равной работы каждого такого актора – нарушение порядка возникает в результате исключения определенных акторов (как элементов) из работы сети, так как последние выполняют действия, влияющие на других существ (акторов) данной сети. При этом акторы создают сеть не как иерархию, а как плоскую, динамическую сеть, которая определяет их взаимные отношения» [4].

В то же время Дж. Ло также подвергает критике классические методы гуманитарных наук, направленные на схематизацию и «достижение ясности и точности, которые навязывают реальности однозначность и определенность». Автор критикует данную позицию, утверждая, что «текучесть, множественность, гетерогенность и неопределенность являются качествами самой реальности, а не ре-

зультатом эпистемической ошибки». Такой подход позволяет рассмотреть политическую жизнь как достаточно динамичную и слабо прогнозируемую, а также детально проанализировать систему факторов, влияющих на динамику политических отношений. Дж. Ло подчеркивает, «чтобы перестать навязывать миру свои порядки и наконец прислушаться к нему самому, необходимо переизобрести методы и политики социальных наук с учетом того, что они не только позволяют описывать социальную реальность, но и участвуют в ее создании», в особенности в эпоху цифровой трансформации общества [5].

Как фиксируют современные политические аналитики и эксперты, новые сквозные цифровые технологии уже существенным образом влияют на ход избирательного процесса, на практику политического противоборства, во многом определяя результаты, процессы обновления политической элиты [6; 7]. А.А. Мовчан в своей работе представил авторский взгляд на реальную действительность страны и мира в эпоху постправды, когда каждый находится «в зоне комфорта собственных предубеждений», а социальные сети, средства массовой информации и современные медиа служат удобными источниками таких предубеждений. Автор обращает внимание на то, что предубеждения вводят в заблуждение каждого из нас, «подменяя реальность, паразитируя на страхах и слабостях людей, последние при этом расплачиваются не только потраченным временем, но и реальным положением дел в жизни своей семьи и страны» [6].

Описанные выше теоретико-методологические стратегии, по нашему мнению, являются адекватным инструментарием в исследовании противоречивых и изменчивых отношений, связанных с цифровой трансформацией общественных отношений, а также комплексном рассмотрении процессов влияния новых цифровых форм и способов политической коммуникации на изменения в избирательном процессе.

Обзор подходов

Американский мыслитель К. Улибер описывает «провокационное, но при этом сбалансированное расследование истоков разворачивающейся культурно-общественной и политической ситуации в Соединенных Штатах Америки, связанной с избранием Дональда Трампа в качестве нового президента страны. Автор не только помогает разобраться в причинах прихода к власти «новой» силы, но и проясняет восприятие текущей социокультурной и интеллектуальной мировой ситуации» [7].

Очевидно, что с развитием современных технологий становится весьма сложно обеспечить честность, равенство, справедливость и иные условия в ходе предвыборной агитации. Цифровые системы позволяют получить свободный доступ к любой информации, идентифицирующей личные предпочтения каждого человека, в том числе и индивидуальные потребности в качестве гражданина той или иной страны.

Вопрос о способах и попытках манипуляционного воздействия в избирательном процессе рассматривали А.В. Курочкин, И.Г. Андросова, А.О. Конончук, Е.В. Иванчина, А.Н. Нурутдинова [8–12]. Особое внимание А.В. Курочкин уделил вопросу использования легализованных форм партийного воздействия на электорат и их соотношению с фактическими инструментами политического

влияния на избирателей. В ходе исследования автором были выявлены негативные тенденции развития политических технологий в избирательной системе, при этом подчеркивается, что правовая база в сфере применения на выборах некоторых цифровых технологий отрицательно сказывается как на партийных правах, так и на возможностях самих членов политических партий [8].

И. Г. Андросова анализирует различные позиции исследователей относительно проблемы политико-психологического манипулирования, систематизирует элементы данного процесса, выявляет его цели, особенности и специфику манипулятивных избирательных технологий [9]. В то же время А. О. Конончук проводит исследование по проблеме манипуляционного воздействия на сознание людей, формирования мнения общества путем использования каналов средств массовой информации (взаимодействия власти и СМИ) на примере избирательных кампаний в США [10]. Методы и приемы политических манипуляций, а также их роль в современном обществе подробно описаны в работе Е. В. Иванчиной [11]. А. Н. Нурутдинова, в свою очередь, исследует применение «манипуляционных приемов в сфере масс-медиа, изменение характера используемых манипуляций от явного «очернения» оппонентов до скрытых приемов поддержки отдельных кандидатов» [12].

В целом авторы проводят анализ процесса политико-психологического манипулирования, его форм и технологий, реализуемых в целях влияния на электорат, в том числе и путем использования каналов средств массовой информации, подчеркивая при этом отрицательные стороны воздействия манипуляционных механизмов на права всех участников политического процесса. Примеры наиболее прогрессивных инструментов манипуляции сознанием избирателей приведены в научных статьях Ю. В. Ирхина и А. В. Курилкина.

Ю. В. Ирхин в своей работе отражает ключевые особенности, технологии и результаты выборов 45-го президента США, акцентировав внимание на эффективности использования таких систем, как Big Data («Большие данные»), на примере стратегии предвыборной кампании Дональда Трампа в 2016 году [13].

В упомянутых системах содержится огромный массив личных данных. Выявление связей пользователей социальных сетей (в том числе, родственные, деловые) позволяет идентифицировать их по достаточно большому количеству уникальной информации (к примеру, по полу, возрасту, уровню доходов, выявленным интересам и предпочтениям, в том числе социальным и политическим), а также таргетированно направлять любую информацию в виде рекламы. Личные данные каждого отдельного человека формируются благодаря тому, что все пользователи интернет-пространства (не только социальных сетей, но и поисковых баз данных, таких, как Яндекс, Гугл) «оставляют определенные «следы», и затем классификация граждан по привычкам и психологическим чертам дает возможность устанавливать их приоритеты, а также влиять на них путем целенаправленной рассылки информации». Автор при этом уточняет, что, по мнению аналитиков, «оценка 68 лайков в социальной сети Facebook достаточна, чтобы определить приверженность испытуемого демократической или республиканской партии с вероятностью 85%».

Основная часть

Таким образом, используя широкий потенциал возможностей цифрового пространства в предвыборной агитации, команда Дональда Трампа «отправила в социальные сети более 175 тыс. различных посланий, которые различались лишь в деталях, чтобы максимально точно психологически подстроиться под конкретных получателей информации. В частности, было учтено недовольство властью значительного числа белых мужчин (синих воротничков) в северо-восточных штатах, где из-за конкуренции с китайскими производителями было закрыто большое количество заводов». Другими словами, определяя потребности отдельных групп граждан, команда подстраивала агитационную рекламу под их актуальные потребности, создавая в сознании избирателей веру в решение их проблем путем голосования в пользу определенного кандидата [14].

Актуальность проблемы использования различных механизмов работы социальной сети Facebook для проведения информационно-психологических операций подчеркивал и А.В. Курилкин [15]. Автор приходит к выводу, что обширные «возможности рекламных механизмов Facebook, а также возможность получить личные данные пользователей значительно упрощают подготовку информационно-психологической операции, а также позволяют более эффективно размещать агитационные и пропагандистские материалы для воздействия на целевую аудиторию операции» [16–18]. Целесообразно упомянуть, что пользователи социальных сетей не подтверждают свое согласие на обработку персональных данных в целях последующего направления сообщений и уведомлений рекламного содержания, в том числе политического характера.

Вместе с тем автор описывает проблему отсутствия должного контроля идентификации рекламодателей, в результате чего проводить рекламные операции возможно от имени любого лица [19–20]. А.В. Курилкин приводит такой пример «цифрового манипулирования», как «Алабамский эксперимент» 2017 года, в ходе которого «американские СМИ сообщали, что кандидата от партии республиканцев Роя Мура в социальных сетях продвигают аккаунты «российского происхождения». В итоге общественное мнение склонилось на сторону его соперника, кандидата от партии демократов, Дага Джонса» [15]. В условиях простого, почти беспрепятственного доступа к инструментам использования персональных данных аналогичной возможностью могут воспользоваться злоумышленники, находясь при этом в любой точке мира (так как требуется лишь доступ к интернет-ресурсам), что затруднит привлечение к ответственности последних. В результате подобные действия могут иметь неотвратимые либо глобальные последствия.

В Российской Федерации подобные технологии «цифрового манипулирования» еще не применяются в избирательных процессах столь активно, однако в перспективе имеются все возможности реализации и успешного использования рассмотренных инструментов: популярные социальные сети «Instagram», «YouTube», «ВКонтакте» сохраняют в базе данных историю действий, производимых пользователями, с возможностью последующего использования данной информации рекламодателями. Следовательно, с целью защиты прав и законных интересов участников электорального процесса необходимо государственно-правовое регулирование

на этапе предвыборной агитации кандидатов на просторах всемирной информационной сети.

Государственная политика в сфере противодействия «цифровому манипулированию» должна совершенствоваться и реализовываться по следующим основным направлениям:

1) организационное и правовое обеспечение защиты персональных данных со стороны организаций, осуществляющих сбор, хранение, передачу, обработку и использование упомянутых данных, – необходимо обеспечить должный контроль доступа к личным данным со стороны лиц, ответственных за их сохранность, а также установить меры предупреждения злоупотреблением данной информацией (к примеру, блокировка либо установление ограниченного доступа к персональным данным) [21];

2) совершенствование механизма привлечения к ответственности за нарушение закона о персональных данных в сети Интернет, в том числе в отношении физических и юридических лиц, предоставляющих информацию без письменного разрешения субъекта указанных персональных данных, – в настоящее время в условиях отсутствия санкций в отношении лиц, свободно пользующихся доступом к личным данным в корыстных целях, развивается сфера манипуляционного воздействия на сознание пользователей; владельцы баз данных, содержащих персональную информацию, также должны нести ответственность за их сохранность – данная мера будет предупреждать их бездействие в отношении злоумышленников [22];

3) осуществление контроля источников политической агитационной рекламы, их верификация – целесообразно установить идентификационную процедуру допуска к инструментам распространения агитационной информации по каналам социальных сетей, определив требования к содержанию, а также применив меры, требующие предоставления соответствующих документов, подтверждающих личность лица, от имени которого предлагается создание и продвижение рекламы.

Возможно и такое решение проблемы «цифрового манипулирования», при котором использование персональных данных будет доступно только в целях информирования электората о предстоящих выборах и ознакомления с общей информацией о предвыборной кампании кандидатов. При этом такая информация должна исключать специальное таргетирование (допустимо установление ограничения по возрасту и региону, в котором будут проводиться выборы), реклама может носить лишь общий, информационный, справочный характер и не должна содержать сведения, касающиеся политических взглядов и деятельности иных кандидатов.

Выводы

Таким образом, в статье рассмотрены действующие инструменты, применяемые в целях управления общественным мнением посредством использования свободного доступа к базам данных таких социальных сетей, как Facebook, Instagram, ВКонтакте и др. Вместе с тем предложены формы борьбы со злоупотреблением избирательными правами в эпоху цифровизации, отражены политические и правовые аспекты регулирования, согласно которым необходимо со-

вершенствование государственной политики в сфере противодействия «цифровому манипулированию», установление четкой меры ответственности за соответствующие правонарушения, а также ужесточение контроля доступа к персональным данным электората.

1. Шилов В. Н., Рылкина А. П. Политическая конкуренция: термин, понятие, форма деятельности // Вестник Белгородского государственного национального исследовательского университета. – Москва: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2011. – С. 176–184.
2. Макарин А. В. Политическая конкуренция vs политическая стабильность в современной России // Вестник СПбГУ. – Москва: Изд-во СПбГУ. Сер. 6: Политология. Международные отношения, 2016. – Вып. 1. – С. 29–39.
3. Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность // Социологическое обозрение. – Москва: Изд-во Гиле Пресс, 2018. – С. 272–280.
4. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – Москва: Высшая школа экономики, 2014. – С. 37. Серия «Социальная теория».
5. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / пер. с англ.; под ред. С. Гавриленко. – Москва: Изд-во Института Гайдара, 2015. – С. 352.
6. Мовчан А. А. Россия в эпоху постправды. Здравый смысл против информационного шума. – Текст: электронный. – URL: <https://e-libra.net/read/570732-rossiya-v-epohu-postpravdy-zdravyyu-smysl-protiv-informacionnogo-shuma.html> (дата обращения: 09.11.2020).
7. Улибер К. Трамп и эпоха постправды / пер. на рус. яз. – Москва: Изд-во Манн, Иванов и Фербер, 2019. – С. 30.
8. Курочкин А. В. Институционализация политических технологий, используемых партиями на выборах Российской Федерации // Вестник Забайкальского государственного университета. – Чита, 2019. – С. 76–81.
9. Андросова И. Г. Политико-психологическое манипулирование как способ легитимации власти: монография. – Москва, 2017. – С. 154.
10. Конончук А. О. Роль СМИ в современном политическом процессе США // Право. Общество. Государство: сборник научных статей. – Москва, 2017. – С. 65–68.
11. Иванчина Е. В. Специфика политических манипуляций в современной России // Синергия наук: научный журнал. – Москва, 2018. – С. 1468–1475.
12. Нурутдинова А. Н. Проблема справедливости в избирательном процессе // Социальная справедливость – основа общественного здоровья: материалы научно-практической конференции. – Москва, 2018. – С. 86–91.
13. Ирхин Ю. В. Выборы 45-го президента США: ключевые особенности, технологии, результаты // *Ars Administrandi* (Искусство управления). – Москва, 2017. – С. 111–131.
14. Немиров А. Дональд Трамп. Провокация успеха // Нехудожественная литература. – Москва, 2017. – С. 318.
15. Курилкин А. В. Проблемы информационно-психологического манипулирования в пространстве сети Facebook // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2019. – № 2. – С. 69–72.
16. Володенков С. В. Интернет-технологии как инструмент воздействия на современные национальные политические режимы // Дискурс-Пи. – 2017. – Вып. 28, № 3. – С. 65–73.
17. Володенков С. В. Интернет-технологии как современный инструмент виртуализации массовой политической реальности // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки (ранее: Теория научного коммунизма; Социально-политические исследования). – 2017. – № 2. – С. 15–23.

18. Володенков С. В. Потенциал и особенности технологий интернет-пропаганды в современном политическом управлении // Информационные войны. – 2017. – № 2 (42). – С. 2–6.
19. Роговский Е. Выборы США: успех технологических инноваций. – Текст: электронный // Международная жизнь. – 2017. – № 3. – С. 19 // Центр научных публикаций: [сайт]. – URL: http://conf.sciencepublic.ru/wp-content/uploads/2017/02/2017.02.01_rogovsky_01.pdf (дата обращения: 09.11.2020).
20. Евгеньев Т. В., Губченко В. А. Психологические особенности формирования оппозиционной повестки в сети Интернет // Политическая наука. – 2017. – Спецвыпуск. – С. 385–390 // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»: [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-formirovaniya-oppozitsionnoy-povestki-dnya-v-seti-internet/viewer> (дата обращения: 09.11.2020).
21. Тумбинская М. В. Системный подход к обеспечению защиты от нежелательной информации в социальных сетях // Вопросы кибербезопасности. – 2017. – № 2 (20). – С. 30–44.
22. Федоров А. П. Методы противодействия политическому манипулированию в социальных сетях Интернета // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2018. – № 1 (17). – С. 201–207.

Транслитерация

1. Shilov V. N., Rylkina A. P. Politicheskaya konkurenciya: termin, ponyatie, forma deyatel'nosti // Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta. – Moskva: Izd-vo Belgorodskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet, 2011. – S. 176–184.
2. Makarin A. V. Politicheskaya konkurenciya vs politicheskaya stabil'nost' v sovremennoj Rossii // Vestnik SPbGU. – Moskva: Izd-vo Vestnik SPbGU. Ser. 6: Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya, 2016. – Vyp. 1. – S. 29–39.
3. Delanda M. Novaya filosofiya obshchestva: Teoriya assamblyazhej i social'naya slozhnost' // Sociologicheskoe obozrenie. – Moskva: Izd-vo Gile Press, 2018. – S. 272–280.
4. Latur B. Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu. – Moskva: Vysshaya shkola ekonomiki, 2014. – S. 37. Seriya «Social'naya teoriya».
5. Lo Dzh. Posle metoda: besporyadok i social'naya nauka / per. s angl.; pod red. S. Gavrilenko. – Moskva: Izd-vo Instituta Gajdara, 2015. – S. 352.
6. Movchan A. A. Rossiya v epohu postpravdy. Zdravyj smysl protiv informacionno shuma. – Текст: электронный. – URL: <https://e-libra.net/read/570732-rossiya-v-epohu-postpravdy-zdravyj-smysl-protiv-informacionno-shuma.html> (дата обращения: 09.11.2020).
7. Uliber K. Tramp i epoha postpravdy / per. na rus. yaz. – Moskva: Izd-vo Mann, Ivanov i Ferber, 2019. – S. 30.
8. Kurochkin A. V. Institucionalizaciya politicheskikh tekhnologij, ispol'zuemyh par-tiyami na vyborah Rossijskoj Federacii // Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvenno-go universiteta. – Chita, 2019. – S. 76–81.
9. Androsova I. G. Politiko-psihologicheskoe manipulirovanie kak sposob legitima-cii vlasti: monografiya. – Moskva, 2017. – S. 154.
10. Kononchuk A. O. Rol' SMI v sovremennom politicheskom processe SSHA // Pravo. Obshchestvo. Gosudarstvo: sbornik nauchnyh statej. – Moskva, 2017. – S. 65–68.
11. Ivanchina E. V. Specifika politicheskikh manipulyacij v sovremennoj Rossii // Si-nergiya nauk: nauchnyj zhurnal. – Moskva, 2018. – S. 1468–1475.

12. Nurutdinova A.N. Problema spravedlivosti v izbiratel'nom processe // Social'naya spravedlivost' – osnova obshchestvennogo zdorov'ya: materialy nauchno-prakticheskoy konferencii. – Moskva, 2018. – S. 86–91.
13. Irhin Yu.V. Vybory 45-go prezidenta SSHA: klyuchevye osobennosti, tekhnologii, rezultaty // Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya). – Moskva, 2017. – S. 111–131.
14. Nemirov A. Donal'd Tramp. Provokaciya uspekha // Nekhudozhestvennaya literatura. – Moskva, 2017. – S. 318.
15. Kurilkin A. V. Problemy informacionno-psihologicheskogo manipulirovaniya v prostranstve seti Facebook // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universite-ta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya. – 2019. – № 2. – S. 69–72.
16. Volodenkov S. V. Internet-tekhnologii kak instrument vozdejstviya na sovremennye nacional'nye politicheskie rezhimy // Diskurs-Pi. – 2017. – Vyp. 28, № 3. – S. 65–73.
17. Volodenkov S. V. Internet-tekhnologii kak sovremennyy instrument virtualizacii massovoj politicheskoy real'nosti // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki (rane: Teoriya nauchnogo kommunizma; Social'no-politicheskie issledovaniya). – 2017. – № 2. – S. 15–23.
18. Volodenkov S. V. Potencial i osobennosti tekhnologij internet-propagandy v so-vremennom politicheskom upravlenii // Informacionnye vojny. – 2017. – № 2 (42). – S. 2–6.
19. Rogovskij E. Vybory SSHA: uspekhn tekhnologicheskikh innovacij. – Tekst: elektron-nyj // Mezhdunarodnaya zhizn'. – 2017. – № 3. – S. 19 // Centr nauchnyh publikacij: [sajt]. – URL: http://conf.sciencepublic.ru/wp-content/uploads/2017/02/2017.02.01_rogovsky_01.pdf (data obrashcheniya: 09.11.2020).
20. Evgen'ev T. V., Gubchenko V. A. Psihologicheskie osobennosti formirovaniya oppozitsionnoj povestki v seti Internet // Politicheskaya nauka. – 2017. – Specvypusk. – S. 385–390 // Nauchnaya elektronnaya biblioteka «KiberLeninka»: [sajt]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-formirovaniya-oppozitsionnoj-povestki-dnya-v-seti-internet/viewer> (data obrashcheniya: 09.11.2020).
21. Tumbinskaya M. V. Sistemnyj podhod k obespecheniyu zashchity ot nezhelatel'noj informacii v social'nyh setyah // Voprosy kiberbezopasnosti. – 2017. – № 2 (20). – S. 30–44.
22. Fedorov A. P. Metody protivodejstviya politicheskomu manipulirovaniyu v social'nyh setyah Interneta // Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya. – 2018. – № 1 (17). – S. 201–207.

© Е.В. Тен, 2020

Для цитирования: Тен Е.В. Избирательный процесс и формы манипулирования в эпоху цифровой трансформации общества: риски, угрозы и противодействия // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 50–59.

For citation: Ten E. V. The electoral process and forms of manipulation in the epoch of the digital transformation of the society: risks, threats and opposition, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2020, Vol. 12, № 4, pp. 50–59.

DOI [dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/050-059](https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/050-059)

Дата поступления: 23.11.2020.

УДК 32.019.51

С. И. Белов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Институт философии РАН
Москва. Россия

Образ российской политической элиты и власти в видеоигре «Metro Exodus»

В статье рассматриваются образы российской политической элиты и власти в России во Вселенной Метро, созданной писателем Дмитрием Глуховским. В данном мире действия разворачиваются в 2036 году, спустя 20 лет после атомной войны. Люди, спасшиеся в московском метро, решают найти других выживших, но на их пути встречаются различные препятствия в виде лиц, облеченных властью или обслуживающих её интересы. В ходе исследования автор приходит к выводам, что в видеоигре «Metro Exodus» политические элиты России будущего и стран постсоветского пространства показаны обманывающими простое население в ущерб интересам представителей последних, руководители церкви тормозят развитие общества и используют своё положение в корыстных целях, а олигархия, эксплуатирующая нефтяные месторождения, монополизирует доходы от природных ресурсов и лишает гражданских прав местное население. По признаниям сценариста игры Дмитрия Глуховского, в игре проводятся прямые параллели с современной Россией.

Ключевые слова и словосочетания: видеоигра, Метро, «Metro Exodus», Дмитрий Глуховский, политическая элита, власть.

S. I. Belov

Lomonosov Moscow State University
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
Moscow. Russia

The image of the Russian political elite in the video game «Metro Exodus»

In the article, the images of the Russian political elite and power in Russia in the Metro universe, created by the writer Dmitry Glukhovsky. In this world, the action takes place in 2036 –

Белов Сергей Игоревич – канд. ист. наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; докторант Института философии РАН; e-mail: Belov2006s@yandex.ru

20 years after the atomic war, when people who escaped in the Moscow metro decide to find other survivors, but on their way there are obstacles in the form of persons exposed by the authorities or serving its interests. In the course of the research, the author comes to the conclusion that in the video game Metro Exodus the political elites of Russia of the future and the countries of the post-Soviet space are shown to deceive the common population to the detriment of the interests of the representatives of the latter, church leaders hinder the development of society and use their position in selfish purposes, and the oligarchy, which exploits the oil fields, monopolizes the income from natural resources and deprives the local population of civil rights. According to the scriptwriter of the game Dmitry Glukhovsky, the game draws direct parallels with modern Russia.

Keywords: video game, Metro, Metro Exodus, Dmitry Glukhovsky, political elite, power.

Актуальность исследования заключается в том, что современные видеоигры превосходят кино, сериалы, блогосферу и телевидение по степени своего воздействия на мировоззренческие установки и парадигмы людей. Видеоигры сочетают в себе все сильные стороны вышеперечисленных видов искусства и масс-медиа: яркие запоминающиеся образы, эмоциональную вовлеченность, развлекательный формат, классическую сериальную структуру построения уровней игры, чтобы пользователь захотел как можно быстрее включиться в прохождение новых испытаний. Кроме того, следует отметить, что видеоигры не только воздействуют на зрение и слух, но и обеспечивают тактильный контакт (при потере здоровья игрового персонажа у игровых консолей может вибрировать джойстик, который находится в руках геймера). Также они диктуют определенную модель поведения, в соответствии с которой есть «реальные вещи» – управляемый игровой персонаж, окружающий его мир, законы физики, действующие в этом мире, враги, взаимодействие с этими врагами, а в случае неудачных попыток – потеря здоровья у игрового персонажа и/или гибель. Все это позволяет отключить критическое мышление у человека, ведь множество «объективных» вещей соответствуют нашим представлениям об окружающем мире, а также интегрировать в игровой мир любые негативные штампы и даже откровенные фейки, которые будут восприниматься пользователем ярко, эмоционально и самое главное – как настоящие. В динамичной игре порой сложно задуматься и осмыслить негативные образы, которые встречаются на пути. К числу таких примеров можно отнести регулярно встречающиеся в видеоиграх сцены, когда солдаты Красной армии в годы Великой Отечественной войны бегут в атаку без оружия и вынуждены погибать под пулями или нацистов, или советских заградительных отрядов (в играх «Call of Duty», «Company of Heroes» и др.) [1, с. 96]. После прохождения таких игр пользователь, опираясь на яркие эмоциональные образы в своей памяти, готов тиражировать их дальше в своих микросообществах и активно критиковать другие концепции истории или образы настоящего или альтернативного будущего.

В современном мире уже создаются научно-исследовательские институты с целью изучения видеоигр и их влияния на человека. Такие центры существуют в Оксфорде, Кембридже, Массачусетском технологическом институте (MIT Media

Lab), Университете Нью-Йорка (New York University Game Center), Университете Карнеги-Меллона, МГУ имени М.В. Ломоносова, философском факультете СПбГУ (Лаборатория компьютерных игр). Успешно работает совместная исследовательская группа из канадских ученых Монреальского университета и Университета Макгилла, британских исследователей из Кардиффского университета и Университета Глазго, а также из Университета Бата [4, с. 70]. Из молодых центров в России следует отметить Московский центр изучения видеоигр и открытую в университете «Синергия» в 2020 году образовательную программу – «Факультет игровой индустрии и киберспорта».

Интерес к данному социальному и экономическому феномену «видеоигры» возник по следующим причинам. Во-первых, современные игры охватывают от сотен тысяч до сотен миллионов человек. Во-вторых, их распространение невозможно остановить никакими заградительными мерами (примером могут служить провалившиеся попытки запретить продажу «Company of Heroes 2» в 2013 году в России – игра продолжала продаваться в зарубежных интернет-магазинах и была открыта для скачивания на торрент-сайтах), соответственно, продвигаемые в них идеи могут воздействовать на резидентов почти любой развитой страны, где есть свободный доступ к Интернету, а уровень благосостояния граждан позволяет приобретать технику, способную запустить видеоигру. В-третьих, компьютерные игры полностью окупают расходы на производство и продвижение и приносят прибыль разработчикам. В-четвертых, еще до конца не изучено влияние различных игровых жанров на мозг и поведение человека, что является вызовом для современной науки. Всё это подтверждает высокий уровень актуальности заявленной темы [2, с. 54].

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринимается попытка научного осмысления образов российской политической элиты в видеоигре «Metro Exodus». Точные данные о продажах игры в открытом доступе отсутствуют, т.к. являются коммерческой тайной, но на основе открытых источников мы можем сделать вывод, что игра была куплена в первую неделю с момента издания в 2019 году в сервисе Steam (один из популярных интернет-магазинов) в количестве 200 000 копий и ещё более 26 000 копий были нелегально скачаны на одних из самых крупных торрент-сайтах «R.G. Механики» [6] и «Xatab» [9]. Соответственно, как минимум это количество пользователей погрузилось в игру и восприняло негативные образы российской власти и её представителей. Следует отметить и тот факт, что в 2020 году Дмитрий Глуховский, автор постапокалиптического романа-трилогии «Метро», в интервью Юрию Дудю отмечал, что его произведения, в том числе и вышеупомянутое, не о параллельных мирах, они о России настоящего и России будущего [3]. А годом ранее создатель Вселенной Метро в интервью английскому изданию «The Sun» сказал, что надеется при помощи этой игры достучаться до умов российской молодежи, и это будет способствовать свержению коррумпированного режима [5]. Поэтому мы можем сделать вывод, что роман и видеоигра носят политизированный характер, направленный на достижение вполне конкретных целей.

Целью исследования является фиксация негативных образов, продвигаемых в игре, охватившей сотни тысяч человек и ориентированной на молодежь для свержения действующей системы власти. Для достижения цели необходимо решение следующих задач: прохождение основного и дополнительного сценария игры, описание каждого негативного образа российской политической элиты во Вселенной Метро (спустя 20 лет после атомной войны в 2010-х гг.).

Методологическая база исследования выстроена за счет сочетания элементов дескриптивного анализа, кейс-стади, концепции оперантного обусловливания Б.Ф. Скиннера [7, с. 193], концепций социальной идентичности Тэджфела-Тернера [8, с. 276]. В рамках исследования были проведены 10 экспертных интервью. Пул экспертов формировался посредством поиска авторов наиболее цитируемых публикаций, связанных с обозначенной тематикой, на площадке eLIBRARY.ru и метода «снежного кома».

В данной статье мы используем термин «видеоигры», подразумевая возможность прохождения одной и той же игры (сценария) на различных устройствах: стационарных компьютерах, ноутбуках, игровых консолях и смартфонах. Системные требования в данном случае мы выносим за скобки, т.к. самое главное, чтобы игра запускалась хотя бы при минимальных настройках. Видеоигры содержат в себе значительные вставки видеофрагментов, которые невозможно пропустить, и пользователь воспринимает смыслы, заложенные в этих фрагментах.

Кейсом исследования стало позиционирование представителей российской политической власти и политической элиты в видеоигре «Metro Exodus» (2019 год).

Полученные результаты. Видеоигра «Metro Exodus» разделена на несколько последовательно развивающихся во времени смысловых сюжетов: пролог, «Москва», «Волга», «Ямантау», «Каспий», «Тайга», «Новосибирск», «Байкал». Мы не будем описывать причины, по которым главным положительным героям пришлось совершить такое путешествие. Ограничимся указанием на то, что почти каждое название соответствует географическому положению. Практически в каждой части есть свой главный антигерой или антигерои – представитель (и) власти или политической элиты.

В «**Москве**» главным антигероем выступает безымянный командир одной из спецслужб Ганзы, экономически успешного политического образования в Метро. Этот человек является символом лжи правительства Москвы, которое в течение 20 лет подавляет любые попытки инакомыслия и убеждает всех людей, спасающихся от радиации и мутантов в метро, что все остальные люди погибли и мест пригодных для жизни не осталось. Это удавалось делать благодаря разветвленной системе радиоподавления. «Вокруг враги, а жизни за пределами Москвы нет» – таким бы мог быть слоган для спасшихся и выживших после атомной войны людей в метро. Интересной отсылкой Ганзы к современной России является стилизованное изображение герба этого политического образования – двуглавый орел (рис. 1).

На «**Волге**» главным антигероем является местный священник-сектант, который своими проповедями подавил волю и здравый смысл местного населения

и отбросил их в развитии на несколько сотен лет назад. Он соединил в своих руках как светскую, так и духовную власти для своих корыстных целей и удовлетворения похотливых желаний. Характерной чертой образа руководителя секты является большой нагрудный рыболовный крюк, при том, что зачастую в игре встречаются изображения православных икон. Используя символ рыболовного крючка, создатели игры пытаются сказать о «глупой зависимости» простых людей от этого человека и его идеологии. Изображение отца Силантия представлено на рис. 2 и 3. Рисунок 3 не встречается в игре, но его можно увидеть в качестве официального плаката на просторах Интернета. В этом альтернативном образе Силантия благодаря татуировкам на пальцах рук и тыльной стороне ладони мы видим отсылки к советскому и российскому криминальному миру, который сливается с институтом церкви.

Вот как описывает его «работу» один из положительных героев игры: «По сути, они просто рабы! Самые настоящие! Целый день вкалывают, полночи молятся... Всё по расписанию, всё под надзором. Всё, буквально всё! Решает «община» – ну, то есть, понятно кто... Силантий (руководитель секты) этот... У них ведь даже своего ничего нет – штаны, и те общинные! Наврал им с три короба про электричество – они и уши развесили... Не все понятно, но там просто, если вопросы задаешь – получай епитимью». Так создатель Вселенной Метро определяет роль и образ церкви в России.

На секретной базе «**Ямантау**» главными антигероями становятся «приближенные» министра обороны – одичавшие высшие офицеры, которые уже 20 лет занимаются тем, что пожирают беженцев, которые ищут выживших людей на этой базе. Во время пыток положительных героев один из высших офицеров говорит: «Мы – то правительство, которое вы заслужили!». После свержения этого людоедского режима один из антигероев пытается оправдаться перед расстрелом: «У нас не было выбора!». Такой представляется власть военных и высшего командования в России. Яркой отсылкой к современным российским силовым структурам, в первую очередь к Федеральной службе безопасности Российской Федерации, может служить стилизованное изображение герба военных-людоедов (рис. 4). Герб ФСБ и герб военных-людоедов из секретного бункера – треугольные, вытянутые к низу щиты, имеют в своей структуре двуглавых орлов, идентично расположены ленты с текстом.

При прохождении сценария «**Каспий**» главным антигероем становится бандит-головорез по кличке «Барон», который контролирует запасы нефти, пресной воды и держит в рабстве местное население. Но именно положительные герои помогают уничтожить злодея и начать освободительную войну. Отдельный вопрос, на который автор статьи пока не нашел однозначного ответа: «Почему разработчики игры создали эту локацию не на территории России, а в Казахстане?».

В «**Тайге**» вертикаль власти отсутствует. Здесь существуют две группы «Пионеры» и «Пираты». И те, и другие – результат попыток некоего педагога «Учителя» повторить опыт А.С. Макаренки по воспитанию детей. Однако этот эксперимент не удался: дети выросли и разделились на несколько банд: «Пионе-

ры» специализируются на том, что ловят чужаков и отдают на съедение диким волкам и медведю, а «Пираты» сначала отрезают врагам пальцы ног, а затем убивают.

По приезде в «Новосибирск» мы видим опустевший город, где выжил только один мальчик. В данной локации образ власти и правящей элиты отсутствует, но если мы захотим продолжить игру в первом сюжетном дополнении «Два полковника» (по сути – самостоятельной истории), то узнаем, что власть принадлежала военным, которые решили сначала обманом, а затем силовым путем изъять у местного населения все запасы зеленки, необходимой для частичной нейтрализации радиации, и сбежать. Для того чтобы вырваться из Новосибирска, военные занимаются расстрелами и убивают людей при помощи ядовитого газа. Такой образ России при власти военных.

Прибыв на «Байкал», главные положительные герои находят умиротворение, чистую воду и землю, свободную от мутантов и радиации. Именно здесь они начинают создавать свой новый мир и сюда они готовы пригласить всех угнетаемых властью людей.

Выводы. Видеоигра «Metro Exodus», вышедшая в 2019 году, содержит нескрываемые политические параллели. Для молодежи как главной целевой аудитории, потребляющей игровой контент, созданы следующие яркие и эмоционально запоминающиеся негативные образы представителей российской политической элиты и власти:

1) сотрудник спецслужб – контролирует СМИ и обманывает угнетаемое население;

2) священник-сектант – использует религиозные установки для своих корыстных и античеловеческих целей, при этом отвергая научно-технические достижения;

3) члены правительства и заместители министра обороны – пожирают своих соотечественников, заманив их обманном путем к себе на территорию военного бункера (системы);

4) деспотичный южный правитель, благосостояние которого базируется на контроле нефти и угнетении местного населения, постепенно превращающегося в рабов;

5) сотрудник спецслужб – обманывает местное население ради личной пользы, а в экстремальной ситуации, которую сам же и создал, готов первым сбежать, уничтожая мешающих ему беженцев.

При этом в игре проводится мысль, что этих негативных персонажей можно победить даже малыми силами: оружием, ловкостью, умом или всеми качествами одновременно. Представители политической элиты, власти, карательного аппарата сильны только тогда, когда чувствуют за своими спинами «государство» или систему, но стоит начать – и весь этот созданный на лжи и насилии мир начнет рушиться.

Степень эмоционального восприятия данных идей в настоящий момент сложно оценить. Это станет возможным, если в России возникнет сильное и ак-

тивное движение против действующей политической системы и её представителей.

Приложение

Рис. 1. Стилизованное изображение герба Ганзы

Рис. 2. Отец Силантий

Рис. 3. Отец Силантий (образ, который встречается только в виде официальных плакатов к игре)

Рис. 4. Стилизованное изображение герба военных-людоедов

1. Белов С.И. Компьютерные игры как инструмент реализации политики памяти (на примере отображения событий Великой Отечественной войны в видеоиграх) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2018. – Т. 20, № 1. – С. 96–104.
2. Белов С.И. Компьютерные игры как ресурс реализации политики памяти: практический опыт и скрытые возможности (на материалах позиционирования событий Вели-

- кой Отечественной войны) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2020. – № 1. – С. 54–63.
4. Глуховский – рок-звезда русской литературы. – Текст: электронный // вДудь: [сайт]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ttPXXyUyx6Q> (дата обращения: 16.11.2020).
 5. Сетевые компьютерные игры в эпоху цифровизации: новые угрозы или потенциалы для реализации политики памяти? / С. Н. Федорченко, Д. О. Тедиков, К. В. Теслюк, Р. А. Маркарян // Вестник Московского государственного областного университета: электронный журнал. – 2019. – № 3. – С. 67–86.
 6. Alex Sassoon Coby. Metro Exodus writer reveals he wants the game to help bring down Putin (англ.). The Sun (16 January 2019): [сайт]. – URL: <https://www.thesun.co.uk/tech/8208989/dmitry-glukhovsky-metro-exodus-putin/> (дата обращения: 16.11.2020).
 7. Лучшие репаки игр R.G. Механики: [сайт]. – URL: <https://z2.mechanics-games.ru> (дата обращения: 16.11.2020).
 8. Skinner B. F. Are theories of learning necessary? // Psychological Review. – 1950. – Т. 4, № 57. – P. 193–216.
 9. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior // The psychology of intergroup relations. – Chicago, 1986. – P. 276–393.
 10. Xatab: [сайт]. – URL: <https://a5.xatab-repack.org> (дата обращения: 16.11.2020).

Транслитерация

1. Belov S. I. Komp'yuternye igry kak instrument realizacii politiki pamyati (na primere otobrazheniya sobytij Velikoj Otechestvennoj vojny v videoigrah) // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya «Politologiya». – 2018. – Т. 20, № 1. – С. 96–104.
2. Belov S. I. Komp'yuternye igry kak resurs realizacii politiki pamyati: praktičeskij opyt i skrytye vozmožnosti (na materialah pozicionirovaniya sobytij Velikoj Otechestvennoj vojny) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istorija i političeskie nauki. – 2020. – № 1. – С. 54–63.
3. Gluhovskij – rok-zvezda russkoj literatury. – Tekst: elektronnyj // vDud': [sajt]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ttPXXyUyx6Q> (data obrashcheniya: 16.11.2020).
4. Setevye komp'yuternye igry v epohu cifrovizacii: novye ugrozy ili potencijaly dlya realizacii politiki pamyati? / S. N. Fedorchenko, D. O. Tedikov, K. V. Teslyuk, R. A. Markaryan // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta: elektronnyj zhurnal. – 2019. – № 3. – С. 67–86.
5. Luchshie repaki igr R.G. Mekhaniki: [sajt]. – URL: <https://z2.mechanics-games.ru> (data obrashcheniya: 16.11.2020).

© С. И. Белов, 2020

Для цитирования: Белов С. И. Образ российской политической элиты и власти в видеоигре «Metro Exodus» // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 60–67.

For citation: Belov S. I. The image of the Russian political elite in the video game «Metro Exodus», *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2020, Vol. 12, № 4, pp. 60–67.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/060-067

Дата поступления: 23.11.2020.

УДК 34.096

С.Г. Верещагин

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

История трансформации роботов: от первых механических устройств до боевых роботов с искусственным интеллектом. Правовое регулирование их применения в вооруженных конфликтах

В статье рассматриваются вопросы, связанные с эволюцией развития механических устройств, которые стали основой создания современных роботов, в том числе военных. С одной стороны, применение военных роботов, способных самостоятельно действовать в вооруженных конфликтах, рассматривается сегодня как неизбежный этап развития современной войны, поскольку они обладают огромными преимуществами по сравнению с живыми людьми, способны заменять солдат в боевых ситуациях, несовместимых с возможностями человека на поле боя: разведка, боевые действия, разминирование территории и т.д. С другой стороны, возникают этические проблемы, связанные с применением правовой ответственности «квазисубъекта» – оператора, дистанционно управляющего боевыми роботами. Автор приходит к выводу, что любые автономные боевые устройства, даже наделенные искусственным интеллектом, должны всегда находиться под контролем человека, а в ситуации, когда робот убил невинного человека, «квазисубъект» – оператор должен быть привлечен к ответственности.

Ключевые слова и словосочетания: искусственный интеллект, робототехника, роботы, автономные боевые роботы, БПЛА, международное гуманитарное право, правовая ответственность.

S.G. Vereshchagin

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

The history of the transformation of robots: from the first mechanical devices to combat robots with artificial intelligence. The legal regulation of their use in armed conflicts

The article discusses issues related to the evolution of the development of mechanical devices, which became the basis for the creation of modern robots, including military ones. On the one

Верещагин Сергей Григорьевич – д-р полит. наук, канд. юрид. наук, профессор кафедры конституционного и административного права; e-mail: vladserg2007@mail.ru

hand, the use of military robots capable of independently acting in armed conflicts is considered today as an inevitable stage in the development of modern warfare, since they have enormous advantages over living people. They are capable of replacing soldiers in combat situations that are incompatible with human capabilities on the battlefield – this is reconnaissance, military operations, demining, etc. On the other hand, ethical problems arise associated with the application of the legal responsibility of a “quasi-subject” – an operator who remotely controls combat robots. The author comes to the conclusion that any autonomous combat devices, even those endowed with artificial intelligence, should always be under human control, and in a situation where a robot has killed an innocent person, the “quasi-subject” – an operator, should be held accountable.

Keywords: artificial intelligence, robotics, robots; autonomous combat robots, UAVs, international humanitarian law, legal responsibility.

Первые упоминания о механических устройствах, самостоятельно, без участия человека выполнявших какие-либо действия, можно найти в многочисленных легендах и древних преданиях. Сегодня мы бы назвали эти механические устройства прообразом роботов¹.

Так, в исторических источниках были описаны примеры создания механических устройств, похожих на людей и животных: в Древнем Египте – статуя бога Амона, в Древней Греции – бронзовый человек Талос, в древнем Китае – механические животные, собранные легендарным плотником Лу Банем, в Японии – чрезвычайно сложные механические игрушки и т.д. Прообразами роботов были также механические фигуры, созданные арабским учёным и изобретателем Аль-Джазари в XII веке. Он спроектировал и собрал лодку с четырьмя механическими музыкантами, которые играли на бубнах, арфе и флейте [1].

В XV–XVI веках в Европе активно занимался разработками механических устройств гениальный ученый Леонардо да Винчи (1452–1519). В 1957 году итальянский искусствовед Карл Предетти обнаружил в архивах манускрипт («Атлантический кодекс»), принадлежащий да Винчи. В нем были эскизы механического немецкого рыцаря в доспехах, который мог сидеть, махать руками, двигать головой и открывать забрало. Предполагается, что этот эскиз рыцаря с внутренним механизмом был сделан Леонардо да Винчи примерно в 1495 году [2].

В XVI–XVIII веках в Западной Европе ученые и инженеры активно конструировали и строили «автоматоны», т.е. заводные механизмы, внешне напоминающие людей и животных, копирующие их движения и жесты. Например, в коллекции Смитсоновского института имеется один из ранних таких образцов – «испанский монах». Ростом он был около 40 см, мог ходить, ударять себя в грудь правой рукой, а в левой носил крест и периодически подносил его к губам и целовал. Предполагается, что этот автоматон был изготовлен примерно в 1560 году механиком Хуанело Турриано в подарок испанскому императору Карлу V [3].

В Новое время, вплоть до начала XX века, и в Европе, и на Востоке инженерами постоянно создавались всё более сложные механические устройства, весьма схожие с современными роботами. Например, в XVIII веке мастер игрушек

¹ Впервые слово «робот» (от словац. – *robot*) появилось в пьесе чешского писателя Карела Чапека, написанной им в 1920 г. под названием «Р.У.Р.» («Россумские Универсальные Роботы»).

Жак де Вокансон построил для Людовика XV автоматизированную утку с сотнями движущихся частей, которая могла есть и пить.

В XVIII веке японский мастер Хисашигэ Танака, известный как «Японский Эдисон», создал ряд чрезвычайно сложных механических игрушек: одни подавали гостям чай, другие стреляли из лука, третьи писали японские символы кандзи². Устройство этих механических игрушек он описал в книге «Каракури Дзуи» («Иллюстрированные машины»), опубликованной в 1796 году.

В XX веке промышленные революции последовательно сменяли одна другую (глобальные трансформации производственного уклада, которые зачастую идентифицируют как промышленные революции)³, одновременно быстрыми темпами развивалась робототехника – от обычных механических устройств в начале и до человекоподобных роботов с искусственным интеллектом в конце XX века.

Как известно, Первая промышленная революция началась в Великобритании в последней трети XVIII века и продолжалась до первой половины XIX века, охватив затем другие страны Европы, Азии и Америки.

Вторая промышленная революция охватывает период со второй половины XIX века по начало XX века и характеризуется массовым внедрением поточного производства, широким применением электричества и первыми попытками создания промышленных автоматизированных конвейерных производств [4]. Принято считать, что современное конвейерное производство появилось в 1914 году на заводах Генри Форда и произвело революцию сначала в автомобилестроении, а потом и во всей промышленности.

В период Второй промышленной революции развитие роботов получило новые возможности: они начали действовать на основе электричества и управление ими могло осуществляться дистанционно на основе радиосигналов. Например, во время Первой мировой войны талантливый инженер Никола Тесла создал для военных электрическую подводную лодку, которой можно было дистанционно управлять по радио.

В 1927 году такой первый робот «Televox», внешне напоминающий человека и способный выполнять движения и воспроизводить фразы по команде человека, был сконструирован американским инженером Ройем Уэнсли для Всемирной выставки в Нью-Йорке [5].

Позже, начиная с 1928 года, был изготовлен «Эрик» – робот, который на выставке Британской ассоциации инженеров по моделированию «выступил» с небольшой речью. В 1932 году английский изобретатель Гарри Мей создал человекоподобный автомат «Альфа», который по голосовым командам садился и вставал, двигал руками и говорил.

Новым прорывом в робототехнике в 30–40-х годах XX века стало появление вычислительных машин и науки кибернетики, которые способствовали созданию первых компьютеров. Так, Алан Мотисон Тьюринг в конце 30-х годов в Вели-

² Кандзи – китайские иероглифы, используемые в современной японской письменности.

³ Первая промышленная революция (промышленный переворот, Великая индустриальная революция) – массовый переход от ручного труда к машинному, от мануфактуры к фабрике, произошедший в ведущих государствах мира в XVIII–XIX веках.

кобритании сконструировал первую «вычислительную машину», способную производить вычисления большой сложности без участия человека. Позже она получила официальное название «машина Тьюринга» и стала прообразом универсальных вычислительных машин конца 1940-х годов. В 1948 году американские ученые (математик Норберт Винер и нейрофизиолог Уоррен МакКаллок) опубликовали книгу «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине», которая положила начало новой науке об управлении сложными динамическими системами – кибернетике.

В этот же период американский математик Джон фон Нейман сформулировал идею создания программы для записи решения какой-либо задачи в память вычислительных машин. Благодаря этим программам вычислительные машины превратились в ЭВМ, т.е. стали универсальными.

Конструирование и создание первых в современном понимании ЭВМ состоялось в 1959 году, тогда в США появились первые промышленные манипуляторы с программным управлением (промышленные роботы) и началось их коммерческое производство.

В начале 1960-х гг. американские промышленные роботы, созданные фирмами «Unimation», «American Machine and Foundry» (AMF), поступили в свободную продажу и были уже достаточно совершенными: с контролируемой траекторией движения манипуляторов, с программным управлением и памятью, как у ЭВМ.

Внушительные успехи использования промышленных роботов стимулировали в 1970-х годах появление роботов, управляемых мини-компьютером (создатель – фирма «Cincinnati Milacron») и микропроцессором (создатель – фирма «INTEL»), что существенно повысило их качество и резко снизило стоимость.

Научные и инженерные достижения в сфере робототехники позволили к 80-м годам некоторым ведущим странам мира создать ряд сложнейших робототехнических систем для исследования космического пространства (станции «Маринер», «Сервейер», «Викинг» – США; «Луна», аппараты «Луноход» – СССР и др.), а также глубоководные автономные аппараты для освоения подводных глубин (аппараты «ARCS» – Канада; «Долфин» – Япония; «KURV», «RCV» – США; «Манта» – СССР и др.) [6].

Развитие и становление военной робототехники. Возросший экономический потенциал и потребности в современных видах вооружения ведущих промышленных стран в первой половине XX века дали мощный импульс развитию науки, без них возникновение и становление современной робототехники были бы невозможны.

В 30-е годы XX века, накануне Второй мировой войны, возникла острая проблема не только создания роботов, но и управления ими посредством специальных цифровых машин (первые современные цифровые компьютеры появились в начале 1940-х годов) при помощи запрограммированных в них алгоритмов. Создание таких алгоритмов (программ для компьютеров) позволило совершить революцию в робототехнике, компьютеризации и, в конечном счете, способствовало формированию теоретических и практических подходов по созданию искусственного интеллекта (ИИ).

В этот период активно стали разрабатываться и применяться «боевые роботы» (военные роботы) – устройство автоматики, заменяющее человека в боевых ситуациях или для работы в условиях, несовместимых с возможностями человека в военных целях: разведка, боевые действия, разминирование и др.

В 1931 году в СССР была принята новая военная доктрина, что привело к перевооружению и реорганизации войск, основой которой стало развитие танкостроения. Разработчик новой военной доктрины маршал М.Н. Тухачевский доказывал, что авиация и танки перестают быть вспомогательным средством ведения пехотно-артиллерийского боя и имеется «...возможность путём массового внедрения танков изменить методы ведения боя <...> предполагалось вести военные действия с использованием танковых механизированных соединений» [7].

С утверждением И. Сталиным новой военной доктрины в 1931 году началась активная реорганизация войск, в том числе и танковых. В этот период проводились опыты по разработке и применению танков Т-26 без экипажа, управление которыми осуществлялось в бою по радио. К 1940 году на вооружении Красной армии находился 61 радиоуправляемый танк. Эти машины впервые были применены в ходе советско-финской войны в 1939 году, но с началом Великой Отечественной войны разработки в этом направлении прекратились.

В августе 1941 года в СССР была создана электротанкетка-торпеда ЭТ-1-627, предназначенная для разрушения инженерных сооружений противника и подрыва вражеской техники. ЭТ-1-627 использовались для борьбы с немецкими укреплениями при обороне Ленинграда, где в ходе боев ими было уничтожено несколько немецких танков [8].

В некоторых европейских странах в этот период также создавались боевые устройства с дистанционным управлением, например, в Германии – «Голиаф» – гусеничная самоходная мина, управляемая по кабелю. Такие дистанционные мины широко применялись во Второй мировой войне: машина несла до 100 кг взрывчатых веществ и предназначалась для уничтожения танков и укреплений противника.

С окончанием войны данные виды вооружения стали невостребованными, так как появились новые, более эффективные виды оружия: гранатометы, реактивные минометы, управляемые противотанковые ракеты и др.

Начавшаяся в 1946 году «холодная война» как глобальное идеологическое, военное и экономическое противостояние между двумя блоками государств, возглавляемыми СССР и США, дала новый стимул развитию боевых машин-роботов.

В послевоенное время США первыми в мире начали создавать боевые роботы. В 1948 году в США был создан первый разведывательный беспилотный летательный аппарат – AQM-34. Его первый полёт состоялся в 1951 году, в том же году «беспилотник» был запущен в массовое производство. Идея сделать из AQM-34 ударный беспилотник появилась у военных конструкторов США в 1953 году⁴.

⁴ AQM-34 Firebee – американский реактивный разведывательный БПЛА, представитель целого семейства беспилотников компании Ryan Aeronautical.

В первой половине 1960-х БПЛА был успешно оборудован под размещение двух управляемых ракет класса «воздух-воздух». После этого было разработано множество самых различных вариантов ударного БПЛА. Первый в мировой военной истории пуск управляемой ракеты класса «воздух-земля» с телевизионным наведением с борта беспилотника состоялся 14 декабря 1971 года.

БПЛА AQM-34 успешно применялся во время войны во Вьетнаме, в ходе которой более 1000 американских Firebee совершили 3435 боевых вылетов. Потери составили 578 AQM-34 Firebee [9].

В этот же период в СССР в 1959 году в конструкторском бюро С. Лавочкина был разработан беспилотный самолёт-разведчик Ла-17Р, который после модернизации получил обозначение ЛА-17М [10].

В 1979 году в Техническом университете имени Н.Э. Баумана по заказу КГБ был сделан аппарат для обезвреживания взрывоопасных предметов – сверхлёгкий мобильный робот МРК-01.

Третья промышленная революция, по мнению большинства ученых, началась в 1969 г., когда был выпущен первый программируемый логический контроллер. Основой этой революции стали персональные компьютеры, глобальная информационная система Интернет, массовое применение персональных портативных коммуникационных устройств, повсеместный переход от аналоговых технологий к цифровым, что, в конечном счете, предопределило процессы глобализации и возникновения постиндустриальной экономики [11].

Одно из важнейших последствий Третьей промышленной революции проявилось в массовом перевооружении армий ведущих государств мира, т.е. частичная замена обычных вооружений на боевых роботов, используемых во всех средах: в воде, воздухе и на суше.

Сегодня практически невозможно назвать количество типов и модификаций боевых роботов во всех армиях мира, но их тысячи. К примеру, в настоящее время десятки стран успешно производят беспилотные летательные аппараты, которые в некоторых вооруженных конфликтах полностью заменили на поле боя обычную военную авиацию. Яркий пример тому вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе. Так, издание Newsweek опубликовало статью, автор которой убежден, что бои в Нагорном Карабахе закладывают основы войн будущего, поскольку особое место в этом конфликте принадлежит беспилотникам. Военный эксперт Алексей Хлопотов оценивает ситуацию в Карабахе следующим образом: «В небе полностью господствуют беспилотники, и мы видим, что они подводят черту под использованием бронетехники. Она перед ними абсолютно беззащитна, даже со встроенной динамической защитой. Сегодня танки в том виде, в котором они были, начинают уходить в прошлое...» [12–14].

В статье отмечается, что именно БПЛА сегодня определяют тактику ведения боя, формируя подобие войн будущего, когда между собой сражаются управляемые дистанционно ударные БПЛА, а не авиация, управляемая военными летчиками.

В определенной степени этот апокалипсический сценарий будущих войн уже довольно хорошо отражен в киноискусстве. Фильмы «Терминатор» и «Тер-

минатор-2», «Трансформеры», «Звёздные войны», «Робокоп» хорошо отразили существующую дилемму: имеет ли право человек передавать право на убийство солдат противника и/или гражданского населения в условиях вооруженных конфликтов боевым роботам? Ведь их убийство с точки зрения международного гуманитарного права может быть признано неправомерным при условии, что они могли быть ранены и находились в беспомощном состоянии или пытались сдаться в плен. Убийство гражданского населения боевыми роботами вообще никоим образом не может быть признано правомерным и оправданным с точки зрения норм международного гуманитарного права и законов ведения войн.

Возникают большие сомнения в том, что существует объективная возможность наказать «квазисубъекта» – оператора, управляющего роботом-убийцей и незаконно лишившего жизни других людей, так как он может нести ответственность за свои действия только опосредованно и у него всегда есть возможность сослаться на неисправность техники в бою. В таких случаях, когда за умышленное применение боевых роботов с целью убийства невинных людей можно избежать установленной законом ответственности, тогда с уверенностью можно утверждать о наступлении апокалипсиса [15].

С учетом изложенного очевидно, что в ближайшем будущем на поле боя появятся и будут действовать автономные боевые роботы на основе встроенного искусственного интеллекта (ИИ) [16]. В настоящее время использование ИИ является важным трендом в создании перспективных систем вооружения и управления им в боевых конфликтах. С помощью ИИ возможно своевременно обнаруживать и идентифицировать угрозы, оценивать намерения другой стороны на поле боя и, главное, обеспечить оптимальный выбор средств поражения противника.

Так, в США экспертная комиссия по искусственному интеллекту предложила правительству страны рекомендации по лидерству США в сфере искусственного интеллекта. Заместитель председателя комиссии Боб Уорк заявил, что «...сейчас происходит переход военной мысли «в цифровую отрасль», и теперь Пентагон стал похожим на компанию по разработке программного обеспечения <...> В будущем алгоритмический способ ведения боевых действий, возможность положиться на искусственный интеллект и на ту автономность, которую он предоставляет, позволит нам обрести наиболее значительное преимущество в военной сфере» [17]. В связи с этим Пентагон запросил у Конгресса США на 2021 финансовый год 800 млн долл. на разработку систем ИИ и еще 1,7 млрд долл. на создание автономных боевых систем на его основе.

Билл Гейтс на конференции по искусственному интеллекту, состоявшейся в 2019 году в Стенфордском университете, выразил обоснованное беспокойство по поводу будущего развития искусственного интеллекта. Он заявил, что «искусственный интеллект по потенциальным негативным последствиям его применения в военной сфере сравним разве что с ядерным оружием» [18].

Поэтому правозащитные организации выступают против широкого распространения автономных боевых устройств ввиду возможной непредсказуемости их действий во время проведения боевых операций. Это нарушает основные

положения Женевской конвенции о защите жертв международных вооруженных конфликтов (вступила в силу в 1950 г., а также дополнительные протоколы к Конвенции, принятые в 1977 и 2005 гг.). Так, статья 36 Протокола I к Женевским конвенциям требует, чтобы все страны «...при разработке и/или принятии на вооружение новых видов оружия...» проверяли их на соответствие нормам международного права.

По оценке Международной неправительственной организации Human Rights Watch (HRW), автономные боевые роботы не только не соответствуют требованиям международного гуманитарного права, но и могут спровоцировать дальнейшие его нарушения или даже вовсе отказ от существующих конвенций и договоров. С их стороны возможны случаи уничтожения раненых или сдающихся в плен военнослужащих, также им трудно отличить лиц, участвующих в боевых действиях, от мирных жителей и т.д.

Human Rights Watch совместно с Гарвардской школой права опубликовала доклад об опасности использования полностью автономных боевых роботов и призвала правительства всех стран отказаться от их разработки. Сущность доклада с названием «Теряя человечность: доводы против роботов-убийц» сводится к тому, что автономные боевые роботы будут убивать всех без разбора [19].

В то же время во многих ведущих странах мира создание и развитие автономных военных роботизированных систем считаются приоритетным направлением в робототехнике будущего. Так, в конце 2010 года министерство обороны США обнародовало «План развития и интеграции автономных систем на 2011–2036 годы» [19]. Согласно этому документу число воздушных, наземных и подводных автономных систем в армии будет значительно увеличено, и перед разработчиками ставятся задачи наделять эти аппараты «полной самостоятельностью». В 2017 году британский эксперт и консультант по вопросам безопасности Джон Бассетт предположил, что к 2025 году в армии США будет больше роботов, чем военнослужащих [20].

На современном этапе продолжает возрастать актуальность проблем, связанных с контролем со стороны правительств и общественности разработок автономных военных роботизированных систем и создания четких правовых регуляторов их практического использования как на основе действующих норм Международного гуманитарного права, так и посредством принятия специальных международных актов, посвященных этому вопросу.

Считаем, что на международном уровне необходимо разработать и принять специальную конвенцию, которая регулировала бы вопросы создания и применения автономных военных роботизированных систем, а также легально закрепляла бы статус субъектов, которые должны нести ответственность за действия, совершаемые автономными боевыми роботами в отношении людей и имущества.

1. История роботов. – Текст: электронный // Википедия: [сайт]. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/History_of_robots (дата обращения: 14.10.2020).
2. Michael E., Moran M. Epochs in Endourology The da Vinci Robot // Journal of Endourology. – 2006. – Vol. 20, № 12.

3. Робот. – Текст: электронный // Википедия: [сайт]. – URL: // <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D1%82> (дата обращения: 10.10.2020).
4. Hull J. The Second Industrial Revolution: The History of a Concept // *Storia Della Storiografia*. – 1999. – Iss. 36. – P. 81–90.
5. Рой Дж. Венсли. Телевокс. – Текст: электронный // История кибернетических животных и первых роботов: [сайт]. – URL: // <http://cyberneticzoo.com/robots/1927-televox-wensley-american/> (дата обращения: 14.10.2020).
6. История развития робототехники. – Текст: электронный // МишинРобот: [сайт]. – URL: // <https://sites.google.com/site/misinrobot/home> (дата обращения: 16.09.2020).
7. Тухачевский М. Н. Избранные произведения: в 2 т. / предисл. Маршала Советского Союза С. С. Бирюзова. – Москва: Воениздат, 1964. Т. 1. – С. 162, 180.
8. ЭТ–1–627. – Текст: электронный // Википедия: [сайт]. – URL: // <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%A2-1-627> (дата обращения: 21.09.2020).
9. Мосов С. Беспилотная разведывательная авиация стран мира: история создания, опыт боевого применения, современное состояние, перспективы развития: монография. – Киев: Румб, 2008. – С. 33–34.
10. Беспилотные летательные аппараты / С. М. Ганин, А. В. Карпенко, В. В. Колногоров, Г. Ф. Петров. – Санкт-Петербург: Невский бастион, 1999. – 160 с.
11. Комиссаров А. Технологический ренессанс: Четвертая промышленная революция // Вестник. – 14 октября 2015. – № 3938.
12. Рифкин Дж. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2014. – 410 с.
13. Верескова М. Массовое применение БПЛА Азербайджаном заложило основы войн будущего. – Текст: электронный // Экономика сегодня: [сайт]. – URL: https://rueconomics.ru/470781-massovoe-primenenie-bpla-azerbaidzhanom-zalozhilo-osnovy-vojn-budushchego?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 29.09.2020).
14. Кудрявая Я. Использование БПЛА в Карабахе формирует стратегию войн будущего. – Текст: электронный // Рамблер.новости: [сайт]. – URL: <https://slovodel.com/579183-ispolzovanie-bpla-v-karabahe-formiruuet-strategiyu-vojn-budushchego> (дата обращения: 29.09.2020).
15. БПЛА в Карабахе показали, какими могут быть войны будущего. – Текст: электронный // @Discover24: [сайт]. – URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/238822697> (дата обращения: 22.10.2020).
16. Slyusar V. Artificial intelligence as the basis of future control networks. Coordination problems of military technical and deensive industrial policy in Ukraine. Weapons and military equipment development perspectives // VII International Scientific and Practical Conference. Abstracts of reports. – 2019. – October 8–10. – P. 76–77.
17. Американских военных усилят искусственным интеллектом // Коммерсантъ. – 2020. – 3 апреля.
18. Piper K. Bill Gates: AI is like “nuclear weapons and nuclear energy” in danger and promise. – Текст: электронный // Vox: [сайт]. – URL: <https://www.vox.com/futureperfect/2019/3/20/18274350/bill-gates-stanford-ailike-nuclear-weapons> (дата обращения: 09.11.2020).
19. Сычев В. Близость Судного дня. Правозащитники испугались восстания машин. – Текст: электронный // Lenta.ru: [сайт]. – URL: <https://lenta.ru/articles/2012/11/22/robots/> (дата обращения: 09.11.2020).

20. Бойко А. В армию США набирают роботов. – Текст: электронный // RoboTrends: [сайт]. – URL: <http://robotrends.ru/pub/1820/v-armiyu-ssha-nabirayut-robotov> (дата обращения: 09.11.2020).

Транслитерация

1. Istoriya robotov. – Текст: elektronnyj // Vikipediya: [sajt]. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/History_of_robots (data obrashcheniya: 14.10.2020).
2. Robot. – Текст: elektronnyj // Vikipediya: [sajt]. – URL: // <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D1%82> (data obrashcheniya: 10.10.2020).
3. Roj Dzh. Vensli. Televoks. – Текст: elektronnyj // Istoriya kiberneticheskikh zhivotnyh i pervyh robotov: [sajt]. – URL: // <http://cyberneticzoo.com/robots/1927-televox-wensley-american/> (data obrashcheniya: 14.10.2020).
4. Istoriya razvitiya robototekhniki. – Текст: elektronnyj // MishinRobot: [sajt]. – URL: // <https://sites.google.com/site/misinrobot/home> (data obrashcheniya: 16.09.2020).
5. Tuhachevskij M. N. Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. / predisl. Marshala Sovetskogo Soyuza S. S. Biryuzova. – Moskva: Voenizdat, 1964. T.1. – S. 162, 180.
6. ET-1-627. – Текст: elektronnyj // Vikipediya: [sajt]. – URL: // <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%A2-1-627> (data obrashcheniya: 21.09.2020).
7. Mosov S. Bepilotnaya razvedyvatel'naya aviaciya stran mira: istoriya sozdaniya, opyt boevogo primeneniya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya: monografiya. – Kiev: Rumb, 2008. – S. 33–34.
8. Bepilotnye letatel'nye apparaty / S. M. Ganin, A. V. Karpenko, V. V. Kolnogorov, G.F. Petrov. – Sankt-Peterburg: Nevskij bastion, 1999. – 160 s.
9. Komissarov A. Tekhnologicheskij renessans: Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya // Vedomosti. – 14 oktyabrya 2015. – № 3938.
10. Rifkin Dzh. Tret'ya promyshlennaya revolyuciya: Kak gorizontal'nye vzaimodejstviya menyayut energetiku, ekonomiku i mir v celom. – Moskva: Al'pina non-fikshn, 2014. – 410 s.
11. Vereskova M. Massovoe primeneniye BPLA Azerbajdzhanom zalozhilo osnovy vojn budushchego. – Текст: elektronnyj // Ekonomika segodnya: [sajt]. – URL: https://rueconomics.ru/470781-massovoe-primeneniye-bpla-azerbajdzhanom-zalozhilo-osnovy-vojn-budushchego?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (data obrashcheniya: 29.09.2020).
12. Kudryavaya Ya. Ispol'zovanie BPLA v Karabahe formiruet strategiyu vojn budushchego. – Текст: elektronnyj // Rambler.novosti: [sajt]. – URL: <https://slovoed.com/579183-ispolzovanie-bpla-v-karabahe-formiruet-strategiyu-vojn-budushchego> (data obrashcheniya: 29.09.2020).
13. BPLA v Karabahe pokazali, kakimi mogut byt' vojny budushchego. – Текст: elektronnyj // @Discover24: [sajt]. – URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/238822697> (data obrashcheniya: 22.10.2020).
14. Amerikanskih voennyh usilyat iskusstvennym intellektom // Kommersant. – 2020. – 3 aprelya.
15. Sychev V. Blizost' Sudnogo dnya. Pravozashchitniki ispugalis' vosstaniya mashin. – Текст: elektronnyj // Lenta.ru: [sajt]. – URL: <https://lenta.ru/articles/2012/11/22/robots/> (data obrashcheniya: 09.11.2020).
16. Bojko A. V armiyu SSHA nabirayut robotov. – Текст: elektronnyj // RoboTrends: [sajt]. – URL: <http://robotrends.ru/pub/1820/v-armiyu-ssha-nabirayut-robotov> (data obrashcheniya: 09.11.2020).

© С.Г. Верещагин, 2020

Для цитирования: Верещагин С.Г. История трансформации роботов: от первых механических устройств до боевых роботов с искусственным интеллектом. Правовое регулирование их применения в вооруженных конфликтах // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 68–78.

For citation: Vereshchagin S.G. The history of the transformation of robots: from the first mechanical devices to combat robots with artificial intelligence. The legal regulation of their use in armed conflicts, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2020, Vol. 12, № 4, pp. 68–78.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/068-078

Дата поступления: 23.11.2020

УДК 338.27

А.М. Берман

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва. Россия

Влияние биологических вызовов на общественно-политические отношения: проблемы и перспективы*

Биологические вызовы сопровождают человечество на всем пути его исторического развития. Наиболее распространенными из них являются инфекционные болезни, уносящие ежегодно миллионы человеческих жизней. С некоторыми инфекционными болезнями человеку удается бороться благодаря развитию технологий, с другими приходится сосуществовать и по сей день. Наиболее яркий пример биологического вызова, с которым столкнулся мир в 2020 году, – распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Коронавирусная инфекция благодаря своему стремительному и повсеместному распространению оказала комплексное воздействие на все аспекты жизнедеятельности человека, выходя далеко за границы исключительно сферы здравоохранения, трансформируя всевозможные каналы взаимодействия внутри страны и на уровне международных отношений. Пандемия COVID-19 уже вошла в историю как чрезвычайная ситуация мирового масштаба, повлекшая глобальный экономический спад, превзошедший по своим последствиям финансовый кризис 2007–2009 годов и сравнимый лишь только с периодом Великой депрессии. В статье на примере коронавирусной инфекции проанализированы возможные последствия влияния биологических вызовов на общественно-политические отношения. Актуальность изучения данного явления именно на примере коронавирусной инфекции заключается в последствиях ее распространения – кардинальном изменении устоявшегося миропорядка уже на первых этапах распространения пандемии. Кроме того, длящийся (волновой) характер распространения коронавирусной инфекции позволяет изучить реакцию отдельных сфер жизни государства (экономической, политической и социальной) на всех этапах распространения пандемии (в краткосрочных и долгосрочных периодах) для оценки способности адаптации каждой из них к существующим и потенциально возможным биологическим вызовам. Автором на основе анализа уже произошедших событий, а также изучения прогнозов профильных экспертов сделаны выводы о последствиях кризиса, вызванного коронавирусной инфекцией, для экономической, политической и

Берман Алиса Михайловна – ассистент департамента правового регулирования бизнеса факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; e-mail: alisa.berman@mail.ru

* *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31760.*

социальной сфер – обозначены существующие проблемные аспекты, а также спрогнозированы возможные последствия.

Ключевые слова и словосочетания: биологические вызовы, инфекционные болезни, коронавирусная инфекция, COVID-19, общественно-политические отношения, проблемы, перспективы, экономические последствия, политические последствия, социальные последствия, финансовый кризис.

A.M. Berman

National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russia

Impact of biological challenges on social and political relations: issues and prospects^{*}

Biological challenges accompany humanity along the entire path of its historical development. The most common biological challenges are infectious diseases, which claim millions of lives every year. With some of the infectious diseases a person manages to fight thanks to the development of technology, with others we have to coexist to this day. The most striking example of a biological challenge facing the world in 2020 is the spread of the novel coronavirus infection (COVID-19). Due to its rapid and ubiquitous spread, coronavirus infection has had a complex impact on all aspects of human life, going far beyond the boundaries of exclusively the healthcare sector, transforming all kinds of channels of interaction within the country and at the level of international relations. The COVID-19 pandemic has already gone down in history as a global emergency, leading to a global economic downturn that surpassed the financial crisis of 2007–2009 in its consequences and comparable only to the Great Depression. The article analyzes the possible consequences of the impact of biological challenges on public and political relations using the example of coronavirus infection. The relevance of studying this phenomenon precisely on the example of coronavirus infection lies in the consequences of its spread – a cardinal change in the established world order already at the first stages of the spread of the pandemic. In addition, the continuing (wave) nature of the spread of coronavirus infection makes it possible to study the response of spheres of state life (economic, political and social) at all stages of the spread of a pandemic (in the short and long term) to assess the ability of each of them to adapt to biological challenges (existing and potentially possible in the future). Based on the analysis of the events that have already taken place, as well as the study of the forecasts of specialized experts, the author draws conclusions about the consequences of the crisis caused by the coronavirus infection for the economic, political and social spheres – the existing problematic aspects are identified, as well as predictions about the possible consequences in the future are made.

^{*} *The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 20-011-31760.*

Keywords: biological challenges, infectious diseases, coronavirus infection, COVID-19, socio-political relations, issues, prospects, economic consequences, political consequences, social consequences, financial crisis.

Введение

В истории человечества можно проследить множество этапов, когда биологические вызовы меняли ход развития отдельных государств и даже целых континентов. Биологические вызовы не являются статичным явлением, их многообразие расширяется с развитием технологий, изменением климата, трансформацией общественно-политических отношений и т.д. На сегодняшний день к категории биологических вызовов на законодательном уровне отнесены, например, инфекционные болезни, биологический терроризм, аварии на объектах, на которых находятся источники биологической опасности, нарушение нормальной микробиоты человека, сельскохозяйственных животных и растений, влекущее за собой возникновение заболеваний и их распространение [4], и др.

Наиболее распространенными из указанных биологических вызовов являются инфекционные болезни. Связано это с тем, что микроорганизмы сопровождают человека на протяжении всей его жизни, часть из этих микроорганизмов представляет опасность для человека, провоцируя различные инфекционные болезни. До определенного времени инфекции были главной причиной высокой смертности и малой продолжительности жизни человека, ежегодно унося миллионы жизней и поражая обширные территории земного шара (чума Антонина, 165–180 годы – примерно 5 млн погибших; Юстинианова чума, 541–542 годы – примерно 30–50 млн погибших; Великая эпидемия оспы в Японии, 735–737 годы – примерно 1 млн погибших; Черная смерть (бубонная чума), 1347–1351 годы – примерно 200 млн погибших; оспа, 1520 год – примерно 56 млн погибших [2] и др.).

Ряд инфекционных заболеваний, которые в свое время унесли миллионы жизней, благодаря развитию технологий в данной области удалось остановить (изобретенная русским ученым В. Хавкиным в 1897 году вакцина, остановившая эпидемии чумы) или ослабить путем уменьшения риска возникновения их тяжелых форм (создание в начале XX века французскими учеными А. Кальметтом и К. Гереном первой человеческой вакцины БЦЖ (BCG – Bacille Calmette-Guerin) на основе открытия, сделанного в 1882 году Р. Кохом, который выделил бактерию, вызывающую туберкулез – микобактерию, и создал вещество для диагностики туберкулеза – туберкулин).

Однако, несмотря на развитие технологий в области медицины, вспышки инфекционных болезней все еще остаются нашей реальностью. Причиной тому служит множество факторов, наиболее распространенным из которых признана мутация вируса. Подтверждающим примером является вирус иммунодефицита человека (ВИЧ), вакцину от которого ученые пытаются разработать уже около сорока лет. Связано это с тем, что его мутация в организме человека происходит быстрее, чем организм успевает выработать антитела против предыдущей «версии» вируса [7].

Пандемии и эпидемии могут быть спровоцированы как «естественными» причинами – развитием новых или возвращением старых инфекционных возбу-

дителей, так и умышленными действиями биотеррористов. 2020 год характеризуется распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), унесшей по состоянию на начало ноября около 1 200 000 человеческих жизней по всему миру [11]. Причины появления и распространения данного вируса все еще доподлинно неизвестны. Единственное, что известно точно – коронавирусная инфекция стала тем биологическим вызовом, который уже существенно повлиял на экономическую, политическую и социальную динамику всех государств мира.

В связи с тем, что все еще пандемия остается мировой реальностью и преждевременно строить прогнозы о том, когда она перейдет из категории нашего «настоящего» в категорию нашего «прошлого», актуально проведение исследования с целью определения влияния биологических вызовов на общественно-политические отношения на примере пандемии коронавирусной инфекции в части ее экономических, социальных и политических последствий.

Экономические последствия

С распространением коронавирусной инфекции в области экономики в большинстве стран мира наблюдается снижение темпов промышленного производства, разрыв глобальных цепочек поставки и волна банкротств во многих секторах экономики. В подобных условиях государства начинают осуществлять широкий комплекс стимулирующих мер по целевой поддержке определенных категорий населения и областей национальной экономики, наиболее пострадавших от введения вынужденных ограничительных мер для предотвращения распространения коронавирусной инфекции.

Однако ситуация усугубляется тем, что сами государства зачастую находятся под долговым бременем (имея ежегодно возрастающий государственный долг), все еще не сумев справиться с последствиями финансового кризиса 2007–2009 годов (например, это характерно для США, КНР, Италии и других государств). Европейским союзом из-за необходимости существенных бюджетных расходов для антикризисной помощи уже было приостановлено действие фискальных правил, ограничивающих дефицит бюджета и уровень госдолга, однако данная мера является временной и не устраняет существующую проблему полностью.

Кроме того, ряд государств характеризуется «специализацией» национальной экономики. Так, например, Таиланд и островные государства в Тихом океане напрямую зависят от туризма, Вьетнам и Камбоджа – от текстильной и швейной промышленности. Подобная «специализация» приводит к тому, что экономика всего государства зависит от сферы, существенно сократившейся или практически замороженной в силу распространения коронавирусной инфекции. Поэтому можно говорить о том, что возможности правительств многих государств по поддержке населения крайне ограничены.

Для государств – членов Европейского союза последствием экономического коллапса может стать новый кризис зоны евро с последующим негативным эффектом далеко за территорией Европейского союза. Уже сейчас наблюдается существенный спад реального ВВП многих мировых держав: во втором квартале реальный ВВП 37 государств, входящих в состав ОЭСР, потерял 9,8% по сравнению с предыдущим периодом [10].

Таким образом, с учетом того, что на государства ОЭСР приходится около 80% мировой торговли и инвестиций, по прогнозам экономический спад из-за коронавирусной инфекции в перспективе может превзойти даже глобальный финансовый кризис 2007–2009 годов. Согласно первоначальным прогнозам описываемый кризис ожидался как V-образный, то есть быстрое восстановление после глубокого спада, однако сейчас эксперты склоняются к тому, что он больше похож на I-вертикальную линию, так как каждый компонент совокупного спроса (потребление, капитальные расходы, экспорт) находится в свободном, неконтролируемом падении [9].

Социальные последствия

Экономические последствия напрямую оказывают влияние на социальную сферу. Экономический кризис становится причиной резкого роста безработицы, снижения потребительской способности населения и перераспределения основных статей расходов, считавшихся устоявшимися на протяжении длительного периода времени.

Наибольшему воздействию всестороннего кризиса, вызванного коронавирусной инфекцией, подвержены социально незащищенные слои населения: фиксируется рост случаев насилия, впервые совершенных против женщин и детей на фоне широкого внедрения режима самоизоляции; игнорирование проблемы распространения COVID-19 среди бездомных людей; недостаточный уровень продовольственной безопасности и доступа к информации для самоизолированных пожилых людей [3] и др.

Так, например, происходит усиление миграционного кризиса из-за увеличения количества вызовов, с которыми сталкиваются мигранты: ограничение доступа к системе услуг здравоохранения (по сравнению с гражданами государства); закрытие границ и ужесточение миграционных режимов – из-за невозможности вернуться на родину мигранты вынуждены оставаться в странах, в которых не могут соответствовать уровню жизни (что также порождает рост преступности в «принимающих» государствах), или, наоборот, не могут въехать в государства, где ранее были задействованы на сезонных работах (данный фактор также оказывает негативное влияние на национальную экономику «принимающего» государства, поскольку из-за нехватки рабочей силы, например в сельском хозяйстве, происходит массовая порча урожая) и др.

В условиях коронавирусной инфекции, когда ограничение социальных контактов становится вопросом сохранения здоровья и жизни людей, все большее развитие и распространение получают цифровые технологии – происходит формирование новой социальной реальности в условиях повсеместной цифровизации. Можно говорить о том, что пандемия стала катализатором в данной области: образовательные организации всех типов переходят на работу в удаленном формате, перенося образовательный процесс на различные цифровые платформы; в трудовое законодательство вносятся поправки в части регулирования дистанционной и удаленной работы [1]; фиксируется многократное увеличение объемов продажи товаров в интернет-магазинах; возрастает спрос на телемедицину. Подобный резкий «скачок» в цифровую реальность выявляет неготов-

ность многих государств обеспечить населению доступ в Интернет на всей территории государства, а также предоставить механизмы повышения цифровой грамотности населения. В подобных условиях отдельные слои населения фактически утрачивают возможность получения надлежащего образования, источники заработка и т.д.

Указанный пример является только одним из проявлений того, как COVID-19 обнажает проблему социально-экономического неравенства населения, которое, по прогнозам ученых, под действием кризиса может увеличиться еще больше [6]. Уже сейчас становится очевидным, что люди в зависимости от уровня дохода, образования, профессии, условий жизни по-разному ощущают на себе экономические потрясения, а это потенциально может усилить поляризацию в обществе.

Дифференциация населения по профессиональному и образовательному критериям проявляется в том, что в режиме самоизоляции находится почти половина населения мира, однако возможность продолжать при этом работать удаленно (и соответственно сохранять заработную плату полностью или большую ее часть) имеют только работники, относящиеся к категории так называемых «белых воротничков» (представители финансового сектора, юристы, бизнес-консультанты, работники информационных услуг и т.п.), так как в остальных сферах удаленная работа физически невозможна (например, в сфере сельского хозяйства, производства, туризма и т.п.). Зачастую подобное деление затрагивает целые регионы, одни из которых в основном «специализируются» на финансовой сфере и сфере консалтинга, а другие на промышленном секторе и сельском хозяйстве. При этом в большей степени риску невозможности перехода на удаленный режим работы подвержены именно работники с наиболее низкой заработной платой.

Кроме того, необходимость соблюдения социальной дистанции сокращает количество социальных контактов и взаимодействий, тем самым внося существенные корректировки в устоявшийся уклад жизни населения, что становится потрясением для психоэмоционального состояния людей. Усиление чувства тревоги и финансовой нестабильности в условиях социальной изоляции может привести к учащению случаев самоубийств, что отмечалось ранее при анализе последствий предыдущих мировых кризисов [8]. Подобное отсутствие стабильности на фоне высокой смертности населения также может повлиять на демографическое состояние страны [5].

Таким образом, кризис, вызванный распространением коронавирусной инфекции, имеет острые социальные последствия, так как социальная сфера напрямую зависит от экономического спада, а также необходимости борьбы за здоровье и жизнь. В связи с этим перед большей частью населения встает вопрос выбора между сохранением дохода или своего здоровья.

Политические последствия

Обозначенные экономические и социальные угрозы, в свою очередь, оказывают влияние и на политическую сферу. Первоначально происходит повышение роли государства в общественной жизни и степени ответственности государст-

венных властей за принимаемые меры по противодействию распространению инфекционной болезни. От государства требуется сбалансированная координация работы всех субъектов его политической системы как единого механизма, а также быстрое реагирование на реакцию общества относительно вводимых мер (так как большинство из данных мер не были ранее апробированы и могут требовать корректировки в зависимости от наступления тех или иных последствий).

Происходит повышение социальной функции государства – необходимость гарантии социальной справедливости для всех слоев населения. Кроме того, в условиях смещения фокуса внимания государства на области здравоохранения и экономики требуется не оставлять бесконтрольным необходимость обеспечения правопорядка и охраны прав и свобод человека и гражданина (в условиях их вынужденного ограничения – ограничение права на свободу передвижения, права на труд и др.).

Таким образом, в кризисных условиях возрастает мультизадачность государства, а соответственно повышается степень оценки его эффективности со стороны населения. В подобных условиях в некоторых странах наблюдается рост критики политических властей отдельных государств (Бразилия, Таиланд, Филиппины и др.), что в дальнейшем потенциально может вызвать усиление роли оппозиции вплоть до инициации смены действующей власти.

Оценке также подвергается и эффективность функционирования интеграционных объединений и международных организаций. В данном контексте главным вопросом становится будущее глобализации. Несмотря на то, что коронавирус является трансграничной проблемой, требующей международной кооперации для ее решения, мир идет по пути изоляции. В данных условиях возникает вопрос о том, насколько сплоченными являются союзнические связи внутри интеграционных объединений.

В качестве примера можно привести Европейский союз, который как наднациональная структура подвергается критике за несвоевременность и недостаточность совершаемых действий, что, безусловно, наносит ему большой репутационный вред. Аналогичные претензии возникают и в отношении Организации Объединенных Наций в части неспособности выработать решение по урегулированию кризисной ситуации и отсутствия решения о приостановке действия санкций в сложившихся условиях.

Таким образом, наиболее непредсказуемыми являются политические последствия распространения коронавирусной инфекции и вызванного ею кризиса. В качестве наиболее пессимистичного сценария можно говорить о возможности смены власти ряда государств, изменения картины «центров силы» на мировой арене, а также переформатирования модели международных отношений и существовавших ранее трансграничных связей.

Выводы

В результате проведенного анализа влияния биологических вызовов на общественно-политические отношения на примере инфекционных болезней очевиден их комплексный эффект. Так, пандемия коронавирусной инфекции может быть охарактеризована как потрясение, сочетающее в себе экономические, социальные и политические последствия. Несмотря на ускоренное развитие техно-

логий, повсеместную цифровизацию и информатизацию общественно-политических отношений, пандемия выявила неготовность властей многих государств к своевременному и эффективному реагированию на потребности общества в условиях острой кризисной обстановки.

На сегодняшний день еще сложно предсказать все возможные последствия кризиса 2020 года. Однако по наиболее пессимистичным прогнозам его экономические последствия могут превзойти даже глобальный финансовый кризис 2007–2009 годов. В качестве возможных негативных социальных последствий могут быть выявлены рост безработицы и усиление поляризации общества, которая потенциально может привести к росту преступности и демографическому кризису. На фоне обозначенных экономических и социальных последствий в обществе возрастает недоверие к решениям, принимаемым на уровне государственных властей, интеграционных объединений и международных организаций. Устоявшаяся картина мира сегодня подвергается переосмыслению и проверке на прочность.

1. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной и удаленной работы: законопроект № 973264-7. – Текст: электронный // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/973264-7> (дата обращения: 04.11.2020).
2. Пандемии в истории человечества. – Текст: электронный // ФАС России: [сайт]. – URL: https://fas.gov.ru/ckeditor_assets/attachments/1121/pandemiya_history_pdf.pdf (дата обращения: 04.11.2020).
3. Социальные последствия пандемии COVID-19 и инклюзивность. – Текст: электронный // Департамент международного и регионального сотрудничества Счетной палаты Российской Федерации: [сайт]. – URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-inclusion.pdf> (дата обращения: 04.11.2020).
4. Об основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу: указ Президента Российской Федерации от 11 марта 2019 № 97 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 11. – Ст. 1106.
5. Demography and the Coronavirus Pandemic / N. Balbo, I. Kashnitsky, A. Melegaro [et al.] // Population Europe: [сайт]. – URL: <https://population-europe.eu/policy-brief/demography-and-coronavirus-pandemic> (дата обращения: 04.11.2020).
6. Bergamini, E. How COVID-19 is laying bare inequality // Bruegel: [сайт]. – URL: <https://www.bruegel.org/2020/03/how-covid-19-is-laying-bare-inequality/> (дата обращения: 04.11.2020).
7. Extremely High Mutation Rate of HIV-1 In Vivo / J. M. Cuevas, R. Geller, R. Garijo [et al.] // PLoS biology. – 2015. – №13(9). – P. 1–19.
8. McIntyre, R.S. Preventing suicide in the context of the COVID-19 pandemic / R. S. McIntyre, Y. Lee // World Psychiatry. – 2020. – № 19. – P. 250–251.
9. Roubini, N. A Greater Depression? / N. Roubini // Project Syndicate: [сайт]. – URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/coronavirus-greater-great-depression-by-nouriel-roubini-2020-03?barrier=accesspaylog> (дата обращения: 04.11.2020).
10. Unprecedented fall in OECD GDP by 9.8% in Q2 2020 // OECD: [сайт]. – URL: <https://www.oecd.org/sdd/na/GDP-Growth-Q220.pdf> (дата обращения: 04.11.2020).
11. WHO Coronavirus Disease (COVID-19) Dashboard // World Health Organization: [сайт]. – URL: <https://covid19.who.int/> (дата обращения: 04.11.2020).

Транслитерация

1. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной и удаленной работы: Законопроект № 973264-7. – Текст: электронный // Система обеспечения законотворительной деятельности: [сайт]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/973264-7> (дата обращения: 04.11.2020).
2. Пандемии в истории человечества. – Текст: электронный // FAS России: [сайт]. – URL: https://fas.gov.ru/ckeditor_assets/attachments/1121/pandemiya_history_pdf.pdf (дата обращения: 04.11.2020).
3. Social'nye posledstviya pandemii COVID-19 i inkluzivnost'. – Текст: электронный // Департамент международного и регионального сотрудничества Счетной палаты Российской Федерации: [сайт]. – URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-inclusion.pdf> (дата обращения: 04.11.2020).
4. Указ Президента Российской Федерации «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» от 11 марта 2019 № 97 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 11. – Ст. 1106.

© А.М. Берман, 2020

Для цитирования: Берман А.М. Влияние биологических вызовов на общественно-политические отношения: проблемы и перспективы // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 79–87.

For citation: Berman A.M. Impact of biological challenges on social and political relations: issues and prospects, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2020, Vol. 12, № 4, pp. 79–87.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/079-087

Дата поступления: 05.11.2020.

УДК 339.138

Н. В. Шашло¹

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

А. А. Кузубов²

Донской технический государственный университет
Ростов-на-Дону. Россия

Концептуальные дефиниции процесса стратегического позиционирования производственно-предпринимательских структур в условиях цифровых трансформаций

Разработан концептуальный подход к процессу стратегического позиционирования производственно-предпринимательских структур с учетом специфических условий их функционирования и отраслевой принадлежности в условиях цифровых трансформаций. Выявлено, что механизм разработки процесса стратегического позиционирования имеет блочную структуру. Разработан методический подход к формированию концепции потребительской ценности продукции предприятий на основе реальных и мнимых (ассоциативных) атрибутов, обоснована их значимость для промышленных и конечных покупателей. Предложен механизм защиты концепции потребительской ценности как объекта интеллектуальной собственности, основанный на системе брэндинга. Доказано, что для достижения «резонанса ценностей» перерабатывающих и добывающих предприятий целесообразно формировать у конечных потребителей доверие к применяемой технологии производства и повышать уровень экологической безопасности продукции. Доказано, что эффективность концепции уникальной потребительской ценности обусловлена «резонансом ценностей» продавцов и покупателей, который проявляется в результате формирования реальных и ассоциативных атрибутов продуктов питания и продукции в качестве сырья для их производства, соответствующих морально-этическим убеждениям конечных потребителей. Научная новизна исследования заключается в том, что разработанные положения в совокупности решают проблему формирования стратегий позиционирования производственно-предпринимательских структур. Практическое значение полученных результатов определяется тем, что предложенные в статье подходы к стратегическому позиционированию доведены до уровня практического использования.

Ключевые слова и словосочетания: позиционирование, производственно-предпринимательские структуры, потребительская ценность, брэндинг, стратегиче-

¹ Шашло Нина Владимировна – канд. экон. наук, заведующий отделом аспирантуры и докторантуры; e-mail: ninellsss@gmail.com

² Кузубов Алексей Алексеевич – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики; e-mail: alexseyuk@gmail.com

ское позиционирование, конкурентные преимущества, резонанс ценностей, потребительский рынок, деловой рынок.

N.V. Shashlo

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

A.A. Kuzubov

Don State Technical University
Rostov-on-Don. Russia

Conceptual definitions of the process of strategic positioning of industrial and entrepreneurial structures in the context of digital transformations

A conceptual approach to the process of strategic positioning of industrial and entrepreneurial structures has been developed, taking into account the specific conditions of their functioning and industry affiliation in the context of digital transformations. It was revealed that the mechanism for developing the strategic positioning process has a block structure. A methodological approach to the formation of the concept of consumer value of enterprise products based on real and imaginary (associative) attributes has been developed, their significance for industrial and end customers has been substantiated. A mechanism for protecting the concept of consumer value as an object of intellectual property, based on the branding system, is proposed. It has been proven that in order to achieve a "resonance of values" of processing and mining enterprises, it is advisable to form end consumers' confidence in the applied production technology and increase the level of environmental safety of products. It has been proven that the effectiveness of the concept of unique consumer value is due to the presence of a "resonance of values" of sellers and buyers, which will manifest itself as a result of the formation of real and associative attributes of food and products as raw materials for their production, corresponding to the moral and ethical beliefs of end consumers. The scientific novelty of the research lies in the fact that the developed provisions in the aggregate solve the problem of forming strategies for positioning industrial and entrepreneurial structures. The practical significance of the results obtained is determined by the fact that the approaches to strategic positioning proposed in the article have been brought to the level of practical use.

Keywords: positioning, production and entrepreneurial structures, consumer value, branding, strategic positioning, competitive advantages, resonance of values, consumer market, business market.

Введение. В современных реалиях рыночной экономики условия осуществления бизнеса для предприятий характеризуются повышенным уровнем риска в процессах доведения продукции до потребителя, что обусловлено усилением конкуренции на структурированных рынках, углублением сегментов позиционирования продукции и вызовами глобальной среды. Основой успешного функционирования любого предприятия являются удачный выбор рыночного сегмента и закрепление четкой, целенаправленной рыночной позиции, что повышает эффективность функционирования даже в условиях неопределенности. Страте-

гическое позиционирование как вектор будущего развития товара, предложенного на рынок определенным предприятием, позволяет решать концептуальные задачи.

Механизм разработки процесса стратегического позиционирования состоит из трех взаимосвязанных блоков, в рамках которых осуществляются следующие процессы: формулировка концепции уникальной потребительской ценности, разработка стратегии охвата рынка, разработка системы защиты сформированной потребительской ценности как объекта интеллектуальной собственности.

При разработке отдельных элементов блоков механизма стратегического позиционирования для предприятий необходимо учитывать рыночные особенности их функционирования. С начала 1990-х годов формируются научные течения, свидетельствующие о появлении новой концепции стратегического менеджмента организаций, согласно которой маркетинговый подход является доминирующим, а эффективные стратегии позиционирования – определяющим условием результативности деятельности предприятия в целом. Вместе с тем в современной научной литературе существуют различия во взглядах ученых о сущности стратегий позиционирования. Поэтому назрела необходимость адаптации уже существующих или разработки новых подходов с учетом специфических условий функционирования предприятий по отраслевой принадлежности.

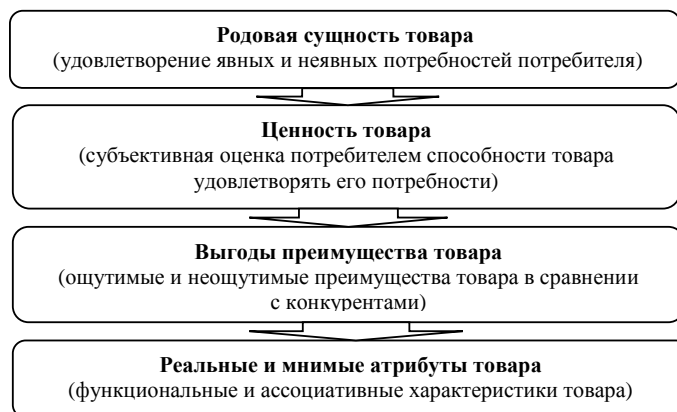
На сегодняшний день в трудах исследователей, занимающихся проблемами позиционирования, нет единого мнения относительно того, что является позиционированием торговой марки, товара, фирмы. Современные подходы к формированию маркетинговых стратегий позиционирования отражены в трудах таких известных зарубежных и отечественных ученых, как Д. Аакер, М. Альберт, Б. Альстренд, И. Ансофф, Р. Грант, К. Келлер, Ф. Котлер, Н. Куденко, Ж.-Ж. Лаблен, Дж. Лэмпел, М. Матвеев, М. Мескон, Г. Минцберг, М. Портер, Э. Райс, И. Решетникова, А. Старостина, А. Дж. Стрикленд, А. Томсон, Дж. Траут, А. Федорченко, Ф. Хедоури, Р. Фатхудинов и др. [1–13]. Данные авторы сформировали теоретико-методологический фундамент исследования обозначенной проблематики с решением многих ее методических и прикладных аспектов.

Несмотря на растущий интерес к проблеме позиционирования со стороны теоретиков и практиков маркетинга, несистематизированными остаются подходы к выбору и реализации стратегий позиционирования, отсутствует единый подход к их классификации и взаимодополнению, к оценке эффективности выбранных стратегий прогнозирования и последствий их использования. Недостаточно изучены и остаются дискуссионными вопросы о концептуальных подходах к формированию стратегий позиционирования продукции предприятий в условиях открытой экономики и ограниченных возможностей их бюджетной поддержки.

Цель исследования заключается в научном обосновании теоретических и методологических основ, а также прикладных направлений формирования стратегий позиционирования предприятий с учетом специфических условий их функционирования и отраслевой принадлежности в условиях открытой экономики и ограниченных возможностей бюджетной поддержки.

Методы. В статье были использованы следующие методы: абстрактно-логический, монографический, графический – в процессе формулирования основных концептуальных положений стратегического позиционирования предприятий, системный анализ – для оценки микро- и макроэкономических факторов формирования стратегий позиционирования, социологический (анкетирование) – с целью выявления особенностей покупательского поведения потребителей, что позволило получить научно обоснованные и достоверные результаты и на их основе сформулировать выводы и предложения.

Результаты. Успешность стратегий позиционирования зависит от восприятия потребителями товаров, предлагаемых на рынке, как уникальных или способных наиболее эффективно удовлетворить потребности [1]. Согласно концепции мультиатрибутивности товары приобретают уникальность благодаря профессиональному сочетанию их функциональных и ассоциативных атрибутов, релевантных потребностям потребителей. Однако конкретный перечень этих атрибутов зависит от наличия сильных сторон предприятия, что в долгосрочной перспективе может обеспечить устойчивые конкурентные преимущества. Именно с таких позиций обоснованы составляющие элементы и этапы формирования концептуальной сущности потребительской ценности продукции, которая будет предложена потребителям определенным предприятием (рис. 1).

Примечание: разработано авторами.

Рис. 1. Базовые элементы и этапы формирования концепции потребительской ценности товаров

Это первый шаг в определении видения стратегического позиционирования, который влияет на эффективность стратегий позиционирования в целом. Для выделения отраслевых особенностей формирования концепции потребительской ценности продукции предприятий разработан теоретико-методологический подход, включающий определенные этапы.

I этап. Определение «родовой» (по определению Ф. Котлера [3]) сущности товара, исследование явных и неявных (эмоциональных) потребностей потреби-

телей, способов их удовлетворения и стереотипов восприятия. Методологическим основанием решения этой задачи являются современные экономические и психологические теории человеческих потребностей, маркетинговые теории толкования сущности товара и его атрибутов. Решение о потенциале отдельных сегментов рынка, оценка его характеристик (экономических, демографических, культурных, психологических), а также взглядов потребителей, их закупочных мотиваций и ассоциативных впечатлений должны приниматься на основе первичной информации, полученной в результате маркетинговых исследований.

II этап. Определение ценности товара или наиболее значимых для потребителей атрибутов товара, которые служат ключевыми критериями их покупательских предпочтений. На этом этапе происходит ранжирование выявленных во время маркетинговых исследований атрибутов товара по их значимости. Обычно субъективная оценка потребителя о способности товара удовлетворять его потребности основывается на нескольких критериях. Ученым и практикам не удалось определить точное их количество, однако существует мнение, что количество таких атрибутов товара должно быть в пределах от трех до пяти.

III этап. Определение выгод от приобретения товара, то есть его осязаемых и неосязаемых преимуществ по сравнению с товарами конкурентов. На этом этапе осуществляется количественная и качественная оценка доминирующих на рынке моделей товаров, изучаются предложения конкурентов, определяются незаполненные рыночные ниши и сегменты с высокой конкуренцией. В рамках комплексного, системного и объективного анализа собственной концепции товара и рынка определяются специфические характеристики товара, которые будут его отличать от предложения конкурентов и одновременно лучше соответствовать жизненным ценностям и убеждениям потребителей, удовлетворяя их потребности.

IV этап. Определение конкретных реальных и мнимых атрибутов товара, то есть его функциональных и ассоциативных характеристик. Завершающий этап является логическим продолжением предыдущего, поскольку на данном этапе предприятия наполняют конкретным содержанием и количественными характеристиками значимые атрибуты (специфические характеристики) товара, выявленные на предыдущем этапе.

Предложенный нами методологический подход к формированию концепции потребительской ценности товаров может применяться предприятиями, функционирующими как на потребительском рынке, так и на деловом или бизнес-рынке. Подтверждением этого тезиса является то, что подавляющее большинство предприятий сотрудничают с торгово-посредническими или производственными структурами, а не с конечными потребителями. Однако на таких рынках наблюдаются различия в принятии решения покупателями.

Следующий шаг формирования видения стратегического позиционирования заключается в разработке принципиальных подходов (стратегий) охвата рынка. Поскольку процесс разработки стратегии позиционирования проходит в два организационных этапа (разработка концептуальных подходов к «родовой» сущности (идее) товара и мероприятий вывода его на рынок), дифференцированный

подход к их формированию в разрезе отдельных сегментов рынка является одной из определяющих предпосылок эффективности стратегий. Именно такой подход позволяет предприятию лучше и эффективнее удовлетворить потребности потребителей, выгодно отличаться от конкурентов.

Дифференцированный подход позволяет точнее идентифицировать целевые аудитории и создать релевантные для конкретного сегмента рынка ассоциативные атрибуты определенного товара (группы родственных по спросу товаров), а впоследствии – эффективные коммуникативные программы [10; 13]. Однако именно на первой стадии формирования стратегии позиционирования предприятием принимается принципиальное решение о том, какому количеству сегментов и с какими специфическими атрибутами может быть сформирована и предложена потребительская ценность.

Известно, что предприятие начинает свою деятельность, сосредоточившись на одном сегменте рынка по выборочной, рыночной или товарной специализации. Если рынок рассматривается предприятием как однородная совокупность потребителей, применяется массовый (агрегированный) подход его охвата, в противном случае – дифференцированный [5].

Итак, на решение предприятий по выбору стратегии охвата рынка влияют экономические возможности предприятия, а также корпоративные стратегии высшего порядка (финансовая), поскольку на этом этапе решаются вопросы к определению объемов будущих инвестиций. Кроме того, решающую роль в принятии таких решений играют специфические особенности товара, характеристики рынка и интенсивность конкуренции на нем. В любом случае стратегия охвата рынка является одним из ключевых аспектов видения стратегического позиционирования товара (группы товаров).

Выбор концепции потребительской ценности предприятия осуществляют, опираясь на собственные стратегические приоритеты, законодательные ограничения, вкусы и предпочтения потребителей и т.п., а донесение ее до рынка возможно при условии эффективной интеграции по всей длине маркетинговых каналов при реализации продукции. Кроме того, важным условием реализации стратегий позиционирования предприятий является активная позиция государства по обозначенной проблематике. Опыт зарубежных стран показывает, что современные механизмы взаимодействия предприятий с заготовительными и перерабатывающими предприятиями, а также регулятивные меры указанных процессов со стороны государства требуют усовершенствования.

Организационный процесс формирования механизма защиты концепции потребительской ценности как объекта интеллектуальной собственности следует рассматривать с точки зрения двух позиций: экономических и правовых аспектов. Прежде всего, предприятиям целесообразно рассматривать экономические возможности внедрения той или иной системы брэндинга (рис. 2).

На этом этапе решаются вопросы о возможности и экономической целесообразности внедрения собственного брэнда (торговой марки), а также о широте ассортимента перечня товаров, которые будут предлагаться под одним марочным названием. Концепция потребительской ценности может быть распро-

странена для позиционирования нескольких номенклатурных групп товаров, которые производятся предприятием. На рынках стандартизированных потребительских товаров используется многомарочный подход, позволяющий стимулировать спрос.

Рис. 2. Составные элементы системы брендинга

Перечисленные выше варианты системы брендинга широко используются предприятиями, конкурирующими как на потребительских, так и на деловых рынках. В коммерческой практике разработаны разнообразные инструменты (фирменные знаки, логотипы товаров, знаки качества и слоганы), призванные подчеркивать качества и характеристики товаров или предприятий в целом и, таким образом, помогать им отличаться от конкурентов.

Фактор брендинга продукции является значимым, и его важно использовать в позиционировании продукции предприятий, поскольку предприятия значительно различаются организационными и технологическими подходами собственной производственной деятельности, что влияет на качество их продукции.

Выводы. На основе проведенного исследования можно утверждать, что эффективность стратегий позиционирования продукции предприятий в значительной степени зависит от профессионального и успешного видения, которое должно решать такие концептуальные задачи, как формулировка концепции уникальной потребительской ценности, разработка охвата рынка, а также защита разработанной ценности как объекта интеллектуальной собственности. В свою очередь, эффективность концепции уникальной потребительской ценности обусловлена так называемым «резонансом ценностей» продавцов и покупателей, который проявляется в результате формирования реальных и ассоциативных атрибутов продуктов питания и продукции в качестве сырья для их производства, соответствующих морально-этическим убеждениям конечных потребителей.

Кроме того, конкретный перечень атрибутов продукции должен учитывать сильные стороны предприятия, которые в долгосрочной перспективе могут обеспечить устойчивые конкурентные преимущества. Резонанса ценностей

можно достичь через формирование у конечных потребителей доверия к применяемой предприятием технологии производства. Формирование стратегического позиционирования именно с таких позиций более четко учитывает отраслевые особенности функционирования предприятий и потребности покупателей.

1. Фатхутдинов Р. А. Стратегический маркетинг. – Москва: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 2000. – 640 с.
2. Котлер Ф., Келлер К. Л. Маркетинг-менеджмент: экспресс-курс. – Санкт-Петербург: Питер, 2010. – 480 с.
3. Котлер Ф. Картаджайя Х., Сетиаван А. Маркетинг 3.0: от продуктов к потребителям и далее к человеческой душе. – Москва: Эксмо, 2011. – 240 с.
4. Бухвальд Е. М. Институты развития и новые приоритеты региональной политики в России // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 6. – С. 108–114.
5. Шашло Н. В. Стратегическое позиционирование предприятий АПК: от методологии к механизму // Научное обозрение: теория и практика. – 2017. – № 3. – С. 22–29.
6. Минцберг Г., Куинн Д., Гошал С. Стратегический процесс. Концепции, проблемы, решения. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – 688 с.
7. Аакер Д. Стратегическое рыночное управление / под общ. ред. Ю.Н. Каптуревского. – Санкт-Петербург: Питер, 2002. – 544 с.
8. Kuzubov A. A. Shashlo N. V. Implementation of monitoring subsystem in the regulation system of agro-food sector on regional level // Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences. – 2017. – Т. 62, №2. – С. 33–41.
9. Васильева Ю. С. Стратегическое позиционирование в конкурентной борьбе брендов // Маркетинг в России и за рубежом. – 2018. – № 2. – С. 92–97.
10. Габбасова Л. Б., Мирзагалямов Б. Б. Стратегическое позиционирование как инструмент повышения конкурентоспособности банка // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 4. – С. 18–21.
11. Vorozhbit O. Yu., Shashlo N. V. Integration processes and a common agricultural market under the conditions of the Eurasian economic union // International Business Management. – 2016. – Т. 10, № 19. – С. 4635–4643.
12. Родионов А. В. Приоритетные направления развития предпринимательского сектора в контексте обеспечения национальной экономической безопасности в условиях санкций, торговых войн и материализации стратегических угроз // Вестник евразийской науки. – 2020. – Т. 12, № 2. – С. 64.
13. Осипов В., Кузубов А. Оценка инновационного развития промышленных предприятий и пути его стимулирования // Проблемы теории и практики управления. – 2018. – № 1. – С. 89–97.

Транслитерация

1. Fathutdinov R. A. Strategicheskij marketing. – Moskva: ZAO «Biznes-shkola «Intel-Sintez», 2000. – 640 s.
2. Kotler F., Keller K. L. Marketing-menedzhment: ekspress-kurs / F. Kotler, . – Sankt-Peterburg: Piter, 2010. – 480 s.
3. Kotler F., Kartadzhajya H., Setiavan A. Marketing 3.0: ot produktov k potrebitelyam i dalee k chelovecheskoj dushe. – Moskva: Eksmo, 2011. – 240 s.
4. Buhval'd E. M. Instituty razvitiya i novye priority regional'noj politiki v Rossii // Teoriya i praktika obshchestvenno razvitiya. – 2014. – № 6. – S. 108–114.

5. Shashlo N. V. Strategicheskoe pozicionirovanie predpriyatij APK: ot metodologii k mekhanizmu // Nauchnoe obozrenie: teoriya i praktika. – 2017. – № 3. – S. 22–29.
6. Minberg G. Kuinn D., Gosha S. Strategicheskij process. Konceptii, problemy, resheniya. – Sankt-Peterburg: Piter, 2001. – 688 s.
7. Aaker D. Strategicheskoe rynochnoe upravlenie / pod obshch. red. Yu. N. Kapturevskogo. – Sankt-Peterburg: Piter, 2002. – 544 s.
8. Vasil'eva Yu. S. Strategicheskoe pozicionirovanie v konkurentnoj bor'be brendov // Marketing v Rossii i za rubezhom. – 2018. – № 2. – S. 92–97.
9. Gabbasova L. B. Mirzagalyamov B. B. Strategicheskoe pozicionirovanie kak instrument povysheniya konkurentosposobnosti banka // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. – 2018. – № 4. – S. 18–21.
10. Rodionov A. V. Prioritetnye napravleniya razvitiya predprinimatel'skogo sektora v kontekste obespecheniya nacional'noj ekonomicheskoy bezopasnosti v usloviyah sankcij, torgovyh vojn i materializacii strategicheskikh ugroz // Vestnik evrazijskoj nauki. – 2020. – Т. 12, № 2. – S. 64.
11. Osipov, V. Ocenka innovacionnogo razvitiya promyshlennyh predpriyatij i puti ego stimulirovaniya / V. Osipov, A. Kuzubov // Problemy teorii i praktiki upravleniya. – 2018. – № 1. – S. 89–97.

© Н. В. Шашло, 2020

© А. А. Кузубов, 2020

Для цитирования: Шашло Н. В., Кузубов А. А. Концептуальные дефиниции процесса стратегического позиционирования производственно-предпринимательских структур в условиях цифровых трансформаций // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 88–96.

For citation: Shashlo N. V., Kuzubov A. A. Conceptual definitions of the process of strategic positioning of industrial and entrepreneurial structures in the context of digital transformations, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2020, Vol. 12, № 4, pp. 88–96.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/088-096

Дата поступления: 23.11.2020.

УДК 34.01

Т. В. Евсеева

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия

Основные подходы к взаимодействию права и экономики в цифровую эпоху: теоретико-правовой поиск адекватной модели правового регулирования*

В работе представлена систематизация и авторская классификация ключевых современных подходов, описывающих специфику и характер взаимодействия права и экономики, а также обосновывающих наиболее адекватную цифровой эпохе модель государственно-правового воздействия на экономические отношения. Рассматривая тот или иной подход к взаимодействию права и экономики или конкретное правовое учение о формах и методах государственно-правового воздействия на экономические процессы в обществе, автор выделяет положительные и отрицательные стороны последних в контексте их адекватности современным процессам цифровой трансформации общественного взаимодействия. Обосновывается, что ни одно из проанализированных учений и подходов не отражает в полной мере многогранность взаимодействия и взаимовлияния права и экономики. В то же время последние не учитывают комплекс факторов и серию воздействий, которые оказывают влияние на кардинальные изменения в экономической системе в век цифровизации и роботизации социальных практик и коммуникаций. Аргументируется, что, с одной стороны, представленные подходы и учения существенно обогащают современную теорию права, теоретико-методологический арсенал юридической науки, расширяя классические представления о взаимодействии права и экономики. С другой стороны, автор заключает, что ряд современных подходов к взаимодействию права и экономики могут сформировать теоретико-правовую базу для построения комплексной доктринально-правовой основы государственно-правового регулирования экономических отношений в цифровую эпоху.

Ключевые слова и словосочетания: государство, доктрина, общество, право, правовое регулирование, правовые учения, цифровизация, экономика.

Евсеева Татьяна Витальевна – ведущий специалист отдела организации научно-исследовательской работы; e-mail: tatianaev@list.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6 «Национально-культурные и цифровые тренды социально-экономического и политико-правового развития Российской Федерации в XXI веке».

T.V. Evseeva

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

Basic Approaches to the Law and Economics in the Digitalization Age: Theoretical and Legal Search of Suitable Model of Legal Regulation

The systematization and the author's classification of modern key approaches that define peculiarities and nature of interaction of the law and economics and also that show suitable for the digitalization age model of state legal impact on economic relations are presented in the article. The author defines positive and negative sides of different approaches to the law and economics interaction, of legal doctrines about forms and methods of state legal impact on economic processes in the society by means of analyzing the phenomena within the mentioned phenomena suitability to the modern processes of the digital transformation of social interaction. The resume of the article substantiate that non of the analyzed doctrines and approaches reflect totally the complexity of interaction and interrelation of the law and economics. At the same time the latter phenomena don't regard the number of factors and the complex of effects on crucial changes in economic system in the digitalization age and at the time of robotization of social technics and communications. At the same time the article asserts that the present approaches and doctrines enrich significantly the modern theory of law, and also theoretical and methodological tools of legal science by means of the classical concept of the law and economics interrelation, from the one side. Moreover the author resumes that the number of modern approaches to the law and economics can become theoretical legal base for creating the integrative doctrinal legal base for state legal regulation of economic relations in the digitalization age.

Keywords: state, doctrine, society, law, legal regulation, legal doctrines, digitalization, economics.

Введение

Существуют различные концепции взаимодействия права и экономики в зарубежных государственно-правовых учениях. Многие исследователи придерживаются позиции, которая заключается в том, что содержание права может быть улучшено с помощью применения экономико-теоретических основ или иных заимствований из экономической науки (методологии, методики, подходов и т.д.). Следует заметить, что зарубежные учения, касающиеся взаимодействия права и экономики, не единообразны. Ранее предпринимались попытки их классификации с позиции экономического воздействия права на экономику. В данной работе предполагается рассмотреть различные учения о взаимодействии права и экономики с позиции государственно-правового регулирования экономических отношений, а также аспекты взаимодействия права и экономики.

Вопрос взаимовлияния права и экономики являлся традиционно дискуссионным в теории права. Представители различных концепций и подходов пред-

полагали эффективность развития экономики в рамках определенных типов правового регулирования государством общественных отношений в экономической сфере. Государству при этом определялась роль, относительно которой исследователям не удавалось достигнуть единства мнений.

Среди возникающих сложностей взаимодействия права и экономики исследователи Н. Меркуро и С. Медема отмечают различие наиболее часто применимых способов анализа в праве и экономике (индукции (от частного к общему) и дедукции (от общего к частному) соответственно); различие понимания права и подходов к нему (набор правил и процедур (правоведы); система для изменения стимулов (экономисты) [5, р. 34, 41].

Многие зарубежные исследователи тоже рассматривают вопросы взаимодействия и взаимовлияния права и экономики. Так, к примеру, Гвидо Калабреззи выделяет следующие подходы (с позиции роли права и экономики): экономический анализ права и «право и экономика». В первом подходе, как отмечает исследователь, экономическая теория используется для критики и исправления права. Представителями данной позиции являются Р. Познер, И. Бентам. Второй подход, помимо применения экономической теории для анализа права и выявления недостатков правового регулирования, позволяет использовать право для внесения изменений и поправок в экономическую теорию [16, с. 40]. В контексте данной классификации следует отметить, что Р. Познер отмечал важность вклада Бентама в развитие экономического анализа права, в частности, называл его основоположником экономики нерыночного поведения, которая составляет, по мнению ученого, значительную часть предмета экономического права. В то же время Р. Познер признавал ограниченность подхода Бентама, отмечая, что Беккером справедливо была расширена область применения нерыночной экономики (как предмета права) лишь спустя значительный период времени, что позволило распространить методiku экономического анализа на обширное количество областей права [18, с. 62, 69].

Основная часть

При рассмотрении учений зарубежных исследователей с позиции особенностей правового регулирования экономических отношений можно привести следующую классификацию по специальным ключевым факторам, влияющим на соответствующее регулирование: концепция эффективности индивидуального регулирования; экономико-политическая концепция правового регулирования; концепция институционально-правового воздействия на экономику; институционально-инструментальная либерально-правовая концепция; нормативно-правовая концепция регулирования экономических отношений; концепция политико-правового стимулирования экономики; концепция политико-правового совещательного регулирования; концепция динамического каталактического права.

Концепция эффективности индивидуального регулирования. Среди представителей данного учения выделяют Р. Коуза, Р. Познера, Э. Познера, Г. Уинтера, М. Фридмана, Р. Фридман, Д. Лейцеля. Концепция, сторонниками которой являются данные исследователи, предполагает, что нормы права подлежат экономическому анализу, что позволяет выявить экономическую природу

различного рода проблем анализа правовых норм. Большое внимание уделяется при этом необходимости поддержки конкуренции, частного предпринимательства и уменьшению государственного вмешательства в экономику.

Большую роль в распространении и широком применении направления «права и экономика» сыграли работы Ричарда Познера, в том числе «Экономический анализ права». В его работах экономическая теория была применена не только к праву собственности, договорному и уголовному праву, но и иным его областям.

Р. Познер указывает, что экономика способна внести значительный вклад в совершенствование и понимание права. Представлена концепция единой экономической теории права, согласно которой одна из функций права заключается в содействии свободным рыночным правоотношениям, а в сферах, где высоки издержки рыночных сделок – «имитации рынка» посредством объявления результата, допустимого к получению в случае осуществления сделок. Исследователь отмечает, что использование экономического подхода к праву юристами может способствовать выявлению реальных последствий применения правовых доктрин [18, с. 6, 10–11, 40].

Гарольд Уинтер выделяет два подхода экономического анализа к праву: позитивный и нормативный. Первый подход позволяет использовать его для анализа произошедших событий и прогнозирования возможных последствий, а с помощью второго возможно предпринять попытки выявить, каким образом необходимо действовать [19, с. 25]. Более того, Г. Уинтер выделяет два экономических подхода к праву: традиционный и поведенческий. При первом основной целью человека как субъекта правоотношений является максимизация богатства, при втором подходе осуществляется также учет различного рода ограничений, с которыми сталкивается индивид, в связи с чем возникает вероятность принятия им нерациональных решений, что влияет на дальнейшие его действия. Исследователь отмечает положительные особенности поведенческого подхода (в ряде случаев его именуют поведенческой экономической теорией), в частности, возможность с его помощью более гибко рассмотреть изменения, вносимые в нормативно-правовые акты и направленные на предотвращение неэффективного использования органами государственной власти права на отчуждение собственности в принудительном порядке. Поведенческая экономика предусматривает совершенствование нормативно-правового регулирования в социально-нравственном контексте. Исследователь выдвигает тезис о том, что осознание субъектами права угрозы неизбежного наказания за совершение преступных деяний, а также деятельность правоприменителя в области уголовного права ведет к более эффективным результатам (снижению уровня преступности), чем длительность фактического отбывания срока заключения, что сопровождается более высокими затратами ресурсов. Исследователь полагает, что оба подхода к анализу права (традиционный экономический и метод поведенческой экономической теории) целесообразны. Так, традиционный подход устанавливает основы, на которые опирается поведенческая теория, в ряде случаев позволяющая достаточно эффективно анализировать существующие правоотношения и выявлять

эффективные меры нормативно-правового регулирования правоотношений [19, с. 384, 393, 407, 410].

Д. Лейцель отмечает, что не во всех случаях нормативно-правовые акты способствуют положительному разрешению экономических проблем, предотвращению и минимизации негативных последствий на рынке путем снижения транзакционных издержек. Так, в случае низкого уровня транзакционных издержек правовое вмешательство в экономику не требуется, а в случае высоких транзакционных издержек для получения эффективного экономического результата необходимо создать инструменты на нормативно-правовом уровне, регламентирующие передачу прав собственности лицам, для которых они составляют большую ценность, поскольку значительные расходы на передачу соответствующих прав не способствуют возможности состояться иным обменам, желательным в противном случае [17, с. 55, 75].

Вкладом экономики (как науки) в право являются методы, основанные на рациональном выборе и эффективности. Такие методы могут быть применены к различным отраслям права. Кроме того, Д. Лейцель обращает внимание на взаимовлияние экономики (в том числе, теории) и права. Он отмечает, что экономическая теория позволяет ознакомиться с теорией принятия решений, в то время как правовая система помогает определить последствия, которые могут возникнуть при различных доступных для субъектов права вариантах поведения, и их влияние на тех, кто принимает решения, а также на остальных субъектов. Таким образом, исследователь убежден, что в совокупности право и экономика позволяют применить экономическую теорию выбора к возможностям, доступным в различных правовых условиях [Там же, с. 21].

В контексте правоотношений права и экономики Д. Лейцель соглашается с Б. Рубеном, утверждающим, что общее право способно более эффективно защищать частную собственность от государственного вмешательства, что создает условия для поощрения инвестиций, играющих большую роль в экономическом развитии. Так, данные исследователи считают, что традиции общего права создают более благоприятные условия для экономического роста, в отличие от тех, которые формируются в странах с континентальной системой права [12, р. 53]. Определенная доля гибкости систем общего права присутствует, однако подобное может стать источником злоупотребления правом и послужить причиной для эффективной защиты права собственности и упрочения интересов более сильной стороны, что дает повод подвергнуть сомнениям тезис об исключительной эффективности системы общего права с целью защиты частной собственности. Представляется все же, что акцент на данном аспекте был сделан исследователем в большей мере для того, чтобы подчеркнуть важность существования свободного рынка и преимущества регулирующей функции рынка, что может в определенной степени обеспечивать судебная система.

Основным вкладом учения об эффективности индивидуального регулирования в решение проблемы взаимодействия права и экономики является обоснование значимости свободного рынка. Особый интерес и положительное влияние

на развитие права имеет новая предложенная методика анализа права благодаря применению методов анализа экономики (экономический анализ права).

Экономико-политическая концепция правового регулирования. Представителями данного учения являются М. Олсон, Ф. Париси, Д. Мюллер, Ч. Роули. В основе учения лежит теория, позволяющая применять экономические законы к правоотношениям, возникающим в рамках публично-правовых отношений в сфере конституционного, избирательного права.

В литературе встречается сходное с данным учением направление исследований, именуемое «политическая экономика» или «общественный выбор». Его сторонники предполагают сформировать нерыночную модель поведения при принятии решений. В рамках указанного направления Ч. Роули выделяет четыре школы, каждая из которых имеет свои особые подходы к анализу: рочестерская, чикагская, вирджинская школа и политическая экономика [11, р. 3, 6].

Н. Меркуро, С. Медема именуют сходное направление теорией общественного выбора, которая представляет собой экономический анализ принятия нерыночных решений. Особое внимание приверженцы данной теории уделяют созданию и применению права посредством политического процесса (так называемое «спрос на право и предложение права») [5, р. 156].

Следует отметить, что сторонники теории общественного выбора полагали, что деятельность частного и общественного секторов аналогична. В обоих случаях люди выявляют и удовлетворяют свои предпочтения, но в первом случае осуществляют это посредством ценового механизма рынка, а во втором – с помощью коллективного принятия решений, что осуществляется под эгидой государства. Применяв данную парадигму к анализу частной и публичной сфер общественных отношений, исследователи смогли проанализировать происходящие в государстве процессы. Так, была разработана теория успеха и провала государства, аналогичная экономическим теориям успеха и провала рынка [5, р. 157–158]. Методология исследований, осуществляемых в соответствии с подходом, именуемым теорией общественного выбора, состоит в следующем: 1) выбор рассматриваемого этапа принятия решений: конституционного этапа принятия решений или институционного этапа; 2) принятие решения о необходимости заниматься позитивным анализом или нормативными предписаниями; 3) определение, применять подход с позиций *homo economicus* или каталатический подход. При этом *homo economicus* – парадигма, обозначающая, что физические лица и в политической, и в экономической сферах действуют так, как если бы они стремились к максимальной полезности [5, р. 160–161].

С развитием теории применения экономики в праве, как отмечают Н. Меркуро и С. Медема, появлялось множество теорий в рамках теории общественного выбора, близкой к экономико-политической концепции правового регулирования. Наиболее крупными теориями являются: 1) посвященная применению конституционного этапа принятия решений («конституционная экономика», «конституционная политическая экономия»); 2) рассматривающая институциональный этап принятия решений; 3) аксиоматическая теория социального выбора. При принятии решения на конституционном уровне в соответствии с теорией

общественного выбора решается вопрос об общественном договоре (конституции), который содержит правила, позволяющие управлять коллективным выбором. Второе направление, исследующее институциональный этап принятия решений, использует экономический анализ политических и государственных процессов, в том числе деятельность исполнительной власти, законодателя, политиков, а также процедуры голосования и бюрократию. Представители третьей (аксиоматической) теории выдвигают разные аксиомы, основанные на заданных ценностных суждениях, и пытаются определить результаты различных процессов коллективного выбора (к примеру, различные схемы голосования) [5, р. 160–165].

Д. Мюллер характеризует учение «общественный выбор» как возможность применения экономических методов к изучению политики. В качестве примера он приводит применение теоремы Кондорсе к суду присяжных, которая позволяет удостовериться в принятии наиболее правильного решения простым большинством, в связи с чем Д. Мюллер делает вывод, что вероятность принятия правильного решения повышается при принятии решения простым большинством в случае увеличения количества голосующих до максимального предела [6, р. 31–32].

М. Олсен отмечает положительные характеристики «общественных договоров», с помощью которых предполагается достижение наиболее эффективного правопорядка. В то же время положительный результат невозможно достигнуть путем заключения большого числа соглашений между физическими лицами [8, р. 567–568].

М. Олсен излагает тезис о том, что в государстве с автократическим политическим (государственным) режимом стимулированию производства и развитию общества способствует рациональная монополия на хищение в форме налога на подконтрольной территории (в отличие от неконтролируемых хищений, что имеет место при анархии). Помимо установления такой монополии должна иметь место защита субъектов, которые осуществляют производство объектов, подлежащих передаче в виде налога. Исследователь отмечает, что рациональный диктатор использует часть ресурсов, полученных в форме налога на социальные нужды, однако при этом повышает уровень налога для того, чтобы он превышал соответствующие издержки на социальные нужды. Чем выше уровень производства объектов, подлежащих налогообложению, тем выше уровень дохода общества и доход от уплаты налога. В то же время чем выше уровень налога, тем ниже уровень дохода общества, поскольку налогообложение способно разрушать стимулы к производству и снижать уровень сбора налогов. В связи с изложенным во избежание подобных негативных результатов М. Олсен указывает, что наиболее целесообразно установление уровня налогообложения не выше оптимального уровня государственного дохода. Размер оптимального уровня государственного дохода отражает уровень заинтересованности органа (органов) государственной власти в обеспечении нужд общества и определяет, какую долю национального дохода (при повышении его уровня) он получает [8, р. 568–570].

В экономическом анализе права концепция Ф. Париси определяет правовые санкции как «цены», установленные за определенные категории юридически

значимого поведения. Исследователь отмечает, что в праве и экономике применяются общеизвестные средства теории цен для того, чтобы спрогнозировать возможный эффект в случае изменения правовых норм, содержащих правила ответственности за неправомерное поведение. Исследователь рассматривает обычное право в качестве процесса по созданию правовых норм, сходного с механизмом ценообразования в рамках частично уравновешенной структуры. Ф. Париси отмечает важность формирования норм обычного права с применением теории общественного выбора, а также обращает внимание на потенциал использования соответствующих правил и предполагает положительный эффект в случае признания таких норм и включения их в состав правовой системы. В то же время исследователь отмечает необходимость выявления и определения неких пределов соответствующего обычного права ввиду возможной неэффективности спонтанного процесса формирования законодательства в условиях нестабильного рыночного равновесия [9, р. 247–248, 257].

Сторонники экономико-политической концепции правового регулирования справедливо придают большое значение роли политического (государственного) режима в повышении уровня экономического развития государства, принципу разделения властей, вопросам налогообложения.

Концепция институционально-правового воздействия на экономику. Среди сторонников данного учения выделяют Т. Веблена, Г. Адамса. Предполагается, что право и экономика оказывают взаимовлияние, но именно правовые институты мотивируют развитие экономики. Центральное место занимает изучение институтов экономической системы, существует большое количество определений институтов, наблюдается тенденция их широкого толкования.

Экономическое поведение людей, как отмечает Г. Адамс, изменяется под воздействием трансформации в социальной организации, что, в свою очередь, в значительной степени предопределяется правовым устройством. Нормативно-правовые акты, регламентирующие право собственности, воздействуют на распределение материальных благ, что посредством возникновения спроса влияет на производственную экономику в целом [1, р. 15, 19].

Представители данной концепции убеждены, что институты значимы для экономического развития общества. В вопросе взаимодействия права и экономики внимание уделено взаимосвязи объектов исследования.

Институционально-инструментальная либерально-правовая концепция. Сторонники данного учения занимаются поиском и выявлением институциональных структур, способствующих повышению эффективности экономики государства. Среди представителей данного учения известны Р. Коуз, Л. Фридман, Д. Норт.

Рональд Коуз отмечает, что конечный результат (который максимально увеличивает ценность производства) не зависит от правовой системы, если предположить, что ценовая система работает без издержек. Исследователь неоднократно отмечает, что результат сделки остается неизменным (а также размещение ресурсов на рынке при нулевых транзакционных издержках) при любой правовой позиции. В то же время на работу экономической системы влияют такие

изменения в функционировании правовой системы, как, например, изменение процессуальных норм, перераспределение полномочий среди государственных учреждений либо между федеральными и местными органами и т.д. [2, р. 14, 28, 168–170].

Рассматривая государство в качестве крупной сверхфирмы, Р. Коуз приходит к выводу, что прямое государственное регулирование (установление не системы прав (диспозитивных норм), а конкретных императивных правил) является альтернативным вариантом решения проблемы высоких административных издержек организаций [2, р. 117–119, 133].

По мнению Дугласа Норта, институты представляют собой созданные людьми ограничения, которые формируют структуру политического, экономического и социального взаимодействия. Он выделяет два вида институтов: неофициальные ограничения (в число которых входят санкции, запреты, обычаи, традиции, правила поведения) и официальные правила (конституции, законы, права собственности) [7, р. 97]. Достаточно логичной представляется классификация видов институтов Д. Норта, за исключением позиционирования прав в числе нормативно-правовых актов. Ввиду того, что соответствующее упоминание ведет к некорректности с позиции теории права, возможно предположить, что более гармонично в контексте официальных правил указанные «права собственности» могли бы заменить нормативно-правовые акты, регулирующие правоотношения, связанные с установлением, реализацией и отчуждением прав собственности.

Д. Норт указывает, что институты, организации и инструменты способны снизить информационные издержки и стимулировать исполнение договоров, что позволяет согласовывать и заключать долгосрочные сделки на рынке [7, р. 100].

Среди представителей институционно-инструментальной либерально-правовой концепции по ряду вопросов нет единого мнения. Сторонники данного учения придерживаются позиции стихийного формирования институциональной структуры. Очевидно, предпочтение не отдается регулированию общественных отношений исключительно нормативно-правовыми актами. При этом представители институционно-инструментальной либерально-правовой концепции в числе фоновых (второстепенных) правил и ограничений выделяют правовую среду и социальные нормы. В качестве разновидностей институтов одни исследователи выделяют рынки (Р. Коуз), а другие (Д. Норт) – неофициальные ограничения (санкции, запреты, обычаи, традиции, правила поведения) и официальные правила (конституции, законы).

Нормативно-правовая концепция регулирования экономических отношений (формально-юридический подход). В контексте нормативно-правовой концепции регулирования экономических отношений, представителями которой являются Э. Пюрсел, Дж. Фрэнк, ведущая роль в разработке политики отдается праву. Взаимосвязь права и экономики выражается в следующей последовательности предпосылок: изменение норм права ведет к изменению стимулов, существующих в обществе, что, в свою очередь, оказывает влияние на поведение участников общественных отношений и, как следствие, приводит к новым экономическим результатам.

Джером Фрэнк выделяет в рамках течения правового реализма две группы исследователей: 1) «скептиков правил», основная цель которых – максимальная детализация правовых норм; 2) «скептиков фактов», которые характеризуются скептическим отношением к правилам, не придавая значение «бумажным нормам» [3, р. VII]. Э. Пюрсел отмечает, что правовой реализм привнес эффективные направления исследования и более продуктивные методы анализа, кроме того, учение способствовало принятию практических, обоснованных правовых конструкций [10, р. 446].

Данная концепция предполагает возможность создания логичных с позиции нормативно-правового регулирования правовых конструкций. Недостаток данного учения видится в идеализации права.

Концепция политико-правового стимулирования экономических отношений. Среди представителей данного учения выделяют Гвидо Калабреззи, Вилфреда Долфсму. Политика, по мнению исследователей, должна устранять провалы путем применения мер, основанных на анализе издержек и выгод, т.е. посредством создания стимулов, влияющих на индивидуальный выбор.

Вилфред Долфсма обращает внимание на провалы рынка (ситуации, при которых на рынках устанавливается естественная монополия либо когда рыночная цена не отражает издержки или выгоды). В контексте соотношения экономики и права исследователь указывает, что для решения проблем в сфере экономики необходимы правила, установленные государством. При этом важное значение имеют правовые нормы, создающие стимулы для выбора экономически выгодного поведения участниками правоотношений. Рассматривая степень государственного воздействия права на экономику, В. Долфсма вводит понятие «Г-фактор» (государственный фактор) [15, с. 11–12, 27, 38–39, 45, 87, 228]. Главной особенностью взаимодействия права и экономики, по мнению В. Долфсмы, является необходимость создания государством правовых стимулов и механизмов, которыми могут воспользоваться участники рынка для достижения максимального экономического эффекта.

Ключевую проблему представители этого подхода видят в недостатке регулирования [13, р. 289].

Основной концепцией представителей данного учения является возможность индивидуального выбора участников общественных отношений при наличии обеспечительного механизма. В качестве проблемы ученые выделяют недостаток регулирования.

Концепция политико-правового совещательного регулирования. Достоточно теоретизированной представляется концепция политико-правового совещательного регулирования. Сторонниками названного учения являются Джеймс Мэдисон, Санстейн.

Данный подход к праву и экономике представляет собой философию государства права и политики, в которой большую ценность имеет коллективная политическая жизнь и совместный, совещательный диалог [5, р. 292]. Роль государства с позиции этого учения заключается в принятии решений о размещении ограниченных ресурсов общества.

Концепция динамического каталактического права. Концепция динамического каталактического права заключается в эффективности «спонтанного порядка». Сторонники данного учения отмечают, что институты развиваются с помощью действий людей, право рассматривается как динамический институт, правовые нормы имеют спонтанный характер развития (не создаются путем осуществления действий, запланированных государственными органами). В качестве причины развития норм исследователи видят обычаи и практику в обществе.

В число представителей данного учения входят Ф. Хайек, Менгер, Людвиг фон Мизес, Г. Майер, Шварцштейн.

По мнению Ф. Хайека, позитивным мерам, стимулирующим развитие конкуренции, необходимо уделять больше внимания, нежели запретительным мерам. В то же время возможны ограничительные правила, требующие большего количества ресурсов при производстве прежнего объема продукции, при условии, что они касаются всех предпринимателей и не являются способом осуществления контроля над ценами или количеством товара [20, с. 60–62].

Один из представителей концепции динамического каталактического права Шварцштейн высказывает достаточно нестандартную для традиционного понимания общественных отношений позицию, в рамках которой адвокаты рассматриваются как предприниматели, действующие на рынках (под которыми предполагаются суды), судьи являются аудиторией или потребителями их товаров. В качестве товара выступают новые доводы или толкования правовых норм (в рамках правовой системы, в которой прецедент является источником права) с целью содействия интересам клиентов этих адвокатов. Предпринимательская деятельность состоит в разработке соответствующих доводов и толкований и в попытках убедить судей принять их в качестве источника права. Однако судьи не являются исключительно получателями соответствующих новых правовых аргументов, которые им предлагают адвокаты-предприниматели. Адвокаты являются движущей силой изменений правовой системы, а суды, отвергая новые аргументы, предлагаемые адвокатами в ходе судебного процесса, представляют блюстителями рыночной дисциплины, которая распространяется на всех участников такого рынка, включая так называемых адвокатов-предпринимателей. Подобный порядок, по мнению Шварцштейн, сдерживает «необоснованную предпринимательскую деятельность» и способствует в определенной мере стабильности и определенности правового процесса [13, р. 304].

Представленная Шварцштейн теория сходна с теорией эффективности общего права, в рамках которой неэффективные нормы будут оспариваться чаще, чем эффективные, что будет способствовать развитию эффективного права. Однако необходимо обратить внимание на то, что, как и у экономистов, у юристов нет данных о том, какие именно суждения приведут к эффективности права. В связи с изложенным Э. Крэк полагает, что экономический подход к данному вопросу необоснованно высоко оценивает информационные и вычислительные возможности субъектов, принимающих правовые решения [4, р. 305].

Заключение

Представляется, что ни одно из представленных учений не отражает в полной мере многогранность взаимодействия и взаимовлияния права и экономики, но имеет значение для обогащения методологии права. Век цифровизации, а также сложная экономическая ситуация на рынках предполагают необходимость использования новых методов исследования права, выявления наиболее эффективных моделей правового регулирования экономических отношений. Целесообразно обратить внимание на положительные и отрицательные стороны рассмотренных выше учений.

В рамках концепции эффективности индивидуального регулирования наблюдается тенденция применения методов экономической теории или инструментов экономического анализа не к объекту экономики или экономических отношений, а к праву. Следует отметить положительное влияние не так называемого рыночного регулирования, но значимой роли рынка как фактора, позволяющего выявить тенденции (модели поведения), подлежащие нормативному урегулированию либо устранению. Справедливо утверждение сторонников данного учения, которое заключается в том, что для эффективности экономики значимы четкая регламентация прав собственности и свободные рыночные отношения в сочетании с государственным вмешательством в вопросы распределения прав собственности (с целью недопущения провала рынка при заключении социально значимых сделок или в случае высоких транзакционных издержек).

Позиционирование закона как инструмента реформирования посредством создания унифицированных правил поведения, отмечаемое в рамках нормативно-правовой концепции регулирования экономических отношений, является традиционным методом воздействия на общественные отношения и экономику. Однако представляется, что для эффективного применения данного метода требуется его неизменная комбинация с такими методологическими приемами, как экономический анализ предполагаемых реформ на этапе подготовки законопроекта и форсайт.

Положительный вклад институционно-инструментальной либерально-правовой концепции заключается в том, что ее представители предлагают системный подход на макро- и микроуровне к решению вопроса эффективности экономики не посредством выявления отдельных мер, а с помощью институциональных структур, в состав которых входят нормативно-правовые и подзаконные акты.

Справедливо разделение представителями концепции политико-правового стимулирования экономических отношений государственного вмешательства в общественные отношения на следующие виды: государственное регулирование, направленное на поддержку рынка, и государственное вмешательство с целью создания нормативно-правовой базы для контроля рынка. Особый интерес представляет введение исследователем В. Долфсмой понятия «Г-фактор» для оценки степени воздействия права на экономику. Классификация видов «провалов государства», возникающих при проявлении положительных или негативных внешних эффектов («экстерналий»), позволяет выделить виды нормативно-правового регулирования, негативно влияющие на экономику.

Учение о динамическом каталактическом праве представляется достаточно прогрессивным с позиции эффективности правового регулирования экономических отношений. Среди положительных сторон данного подхода следует отметить признание его представителями конкурентной экономики с децентрализованной рыночной системой как примера эффективной модели, а также идею о практическом применении норм, способствующем выявлению эффективных норм права.

1. Adams H. C. Economics and Jurisprudence // Science. – 1886. – №8(178S). – P. 15–19.
2. Coase R. H. (Ronald Harry). The firm, the market and the law / The University of Chicago Press. – Chicago, 1990. – 217 p.
3. Frank J. Law and the Modern Mind. Abingdon. – Oxon: Routledge, 2017. – P. VII.
4. Krecke E. Economic Analysis and Legal Pragmatism // International Review of Law and Economics. – 2003. – №23. – P. 421–437.
5. Mercurio N., Medema S. G. Economics and the Law: from Posner to Postmodernism and beyond. 2nd ed. – Princeton: Princeton University Press, 2006. – 385 p.
6. Mueller D. C. Public Choice: An Introduction // Readings in Public Choice and Constitutional Political Economy / Rowley, Charles K., Schneider, Friedrich. – New York: Springer Science+Business Media, LLC, 2008. – 626 p.
7. North D. C. Institutions // Journal of Economic Perspectives. – 1991. – №5 (1). – P. 97–112.
8. Olson M. Dictatorship, Democracy, and Development // American Political Science Review. – 1993. – №87(03). – P. 567–576.
9. Parisi F. The Perspective of Law // Readings in Public Choice and Constitutional Political Economy / Rowley, Charles K., Schneider, Friedrich. – New York: Springer Science+Business Media, LLC, 2008. – 626 p.
10. Purcell E. A. Jr. American Jurisprudence Between the Wars: Legal Realism and the Crisis of Democratic Theory // The American Historical Review. – 1969. – Vol. 75, № 2. – P. 424–446.
11. Rowley C. K. Public Choice and Constitutional Political Economy // Readings in Public Choice and Constitutional Political Economy / Rowley, Charles K., Schneider, Friedrich. – New York: Springer Science+Business Media, LLC, 2008. – 626 p.
12. Rubin P. H. Legal Systems as Frameworks for Market Exchanges // Handbook of New Institution Economics / ed. by C. Menard and M. M. Shirley. – Berlin: Springer, 2008. – P. 205–228.
13. Schwartzstein L. A. An Austrian Economic View of the Legal Process // Ohio State Law Journal. – 1994. – №55. – P. 1009–1049.
14. Sunstein C. R. After the Rights Revolution: Reconceiving the Regulatory State. – Cambridge: Harvard University Press, 1990. – P. 227–233.
15. Долфсма В. Провалы государства. Общество, рынки и правила / пер. с англ. Ю. Каптуревского; науч. ред. Д. Кадочников. – Москва: Изд-во Института Гайдара, 2017. – 256 с.
16. Калабреззи Г. Будущее права и экономики. Очерки о реформе и размышления / пер. с англ. И. В. Кушнарева; науч. ред. М. И. Одинцова. – Москва: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 304 с.
17. Лейцель Д. Принципы права и экономики: руководство для любознательных / пер. с англ. И. Кушнарева; науч. ред. М. Одинцова. – Москва: Изд-во Института Гайдара, 2017. – 416 с.
18. Познер Р. А. Рубежи теории права / пер. с англ. И. В. Кушнарева; под ред. М. И. Одинцовой; Нац исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: Высшая школа экономики, 2017. – (Политическая теория). – 480 с.

19. Уинтер Г. Вопросы права и экономики /пер. с англ. Т. Шишкиной; науч. ред. М. Одинцова. – Москва: Изд-во Института Гайдара, 2019. – 416 с.
20. Хайек Ф. Дорога к рабству / пер. с англ. – Москва: Новое издательство, 2005. – (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»). – 264 с.

Транслитерация

1. Dolfisma V. Provaly gosudarstva. Obshchestvo, rynki i pravila / per. s angl. Yu. Kap-
turevskogo; nauch. red. D. Kadochnikov. – Moskva: Izd-vo Instituta Gajdara, 2017. – 256 s.
2. Kalabrezi G. Budushchee prava i ekonomiki. Ocherki o reforme i razmyshleniya / per. s
angl. I.V. Kushnarevoj; nauch. red. M.I. Odincova. – Moskva: Izd-vo Instituta Gajdara,
2016. – 304 s.
3. Lejcel' D. Principy prava i ekonomiki: rukovodstvo dlya lyuboznatel'nyh / per s angl.
I. Kushnarevoj; nauch. red. M. Odincova. – Moskva: Izd-vo Instituta Gajdara, 2017. – 416 s.
4. Pozner R.A. Rubezhi teorii prava / per. s angl. I.V. Kushnarevoj; pod red. M. I. Odincovoj;
Nac issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». – Moskva: Vysshaya shkola ekonomiki,
2017. – (Politicheskaya teoriya). – 480 s.
5. Uinter G. Voprosy prava i ekonomiki /per. s angl. T. SHishkinoy; nauch. red. M. Odincova. –
Moskva: Izd-vo Instituta Gajdara, 2019. – 416 s.
6. Hajek F. Doroga k rabstvu / per. s angl. – Moskva: Novoe izdatel'stvo, 2005. – (Biblioteka
Fonda «Liberal'naya missiya»). – 264 s.

© Т. В. Евсева, 2020

Для цитирования: Евсева Т. В. Основные подходы к взаимодействию права и экономики в цифровую эпоху: теоретико-правовой поиск адекватной модели правового регулирования // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 97–110.

For citation: Evseeva T. V. Basic Approaches to the Law and Economics in the Digitalization Age: Theoretical and Legal Search of Suitable Model of Legal Regulation, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2020, Vol. 12, № 4, pp. 97–110.

DOI [dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/097-110](https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/097-110)

Дата поступления: 30.11.2020.

УДК 34.023

Д.А. Петрова¹

М.Н. Моськина²

Д.В. Мухалов³

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Обзор судебной практики по вопросу введения ограничений прав граждан в период пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на примере цифровых пропусков*

Основными целями статьи являются рассмотрение судебной практики и выявление общих позиций судов по отношению к мерам, применяемым для борьбы с новой коронавирусной инфекцией. Авторы приходят к выводу, что проводимые мероприятия с использованием информационных технологий вследствие необходимости принимать безотлагательные решения в целях улучшения санитарно-эпидемиологической обстановки вызвали определенные правовые противоречия, которые требуют дальнейших разъяснений высших судебных инстанций.

Ключевые слова и словосочетания: информационные технологии, коронавирусная инфекция, COVID-19, пандемия, системы слежения, цифровой пропуск, социальный мониторинг.

D.A. Petrova

M.N. Moskina

D.V. Mukhalov

Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia

¹ Дарья Анатольевна Петрова – канд. полит. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридической школы ДВФУ; e-mail: petrova.dan@dvfu.ru

² Моськина Марина Николаевна – бакалавр 2 курса Юридической школы; e-mail: moskina.mn@students.dvfu.ru

³ Мухалов Денис Вячеславович – бакалавр 2 курса Юридической школы; e-mail: mukhalov.dv@students.dvfu.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-011-31760 «Цифровые, биологические и социокультурные тренды эволюции публично-властной организации и отношений в современной России: проблемы моделирования и прогнозирования общественно-политической динамики».

Legal regimes for using digital technologies to prevent the spread of a new coronavirus infection (COVID-19)

The main purpose of this article is to review judicial practice and identify common positions of the courts in relation to the measures used to combat the new coronavirus infection. In the course of the article, the authors come to the conclusion that the activities carried out using information technologies, due to the need to make urgent decisions in order to improve the sanitary and epidemiological situation, have caused certain legal contradictions that require further explanations from higher courts.

Keywords: information technologies, coronavirus infection, COVID-19, pandemic, tracking systems, digital passes, social monitoring.

Введение

В 2020 году мир столкнулся с пандемией коронавирусной инфекции. В борьбе против распространения недуга органы исполнительной власти Российской Федерации и ее субъектов подготовили пакет «антикризисных мер», которые, безусловно, призваны бороться с дальнейшим распространением пандемии коронавирусной инфекции. Однако все антикризисные меры в качестве оборотной стороны предполагают ограничение прав граждан.

Сложная юридическая природа вводимых ограничительных мероприятий вызвала волну дискуссий в обществе на разных уровнях (бытовом, научном и др.). Именно поэтому вопрос о правомерности вводимых мер, в том числе с использованием информационных технологий, стал предметом рассмотрения множества судебных споров. Несмотря на то, что для реализации вводимых мер использовались и продолжают использоваться различные виды информационных технологий (камеры слежения, социальный мониторинг, цифровые пропуска и т.д.), авторы настоящей статьи анализируют один вид использования информационных технологий – применение цифровых пропусков. Указанный подход является достаточным для освещения тенденции правовой политики в целом.

Целью настоящей работы является анализ позиций судов различных уровней по проблеме использования цифровых пропусков.

Предмет исследования – позиции судов различных уровней по вопросу введения цифровых пропусков в период пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19).

Несмотря на то, что разработкой проблемы законности применения цифровых технологий в период пандемии занимались многие авторы (Д. Р. Салихов, С.В. Симонова [1], А.А. Самойленко [2], С.Ю. Кашкин, С.А. Тищенко, А.В. Алтухов [3], С.Ю. Миролюбова [4] и др.), в научной литературе не освещались позиции судов относительно вопроса ограничения прав граждан в рамках борьбы с коронавирусной инфекцией. Поэтому необходимо говорить, что указанная работа восполняет пробел в научной литературе.

Методология. Авторами были использованы различные методы и логические приемы обработки информации. Основной метод работы – метод анализа.

Выводы строятся на основе методов сравнительно-правового анализа, структурно-функционального анализа, формально-юридического анализа.

Основная часть

В своем выступлении Президент РФ озвучил позицию, что органы субъектов Российской Федерации самостоятельно определяют перечень мер по борьбе с распространением пандемии. Согласно п. «у» ст. 11 ФЗ от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», введенному Федеральным законом от 01.04.2020 № 98-ФЗ, органы государственной власти субъектов РФ уполномочены вводить обязательные для граждан правила поведения в условиях *«режима повышенной готовности»*. При этом стоит обратить внимание на два факта: 1) вводится новый, альтернативный правовой режим, параллельный «чрезвычайному положению»; 2) сам текст закона не оговаривает конкретный перечень правил поведения, которые могут устанавливать органы государственной власти субъектов РФ.

Неопределённость в границах установления правил, которые полномочен вводить отдельный субъект РФ, может приводить к произволу, а также поднимать вопрос о противоречии норме, заложенной в ст. 55 Конституции РФ. Указанная коллизия нашла отражение в обращениях граждан в суд на неправомерность установления ограничений.

В результате рассмотрения обращений сложилась судебная практика, в которой суды признают за субъектами РФ право устанавливать ограничения в случае, если федеральным законом предоставлены полномочия по *«принятию законов и иных нормативных правовых актов в области защиты населения, в том числе направленных на ограничение права граждан на свободу передвижения в пределах территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации; установление обязательных для исполнения гражданами и организациями правил поведения при введении режима повышенной готовности»* [5]. Безусловно, судами выносятся и иные решения, но при этом важно отметить, что их достаточно мало. К примеру, в Постановлении Протвинского городского суда от 28 апреля 2020 г. видно, что судья, проанализировав действующее законодательство, пришёл к выводу, что оно «наделяет органы государственной власти субъектов Российской Федерации полномочиями осуществлять меры по реализации, обеспечению и защите прав и свобод граждан, но не предусматривает возможности ограничивать эти права и свободы, в том числе и право граждан на свободу передвижения...» [6]. Другими словами, органы государственной власти субъектов Российской Федерации не наделены полномочиями ограничивать права и свободы граждан Российской Федерации.

На основании описанных выше полномочий необходимость введения пропускной системы определялась каждым субъектом РФ самостоятельно в зависимости от эпидемиологической ситуации в конкретном регионе. Помимо бумажных пропусков в некоторых субъектах применялись цифровые [7]. Так, согласно Указу мэра Москвы от 11.04.2020 № 43-УМ [8] в качестве подтверждения права гражданина нахождения вне места проживания может быть использован цифро-

вой пропуск. Оформить цифровой пропуск может гражданин путем электронной заявки.

Обязательное использование цифровых пропусков вызвало споры о правомерности такой меры и ее соответствии Конституции и федеральным законам. В качестве примера можно привести решение Московского городского суда [9], предметом которого стало рассмотрение коллективного административного искового заявления о признании недействующими среди прочего отдельных положений указа мэра Москвы от 11.04.2020 № 43-УМ «Об утверждении Порядка оформления и использования цифровых пропусков для передвижения по территории города Москвы в период действия режима повышенной готовности в городе Москве».

Требования истцов мотивированы тем, что оформление и использование цифровых пропусков для передвижения по территории города Москвы в период действия режима повышенной готовности вводят для неопределенного круга граждан ограничения и запреты, препятствующие реализации предусмотренных Конституцией РФ прав на:

- неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 23);
- недопущение сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия (ст. 24);
- свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства (ст. 27).

Помимо этого, по мнению истцов, нарушается и федеральное законодательство, а именно: право на свободу передвижения, предусмотренное ст. 1 Закона РФ от 25 июня 1993 года № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации».

По мнению Московского городского суда, оспариваемый нормативный правовой акт принят в пределах полномочий мэра Москвы с соблюдением требований к форме, порядку принятия и введению его в действие, **а содержание нормативного правового акта соответствует нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу.** Московский городской суд в своей мотивировочной части руководствовался в первую очередь ст. 55 и 56 Конституции РФ, а также уже упоминаемой нами ранее ст. 11 ФЗ от 21 декабря 1994 года № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Иначе говоря, мы можем в очередной раз убедиться в том, что суды признают за субъектами РФ право устанавливать ограничения прав и свобод граждан, если существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации. В своих решениях суды называют позицию истцов неправильным применением и толкованием норм права [10].

Что касается сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица, то суд считает, что «сведения, необходимые для оформления цифрового пропуска, не содержатся в самом пропуске, представляющем собой буквенно-числовой код, поэтому при предъявлении цифрового пропуска персональные данные гражданина не будут доступны третьим лицам». Таким образом, присвоение цифровому пропуску буквенно-числового кода

обеспечивает защиту персональных данных при его сообщении третьим лицам, что соответствует действующему законодательству.

Итак, мы приходим к выводу, что такая мера, как введение цифровых пропусков, направлена, прежде всего, на защиту населения, их здоровья и предотвращение массового распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Если же обращаться к правовой природе этой меры, то, на наш взгляд, существует довольно серьезная неопределенность при толковании судами общей юрисдикции отдельных конституционных и законодательных положений. Отсюда мы видим необходимость в детальном анализе этих вопросов высшими судебными инстанциями, что может в значительной мере повлиять на ситуацию в целом.

Выводы

В заключение хотелось бы отметить, что в целом правовая природа вводимых ограничений вызывает ряд дискуссионных вопросов, на которые пока нет возможности ответить. Это объясняется тем, что на данный момент не выработана чёткая позиция высших органов государственной власти в лице Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ касательно соответствия нормативных правовых актов субъектов РФ федеральному законодательству, а также соответствия последнего нормам Конституции РФ. Необходимость соответствующих разъяснений проявляется при анализе судебных решений, посвященных рассмотрению административных дел по административным исковым заявлениям о признании недействующими отдельных нормативных правовых актов органов власти, направленных на установление мер, сдерживающих распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Как мы видим из судебной практики, суды общей юрисдикции довольно часто аргументируют свою позицию тем, что доводы истцов основаны на неправильном применении и толковании норм права, что по своей сути не является аргументом, так как отсутствует ссылка на мнение высших судебных инстанций по этому вопросу, а, следовательно, нет понимания того, почему эти доводы являются неправильными.

Как нам представляется, дискуссионность или, иными словами, противоречивость принимаемых мер может явиться результатом обоснованного оперативного реагирования государства – необходимой поспешности со стороны органов государственной власти, направленной на улучшение санитарно-эпидемиологической обстановки и на сдерживание распространения новой коронавирусной инфекции (COVID – 19). Все эти меры в той или иной степени нацелены на обеспечение защиты населения, а также на охрану здоровья граждан.

1. Салихов Д. Р., Симонова С. В. Видеонаблюдение с возможностью идентификации лиц: балансируя между безопасностью и правами человека (обзор межвузовских молодежных онлайн-дебатов) // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. – 2020. – № 3. – С. 23–27.
2. Самойленко А. А. Информационные технологии и их роль в минимизации негативных последствий от распространения коронавирусной инфекции COVID-19 // Постсоветские исследования. – 2020. – № 4. – С. 336–341.

3. Кашкин С. Ю., Тищенко С. А., Алтухов А. В. Правовое регулирование применения искусственного интеллекта для борьбы с распространением COVID-19: проблемы и перспективы с учетом мирового опыта // *Lex Russica*. – 2020. – Т. 73, №7. – С. 105–114.
4. Миролюбова С. Ю. Трансформация права на свободу передвижения в условиях активного использования технологии глубоких нейронных сетей // *Журнал конституционного правосудия*. – 2020. – № 3 (75). – С. 31–40.
5. Решение Иркутского областного суда от 6 мая 2020 г. № 3а-171/2020. – Текст: электронный // СПС «Гарант»: [сайт]. – URL: <http://base.garant.ru/313975332/> (дата обращения: 09.10.2020).
6. Постановление Протвинского городского суда № 5-56/2020 от 28 апреля 2020 г. по делу № 5-56/2020.
7. Постановление Правительства Красноярского края от 01.04.2020 № 188-п; Постановление администрации Владимирской области от 28.04.2020 № 255; Постановление губернатора Забайкальского края от 27.05.2020 № 60.
8. Об утверждении Порядка оформления и использования цифровых пропусков для передвижения по территории города Москвы в период действия режима повышенной готовности в городе Москве: указ мэра Москвы от 11 апреля 2020 года № 43-УМ. – Текст: электронный // Официальный сайт мэра Москвы: [сайт]. – URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/43708220/> (дата обращения: 10.10.2020).
9. Решение Московского городского суда от 28 апреля 2020 г. по делу № 3а-3877/2020. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1879222#011657940219060392> (дата обращения: 10.10.2020).
10. Решение Забайкальского краевого суда от 04.06.2020 по делу № 3а-63/2020; Решение Липецкого областного суда от 9 июня 2020 г. по делу № 3а-19/2020; Решение Иркутского областного суда от 6 мая 2020 г. № 3а-171/2020; Решение Московского городского суда от 28 апреля 2020 г. по делу № 3а-3877/2020.

Транслитерация

1. Salihov D. R., Simonova S. V. Videonablyudenie s vozmozhnost'yu identifikacii lic: balansiruya mezhdru bezopasnost'yu i pravami cheloveka (obzor mezhvuzovskih molodezhnyh onlajn-debatov) // *Municipal'noe imushchestvo: ekonomika, pravo, upravlenie*. – 2020. – № 3. – С. 23–27.
2. Samojlenko A. A. Informacionnye tekhnologii i ih rol' v minimizacii negativnyh posledstvij ot rasprostraneniya koronavirusnoj infekcii COVID-19 // *Post-sovetskie issledovaniya*. – 2020. – № 4. – С. 336–341.
3. Kashkin S. Yu., Tishchenko S. A., Altuhov A. V. Pravovoe regulirovanie primeneniya iskusstvennogo intellekta dlya bor'by s rasprostraneniem COVID-19: problemy i perspektivy s uchetom mirovogo opyta // *Lex Russica*. – 2020. – Т. 73, №7. – С. 105–114.
4. Mirolyubova S. Yu. Transformaciya prava na svobodu peredvizheniya v usloviyah aktivnogo ispol'zovaniya tekhnologii glubokih nejronnyh setej // *ZHurnal konstitucionnogo pravosudiya*. – 2020. – № 3 (75). – С. 31–40.
5. Reshenie Irkutskogo oblastnogo suda ot 6 maya 2020 g. № 3а-171/2020. – Текст: электронный // СПС «Гарант»: [сайт]. – URL: <http://base.garant.ru/313975332/> (дата обращения: 09.10.2020).
6. Postanovlenie Protvinskogo gorodskogo suda № 5-56/2020 ot 28 aprelya 2020 g. po delu № 5-56/2020.

7. Postanovlenie Pravitel'stva Krasnoyarskogo kraya ot 01.04.2020 № 188-p; Postanovlenie administracii Vladimirskoj oblasti ot 28.04.2020 № 255; Postanovlenie gubernatora Zabajkal'skogo kraya ot 27.05.2020 № 60.
8. Ob utverzhdenii Poryadka oformleniya i ispol'zovaniya cifrovyyh propuskov dlya peredvizheniya po territorii goroda Moskvy v period dejstviya rezhima povyshennoj gotovnosti v gorode Moskve: ukaz mera Moskvy ot 11 aprelya 2020 goda № 43-UM. – Tekst: elektronnyj // Oficial'nyj sayt mera Moskvy: [sajt]. – URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/43708220/> (data obrashcheniya: 10.10.2020).
9. Reshenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 28 aprelya 2020 g. po delu № 3a-3877/2020. – Tekst: elektronnyj // SPS «Konsul'tantPlyus»: [sajt]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1879222#011657940219060392> (data obrashcheniya: 10.10.2020).
10. Reshenie Zabajkal'skogo kraevogo suda ot 04.06.2020 po delu № 3a-63/2020; Reshenie Lipeckogo oblastnogo suda ot 9 iyunya 2020 g. po delu № 3a-19/2020; Reshenie Irkutskogo oblastnogo suda ot 6 maya 2020 g. № 3a-171/2020; Reshenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 28 aprelya 2020 g. po delu № 3a-3877/2020.

© Д. А. Петрова, 2020

© М. Н. Моськина, 2020

© Д. В. Мухалов, 2020

Для цитирования: Петрова Д. А., Моськина М. Н., Мухалов Д. В. Обзор судебной практики по вопросу введения ограничений прав граждан в период пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на примере цифровых пропусков // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 111–117.

For citation: Petrova D. A., Moskina M. N., Mukhalov D. V. Legal regimes for using digital technologies to prevent the spread of a new coronavirus infection (COVID-19), *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2020, Vol. 12, № 4, pp. 111–117.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/111-117

Дата поступления: 30.11.2020.

УДК 004.9:330(08)

О. С. Голованова¹

Н. Н. Масюк²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Чат-бот – digital помощник рекрутера

Цифровизация затрагивает все новые сферы жизни и вносит изменения в многочисленные профессии. Возможно, в ближайшем будущем подбором сотрудников всех категорий займется роботы, а именно чат-боты. Рекрутмент представляет сегодня одну из самых интересных и перспективных сфер для автоматизации. Чат-бот умеет вести онлайн-диалог при помощи текстовых или голосовых сообщений. Многие современные компании внедряют их в свои корпоративные ресурсы, такие, как социальные сети, веб-сайты, мессенджеры, и поддерживают свое конкурентное преимущество, поскольку остаются на связи со своими потенциальными клиентами и кандидатами 24 часа в сутки 7 дней в неделю. Такие чат-боты становятся реальными помощниками специалистов по персоналу, они позволяют выстраивать коммуникации с соискателями работы, выполняют множество трудоемких и затратных по ресурсам функций. В статье показаны особенности использования нейронных сетей и машинного обучения для создания чат-ботов и преимущества их применения в рекрутменте. Приведены главные мировые программные продукты для найма сотрудников (по данным 2019 года), описан спектр решаемых ими задач. Даны примеры некоторых платформенных решений для рекрутинга, наиболее часто используемых российскими компаниями.

Ключевые слова и словосочетания: чат-бот, автоматизация, рекрутмент, рекрутер, искусственный интеллект, наем, HR-бренд, процессы, компетенции, диджитал, цифровизация.

O. S. Golovanova

N.N. Masyuk

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

¹ Голованова Ольга Станиславовна – аспирант кафедры экономики и управления; e-mail: mpp_s@mail.ru

² Масюк Наталья Николаевна – д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления; e-mail: masyukn@gmail.com

Chatbot – digital recruiter assistant

Digitalization affects all new areas of life and brings changes to numerous professions. Perhaps, in the near future, robots, namely chatbots, will be engaged in the selection of employees of all categories. It is the recruitment that represents today one of the most interesting and promising areas for automation. The chatbot is able to conduct an online dialogue using text or voice messages. Many modern companies implement them in their corporate resources, such as social networks, websites, messengers, and maintain their competitive advantage, as they stay in touch with their potential customers and candidates 24 hours a day, 7 days a week. Such chatbots become real assistants for HR specialists, they help to build communications with job seekers, perform many labor-intensive and resource-intensive tasks. The article shows the features of using neural networks and machine learning to create chatbots and the advantages of using them in recruitment. The TOP-10 world software products for hiring employees (according to the data of 2019) are presented, the spectrum of tasks they solve is described. Examples of some of the recruiting platform solutions most frequently used by Russian companies are given.

Keywords: chatbot, automation, recruitment, recruiter, artificial intelligence, hiring, HR brand, processes, competencies, digital, digitalization.

Введение. В сфере управления персоналом за последние десять лет совершен настоящий прорыв в области цифровизации и автоматизации, что заметно упростило задачи в области HR, повысило эффективность и скорость процессов управления. Наблюдается большой спрос у бизнеса на цифровые платформы, способствующие улучшению качества работы, увеличению производительности и компетенций каждого работника. С помощью различных онлайн-сервисов сегодня осуществляются такие процессы, как обучение и развитие персонала, оценка результативности, тестирование на знания, расчет зарплат, проведение собеседований, наем персонала и др. Все это не только заметно упрощает работу в целом, но и помогает повышать производительность компаний.

Рекрутмент является одним из перспективных и востребованных направлений у бизнеса для автоматизации. Чтобы выбрать требуемого кандидата, необходимо провести собеседования с огромным числом претендентов. На одну вакансию может прийти более ста резюме, большинство из которых могут быть отклонены уже после первого отбора на основе просмотра резюме и нескольких вопросов кандидатам. Весь этот процесс, как правило, требует огромных временных затрат от рекрутеров, поэтому с появлением чат-ботов он может быть значительно упрощен [1; 3; 9].

Чат-бот (от англ. chatbot) – это программа, имитирующая реальный разговор с пользователем. Чат-боты позволяют общаться с помощью текстовых или аудиосообщений на сайтах, в мессенджерах, мобильных приложениях или по телефону [1; 12].

Чат-боты используют машинное обучение для выявления моделей общения. Благодаря постоянному взаимодействию с людьми они учатся подражать реальным разговорам и реагируют на устные или письменные запросы, помогая найти

ответы. Поскольку чат-боты используют искусственный интеллект (ИИ), то понимают язык, а не просто команды [7]. Таким образом, после каждого диалога они становятся умнее. Стоит отметить, что помимо чат-ботов с ИИ есть и те, которые работают на основе запрограммированных сценариев с множественным выбором, например, опция А ведет к опции В и так далее [2; 3].

Чат-бот – это нейронная сеть на основе искусственного интеллекта [8], которая способна распознавать человеческую речь, вести диалог, отвечать на вопросы и др. Работа чат-бота строится по двум принципам:

- на основе запрограммированных правил через использование ключевых слов, которые работают как древовидная схема и которые можно персонализировать исходя из потребностей;

- на основе искусственного интеллекта через обработку человеческого языка и машинного обучения – боты легко поддаются обучению у тех, с кем взаимодействуют.

Наем новых потенциально интересных сотрудников – это дорогостоящая и не простая задача для бизнеса любого масштаба. Компании тратят много времени на то, чтобы просмотреть тысячи резюме и привлечь требуемый пул подходящих кандидатов. Именно в таких случаях и помогает чат-бот, независимо от того, каких размеров бизнес. Чат-бот применим на разных этапах воронки подбора и способен сделать выбор компании наиболее эффективным. По статистике, бот сокращает временные затраты до 60% на обработку баз данных с резюме по сравнению с временными затратами реального специалиста. HR-скрининг осуществляется ботом в круглосуточном режиме, что позволяет выдавать информацию для дальнейшей обработки «живым» специалистом к началу его рабочего времени [7]. Бот может работать круглосуточно, выполняя одновременно большое количество задач, начиная со скрининга резюме сразу же после появления его в базе данных в реальном режиме времени [17; 18].

Основная часть. На протяжении многих лет бизнес повышал свою производительность через наем сотрудников, чьи компетенции, знания и навыки дублировали самых успешных и результативных людей. Сейчас с помощью аналитических возможностей HR-софта можно выявлять скрытый потенциал и ключевые компетенции кандидатов с учетом требований рынка труда [10].

Возьмем, к примеру, розничную компанию, у которой ежемесячно стоит задача по массовому подбору сотрудников. Именно такой инструмент, как чат-бот, является лучшим помощником рекрутера, максимально автоматизирующим процесс поиска и отбора. Благодаря чат-боту появляется возможность сократить сроки закрытия вакансий, а также рассмотреть большее количество соответствующих требованиям кандидатов через увеличение дополнительного потока наиболее релевантных резюме [10; 14].

Остановимся на технологии работы чат-бота и его преимуществах. В основе чат-бота лежит нейронная сеть [8]. Весь процесс машинного обучения нейронной сети начинается с формулировки требований к кандидатам и их компетенций, а именно: описания требуемого профиля профессиональных и личностных качеств, возрастных пожеланий, места локации, а также предыдущего опыта

работы, которые закачиваются в искусственный интеллект [5; 13]. Далее закладываются всевозможные вопросы по должности и желательные ответы. После получения и обработки необходимой информации чат-бот выполняет следующие бизнес-процессы:

- отбирает резюме кандидатов, наиболее соответствующих требованиям, собирая их из всевозможных источников, например, рабочие сайты и социальные сети;

- одновременно отправляет приглашения потенциальным кандидатам для участия в вакансии через sms, email, рекламные баннеры (этот вариант подразумевает, в том числе, и отсутствие готового резюме у кандидатов, которое может быть и необязательно на первоначальном этапе, что очень характерно для такого направления, как ритейл);

- проводит диалог с потенциальными кандидатами, в результате которого они более подробно знакомятся с вакансией и подтверждают своё участие;

- digital-помощник на основании анализа резюме и первого общения с кандидатами делает оценку и выбирает нужных кандидатов;

- выбранные чат-ботом специалисты на основании полученных баллов по соответствию должностным требованиям получают рейтинг, и далее реальному рекрутеру остается только назначить время для проведения очного собеседования [15; 21].

Выделим несколько преимуществ интеллектуальной автоматизации [6; 16]. Для компании они выражаются в следующем:

- применение чат-ботов в формате вопрос-ответ повышает качество подбора кандидатов, отсеивая уже на первом этапе неподходящих кандидатов как по критериям компании, так и по критериям кандидатов;

- оперативность в получении всех ответов на вопросы;

- полнота и оперативность предоставления ответов способствуют скорости принятия решения кандидатами;

- формат ответа через чат-бот может быть разным: в виде голосового сообщения либо со ссылкой на видеоролик в определенных ситуациях;

- способность чат-бота понимать и разговаривать на разных языках;

- доступность чат-ботов для всех, у кого есть мобильный телефон;

- эмоциональный фон (с автоматизированным ботом можно быть абсолютно уверенным в том, что коммуникации пройдут по заранее выстроенному процессу в доброжелательной атмосфере, где каждый кандидат получит должное внимание);

- чат-бот можно арендовать у разработчика, который обеспечит необходимое обучение и техническую поддержку;

- повышение эффективности рекрутеров за счет сокращения времени на предварительный просмотр большого количества баз данных и отбора подходящих анкет по требуемым критериям;

- повышение производительности рекрутеров за счет сокращения времени на найм и оптимизацию ресурсов на работу с первичной воронкой в процессе отбора.

Использование чат-бота позволяет претендентам сделать собеседование более продуктивным и информативным, так как предусматривает возможность задать любое количество вопросов в режиме реального времени и получить на них подробные ответы.

Можно получить описание задач и корпоративной культуры, а также узнать перспективы карьерного роста в компании. Интеграция чат-бота во всевозможные источники и ресурсы (вакансии на рабочих сайтах, email и смс-рассылках, мессенджеры и социальные сети, рекламные баннеры) позволяет привлекать молодых претендентов, для которых такой канал коммуникаций наиболее удобный и актуальный.

Из недостатков следует отметить такой фактор, как персонализация ответов. Не всегда и не все вопросы могут соответствовать ожиданиям претендентов, и стандартные ответы в таком случае не подойдут. Но и это вопрос времени. Искусственный интеллект стремительно развивается, поэтому ответы скоро также быстро адаптируются под запросы кандидатов и смогут стать в определенной степени персонифицированными. Второй недостаток – поддержка в актуальном состоянии базы данных резюме тех кандидатов, которые не прошли отбор по результатам работы чат-бота. Как в дальнейшем вести диалог с такими кандидатами – этот вопрос еще остается открытым.

Таким образом, чат-бот представляет собой не просто автоматизированный интерактивный инструмент. Фактически это универсальный сотрудник, способный функционировать 24 часа в сутки 7 дней в неделю круглый год, одновременно обрабатывать большой массив данных анкет, систематизировать полученную информацию, проводить собеседования и предоставлять ответы на запросы кандидатов и в итоге ранжировать их исходя из заявленных критериев отбора. Внедрение чат-бота выделит компанию на фоне конкурентов, бизнес проявит себя как современных цифровых и открытых к коммуникациям игроков рынка. В ходе интервью с кандидатами с целью развития HR-бренда чат-бот можно запрограммировать на трансляцию ценностей и конкурентных преимуществ компании.

Благодаря ботам можно автоматизировать массу рутинных задач, а основные ресурсы сотрудников перенаправить с текущей ежедневной работы на поиск новых идей и решение стратегических задач. Чат-бот уже показал себя как эффективный инструмент взаимодействия и с сотрудниками компании, и с потенциальными соискателями. За ботами большие перспективы, так как из года в год они становятся все более универсальными. Боты быстро самообучаются и адаптируются к новым условиям. Уже сейчас многие современные компании внедряют боты в период адаптации новых сотрудников, погружения их в корпоративную культуру компании, именно в трудоемкие по затратам процессы. Чат-боты помогают работникам разобраться со всеми инструкциями и регламентами, могут сориентировать в расположении рабочих мест. С помощью бота можно организовывать различные автоматизированные опросы сотрудников и получать уже готовые результаты в оцифрованном виде, что сокращает ручную работу HR-менеджеров на сбор и обработку полученных данных. С помощью чат-бота

сотрудники могут запросить необходимые им справки и заявления, и все это без прямого участия HR-менеджера.

Чат-боты очерчены предварительно разработанным диалоговым окном, основанным на системе обработки естественного языка. Когда клиент задает вопрос, бот реагирует быстро. Клиенту кажется, что он разговаривает с человеком.

Страница журналов чат-бота позволяет в процессе машинного обучения включать новые ответы, приветствия, фразы и предопределенные реакции. Есть возможность увидеть обсуждения, которые у клиентов были с ботом, и, соответственно, исправить его ответы, что позволяет не только разрабатывать, но и корректировать рекрутинговую бизнес-стратегию.

В мировой практике уже давно используются информационно-коммуникационные технологии в помощь рекрутеру. ТОП-10 мировых программных продуктов для найма сотрудников (по данным 2019 года) показаны в таблице.

Таблица

ТОП-10 мировых программных продуктов для найма сотрудников

№	Продукт	CRM	Внутренний HR	Адаптация	Рекрутинговые фирмы	Портал самообслуживания
1	BambooHR	+	+	+	-	+
2	Teamteilor	+	+	-	+	+
3	Freshteam	-	-	+	+	-
4	Acendre Recruitment	+	+	+	+	+
5	Thomas International	-	-	-	-	-
6	ELMO Cloud HR& Payroll	+	+	+	+	+
7	Ascender Payroll and CRM	-	+	+	+	+
8	Manatal	+	+	+	+	+
9	Vincere	+	-	+	+	+
10	TestGorilla	-	-	-	-	+

Примечание: составлено авторами. – URL: <https://capterra.com/human-resource-software/>

Программное обеспечение BambooHR собирает и систематизирует всю информацию, которую рекрутер собирает на протяжении жизненного цикла сотрудника, а затем помогает ему использовать ее для достижения стратегических целей. Независимо от того, нанимается ли кто-то на работу, готовится ли кому-либо компенсация или формируется культура, BambooHR предоставляет рекру-

теру инструменты и идеи, позволяющие сосредоточиться на самом важном активе – на людях. BambooHR – это онлайн-система HR №1 для малого и среднего бизнеса с простой отчетностью и удобным мобильным приложением для сотрудников. Эта облачная система предлагает интегрированный расчет заработной платы, отслеживание соискателей (ATS), инструменты для адаптации, электронные подписи, отслеживание выходных дней и управление производительностью. BambooHR освобождает HR от управления данными, чтобы он стал более эффективным, действенным и человечным.

Система отслеживания кандидатов в Teamtailor чрезвычайно интуитивно понятна и помогает значительно улучшить весь процесс найма. Если компания хочет нанять выдающихся талантливых специалистов, не используя множество ресурсов, такой инструмент, как Freshteam, действительно может помочь решить все проблемы и будет ничуть не хуже, чем собственная команда по персоналу.

Freshteam – простое в использовании и доступное по цене HR-программное обеспечение от Freshworks, которое помогает нанимать, регистрировать и управлять информацией о сотрудниках, а также охватывает все рабочие бизнес-процессы по управлению и увольнению. Это позволяет привлекать лучшие таланты по нескольким каналам, таким, как сайт вакансий, доски объявлений, каналы социальных сетей, электронные письма и т. д., проводить интервью и нанимать потенциальных кандидатов. HR также может создавать каталог сотрудников, составлять организационные диаграммы и др.

Ascend Recruitment более 20 лет помогает многим крупнейшим мировым организациям решать их уникальные задачи по привлечению, развитию и удержанию лучших талантов. Сохраняя индивидуальность каждого клиента, эти решения позволяют организациям поддерживать существующие рабочие процессы, обеспечивая при этом расширенные возможности автоматизации, анализа и аналитической отчетности.

Платформа для оценки талантов Thomas, которой доверяют 32 000 компаний, предоставляет инструменты для измерения поведения и индивидуальности на рабочем месте. Этот инструмент позволяет проводить оценку персонала каждые 6 секунд.

Основанная в 2002 году компания ELMO Cloud HR & Payroll – единственное интегрированное облачное решение для управления персоналом, расчета заработной платы, составления списков / времени и посещаемости в Австралии и Новой Зеландии, предлагающее ОДНОГО поставщика, ОДНУ информационную панель, ОДИН пользовательский интерфейс. В Азиатско-Тихоокеанском регионе это самая быстрорастущая компания в области HR-технологий, предоставляющая инновационные облачные технологии HR и расчета заработной платы более чем 1400 организациям. Набор решений ELMO можно использовать как вместе, так и отдельно, их можно настроить в соответствии с рабочими процессами вашей организации.

Ascender Payroll & HRM предоставляет комплексные интегрированные решения по расчету заработной платы и управлению человеческим капиталом

для более 1200 глобальных брендов и зарегистрированных на бирже компаний в различных отраслях Азиатско-Тихоокеанского региона.

Manatal был разработан, чтобы упростить процесс приема на работу и сэкономить время, помогая руководству компаний выбирать правильных кандидатов, управлять своим кадровым резервом, укреплять сотрудничество в команде и нанимать лучших специалистов.

Vincere – это универсальная платформа для кадровых агентств по всему миру. Набор модулей Vincere, предназначенный для вооружения кадрового бизнеса с помощью передовых технологий, изначально встроено и предварительно интегрировано в управление компанией с первого дня его использования.

TestGorilla предоставляет уникальные тестовые инструменты для отбора кандидатов, чтобы руководители могли принимать лучшие, быстрые и простые решения о приеме на работу. Они позволяют выявить у кандидатов такие навыки работы, как, например, программирование или цифровой маркетинг, а также более общие компетенции (критическое мышление и др.).

В России на сегодня уже зарекомендовали себя и показали эффективность некоторые разновидности чат-ботов, способные выявлять компетенции претендентов [15]. Процесс их совершенствования идет непрерывно [4; 20].

Например, робот «Вера» способен осуществлять самостоятельный поиск данных на сайтах-агрегаторах, делать звонки кандидатам, проводить собеседования, в том числе и видеособеседования.

Potok умеет обрабатывать базы данных по заданным критериям, может быть интегрирован как с сайтами-агрегаторами рекрутеров, так и с социальными сетями, осуществлять аналитические функции для анализа поведенческих индикаторов кандидатов.

Staforu – помощник для фрилансеров, имеющий отличный навык работы с Интернетом.

Amazing Hiring самостоятельно может осуществлять поиск кандидатов в сети Интернет с последующей обработкой полученных данных после проведенного анализа.

VCV – платформа для проведения видеособеседования с последующим предоставлением готового портрета кандидата.

HireVue – робот считывает информацию о кандидате при помощи его эмоций, которые он фиксирует во время видеособеседования.

AssessFirst – платформа, обрабатывающая данные как по резюме, так и на основе видеособеседования, предоставляющая итоговый подробный портрет кандидата с оценками компетенций.

По разным оценкам исследовательских компаний, такие роботы и боты способны экономить миллиарды рублей в год только при подборе кандидатов на работу [23]. В России пока медленно внедряются эти технологии, такая практика больше отмечена в США, Китае и на Западе [22]. Возможно, совсем скоро и с нами сможет связаться чат-бот и заинтересовать нас перспективной вакансией.

Выводы. В стремительно развивающемся мире искусственного интеллекта потребители получают техническую помощь во всех сферах своей жизни.

Интернет, предоставляя различные способы получения информации, радикально изменил способ нашего общения. Одним из перспективных направлений использования интеллектуальной автоматизации является применение чат-ботов в рекрутинге. Чат-бот – сервис, интуитивно понятный оператор и диалоговое пространство, основанное на ИИ. Он общается с клиентами/покупателями через звук или контент, особенно через Интернет. Функция живого чата подразумевает, что вы разговариваете с человеком, хотя боты полностью роботизированы.

С нашей точки зрения, чат-боты, или умные помощники с искусственным интеллектом, кардинально меняют бизнес и предоставляют все более интересные возможности для решения управленческих задач. Чат-боты могут охватить большую аудиторию с помощью приложений для обмена сообщениями и стать более эффективными, чем люди. В ближайшем будущем они могут превратиться в эффективный инструмент для сбора информации и будут играть все более важную роль в подборе претендентов на вакансии и управлении персоналом.

1. Анфалова В. А. Использование HR-ботов при подборе персонала // Вуз и реальный бизнес. – 2020. – Т. 1. – С. 6–11.
2. Дементьева Д. А., Кисин К. А. Возможности использования искусственного интеллекта в работе рекрутера // Менеджмент XXI века: возможности и пределы преобразования университетов: сборник научных статей по материалам XVII Международной научно-практической конференции, 2017. – С. 141–144.
3. Денисов А. Ф., Кардаш Д. С. Анализ практик применения цифровых технологий в отборе персонала // Экономика и управление. – 2018. – № 6 (152). – С. 26–37.
4. Дороговцева А. А., Ерыгина А. В. Тенденции HR-digital // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2019. – Т. 8, № 5. – С. 19–22.
5. Ляликова Д. А. HR-digital как современный тренд в области управления персоналом // Актуальные вопросы управления персоналом: сборник научных статей I Национальной научно-практической конференции, 2019. – С. 142–147.
6. Мальсагова Д. М. Изменение рекрутинга в цифровую эпоху // Самоуправление. – 2020. – Т. 2, №1(118). – С. 260–262.
7. Маслова В. М. Система рекрутинга с элементами искусственного интеллекта // Экономические системы. – 2018. – Т. 11, №1(40). – С. 56–59.
8. Нейронные сети как прорывная цифровая технология в инновационном бизнесе / Н.Н. Масюк, Л.К. Васюкова, А.Е. Ищенко, П.С. Диденко // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2019. – Т. 8, №4(29). – С. 279–283.
9. Чат-бот как инновационный инструмент применения нейронных сетей при оптимизации процесса продаж / Н.Н. Масюк, М.А. Бушуева, Л.К. Васюкова, П.С. Диденко // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2019. – Т. 8, №4(29). – С. 184–188.
10. Масюк Н. Н., Панькова О. С. Рынок труда и ключевые компетенции цифровой экономики // Цифровой регион: опыт, компетенции, проекты: сборник статей Международной научно-практической конференции (г. Брянск, 19 ноября 2019 г.). – Брянск: Брянск. гос. инженер.-технол. ун-т., 2019. – С. 467–471.
11. Мешкеева Б. М. Развитие digital-рекрутинга в современное время // Аллея науки. – 2019. – Т. 1, №10(37). – С. 238–240.

12. Петрова Л. Н., Крутикова Н. Ф., Куимова В. А. HR-роботы и их роль в подборе специалистов // Проблемы развития предприятий: теория и практика: сборник статей VII Международной научно-практической конференции, 2020. – С. 155–157.
13. Соломатова В. В. Digital технологии подбора персонала // Современный взгляд на будущее управленческой науки: сборник трудов Всероссийской (национальной) студенческой научно-практической конференции, 2019. – С. 190–193.
14. Тычкова В. Ю. Использование роботов и чат-ботов в процедуре найма персонала // Молодой ученый. – 2020. – №43(333). – С. 10–14.
15. Уварова М. А. Диджитализация и HR // Вестник научных конференций. – 2019. – №9-1(49). – С. 116–119.
16. Черпак Е. В., Илюхина Л. А. HR – digital: цифровые технологии в управлении персоналом // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2019. – №2-2. – С. 123–127.
17. Шарапова Н. В., Шарапова В. М., Швецова Д. М. Digital-технологии подбора персонала // Креативная экономика. – 2017. – Т. 11, №9. – С. 953–966.
18. Юрьева О. В., Зикун К. С., Сабанина Д. И. Digital-инструменты в рекрутинге // Научное обозрение: теория и практика. – 2019. – Т. 9, №8(64). – С. 1261–1268.

Транслитерация

1. Anfalova V. A. Ispol'zovanie HR-botov pri podbore personala // Vuz i real'nyj biznes. – 2020. – Т. 1. – С. 6–11.
2. Dement'eva D. A., Kisin K. A. Vozmozhnosti ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v rabote rekrutera // Menedzhment XXI veka: vozmozhnosti i predely preobrazovaniya universitetov: sbornik nauchnyh statej po materialam XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 2017. – С. 141–144.
3. Denisov A. F., Kardash D. S. Analiz praktik primeneniya cifrovyyh tekhnologiy v otbore personala // Ekonomika i upravlenie. – 2018. – № 6 (152). – С. 26–37.
4. Dorogovceva A. A., Erygina A. V. Tendencii HR-digital // Upravlenie personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii. – 2019. – Т. 8, № 5. – С. 19–22.
5. Lyalikova D. A. HR-digital kak sovremennyy trend v oblasti upravleniya personalom // Aktual'nye voprosy upravleniya personalom: sbornik nauchnyh statej I Nacion'al'noj nauchno-prakticheskoy konferencii, 2019. – С. 142–147.
6. Mal'sagova D. M. Izmenenie rekrutinga v cifrovuyu epohu // Samoupravlenie. – 2020. – Т. 2, №1(118). – С. 260–262.
7. Maslova V. M. Sistema rekrutinga s elementami iskusstvennogo intellekta // Ekonomicheskie sistemy. – 2018. – Т. 11, №1(40). – С. 56–59.
8. Nejrornyie seti kak proryvnaya cifrovaya tekhnologiya v innovacionnom biznese / N. N. Masyuk, L. K. Vasyukova, A. E. Ishchenko, P. S. Didenko // Azimut nauchnyh issledovaniy: ekonomika i upravlenie. – 2019. – Т. 8, №4(29). – С. 279–283.
9. Chat-bot kak innovacionnyj instrument primeneniya nejronnyh setej pri optimizacii processa prodazh / N. N. Masyuk, M. A. Bushueva, L. K. Vasyukova, P. S. Didenko // Azimut nauchnyh issledovaniy: ekonomika i upravlenie. – 2019. – Т. 8, №4(29). – С. 184–188.
10. Masyuk N. N., Pan'kova O. S. Rynok truda i klyuchevye kompetencii cifrovoj ekonomiki // Cifrovoj region: opyt, kompetencii, proekty: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Bryansk, 19 noyabrya 2019 g.). – Bryansk: Bryansk. gos. inzhener.-tehnol. un-t., 2019. – С. 467–471.
11. Meshkeeva B. M. Razvitie digital-rekrutinga v sovremennoe vremya // Alleya nauki. – 2019. – Т. 1, №10(37). – С. 238–240.

12. Petrova L. N., Krutikova N. F., Kuimova V. A. HR-roboty i ih rol' v podbore specialistov // Problemy razvitiya predpriyatij: teoriya i praktika: sbornik statej VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 2020. – S. 155–157.
13. Solomatova V. V. Digital tekhnologii podbora personala // Sovremennyy vzglyad na budushchee upravlencheskoj nauki: sbornik trudov Vserossijskoj (nacional'noj) studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 2019. – S. 190–193.
14. Tychkova V. Yu. Ispol'zovanie robotov i chat-botov v procedure najma personala // Molodoy uchenyj. – 2020. – №43(333). – S. 10–14.
15. Uvarova M. A. Didzhitalizaciya i HR // Vestnik nauchnyh konferencij. – 2019. – №9-1(49). – S. 116–119.
16. Cherpak E. V., Plyuhina L. A. HR – digital: cifrovye tekhnologii v upravlenii personalom // Nauka XXI veka: aktual'nye napravleniya razvitiya. – 2019. – №2-2. – S. 123–127.
17. Sharapova N. V., Sharapova V. M., Shvecova D. M. Digital-tekhnologii podbora personala // Kreativnaya ekonomika. – 2017. – Т. 11, №9. – S. 953–966.
18. Yur'eva O. V., Zikun K. S., Sabanina D. I. Digital-instrumenty v rekrutinge // Nauchnoe obozrenie: teoriya i praktika. – 2019. – Т. 9, №8(64). – S. 1261–1268.

© О. С. Голованова, 2020

© Н. Н. Масюк, 2020

Для цитирования: Голованова О. С., Масюк Н. Н. Чат-бот – digital помощник рекрутера // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 118–128.

For citation: Golovanova O. S., Masyuk N. N. Chatbot – digital recruiter assistant, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2020, Vol. 12, № 4, pp. 118–128.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/118-128

Дата поступления: 30.11.2020.

УДК 34(340)

Ю.С. Матюк

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия

Правовые и социальные аспекты применения искусственного интеллекта в условиях пандемии*

Сравнительный анализ применения правительствами стран цифровых технологий и приложений на основе искусственного интеллекта для сдерживания распространения эпидемии выявил проблемы разного характера, в том числе правового. Целью исследования является анализ применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) для борьбы с COVID-19. В задачи исследования вошли изучение мирового опыта использования цифровых технологий и приложений на основе ИИ как части ограничительных мер, принятых государствами для борьбы с распространением коронавируса, а также анализ правового и социального аспектов такого применения. Исследование выполнено с использованием общенаучных (диалектический, системно-структурный, анализ, синтез) и частнопроводных методов познания (формально-юридический и сравнительно-правовой). В рамках анализа соблюдения права на конфиденциальность и защиту личных данных при осуществлении некоторых правовых и технических мер, принятых юрисдикциями для предотвращения распространения пандемии COVID-19 среди стран, присоединившихся к Конвенции о защите частных лиц в отношении автоматической обработки персональных данных, выявлено, что правовое регулирование возможных издержек массового использования ограничительных мер остается все еще недостаточно проработанным. На практике системы, созданные в условиях крайне сжатых сроков, не всегда отвечают критериям безопасности, возникает риск неправомерного доступа к персональным данным. Пандемия стала катализатором внедрения и расширения возможностей применения искусственного интеллекта. Повсеместное использование современных технологий в борьбе с вирусом обнаружило наличие правовых противоречий, что также не могло не повлиять на восприятие ограничений обществом, поэтому необходимым наряду с разработкой технологий для борьбы с пандемией является создание системы правового регулирования применения инноваций, которая способствует организации условий максимально эффективного использования возможностей искусственного интеллекта для борьбы с распространением COVID-19.

Матюк Юлия Сергеевна – ассистент кафедры теории и истории российского и зарубежного права; e-mail: 5080mm@mail.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-011-31760 «Цифровые, биологические и социокультурные тренды эволюции публично-властной организации и отношений в современной России: проблемы моделирования и прогнозирования общественно-политической динамики».

Ключевые слова и словосочетания: искусственный интеллект (ИИ), COVID-19, пандемия, право науки и технологии, отслеживающие приложения, мировые тенденции, большие данные, право Европейского союза.

Yu.S. Matyuk

Vladivostok State University of Economics and Service

Vladivostok. Russia

Legal and social aspects of the use of artificial intelligence in a pandemic

A comparative analysis of digital technologies and AI-based applications use by governments of countries to contain the spread of the epidemic revealed many problem areas, including the legal one. The aim of the study is to analyze the application of AI technologies to combat the COVID-19. The objectives of the research are to analyze the global experience of digital technologies and AI-based applications use as part of the restrictive measures taken by states to combat the spread of coronavirus, as well as analyze the legal and social aspects of such use. The study was carried out using general scientific methods of cognition (dialectical, systemic and structural methods, analysis, synthesis), as well as private law methods (formal legal and comparative legal methods). Analysis of the observance of the right to confidentiality and protection of personal data in the context of some legal and technical measures taken to prevent the spread of the pandemic among countries that have acceded to the Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data, revealed that the legal regulation of the possible consequences of the massive use of restrictive measures remains still underdeveloped. In practice, systems created under extremely tight deadlines do not always meet security criteria, creating a risk of unauthorized access to personal data. The pandemic has become a catalyst for the widespread use of artificial intelligence. The use of digital technologies in the fight against the virus revealed the existence of legal contradictions that affect the perception of restrictions by society, therefore, it is necessary, along with the development of technologies to combat the pandemic, the creation of a system of legal regulation of the application of innovations. This helps create conditions for the most effective use of the capabilities of artificial intelligence to combat the spread of COVID-19.

Keywords: artificial intelligence, COVID-19, pandemic, law of science and technology, tracing apps, global trends, big data, European Union law.

Введение

Технологический прогресс, цифровые технологии уже давно и прочно вошли в жизнь современного общества. Сложившаяся эпидемиологическая обстановка в стране и в мире ставит новые задачи как в выявлении новых возможностей применения технологий, так и в формировании правового регулирования их внедрения. С возникновением пандемии во всем мире возросли важность, эффективность и незаменимость информационных технологий в целом и искусственного интеллекта в частности. Для развития новейших технологий это

огромный вызов, который наряду с интенсивным расширением возможностей в этой сфере будет способствовать борьбе с распространением новейшей вирусной угрозы. Повсеместное использование правительствами стран цифровых технологий и приложений на основе искусственного интеллекта выявило проблемы технического и правового характера. Чрезвычайность ситуации, беспрецедентность методов контроля распространения заболевания и, как следствие, возникновение теоретических и практических проблем в этой области предопределили необходимость рассмотрения отдельных аспектов применения технологий ИИ в условиях сложной эпидемиологической обстановки.

Цель исследования – проведение анализа применения технологий ИИ для борьбы с пандемией COVID-19. В задачи исследования вошли анализ мирового опыта использования цифровых технологий и приложений на основе ИИ как части ограничительных мер, принятых государствами для борьбы с распространением коронавируса, а также анализ правового и социального аспектов такого применения.

Исследование выполнено с использованием общенаучных (диалектический, системно-структурный, анализ, синтез), а также частноправовых методов познания (формально-юридический и сравнительно-правовой).

Основная часть

По мере того как мир борется с пандемией COVID-19, все большее значение приобретают медицинские цифровые технологии, использование которых помогает преодолеть это бедствие. Искусственный интеллект широко применяется в борьбе с вирусом, начиная от скрининга и диагностики до разработки лекарств и прогнозирования распространения вируса. И если медицинское применение искусственного интеллекта в большинстве своем положительно оценивается общественностью, то ограничительные мероприятия, в том числе с привлечением искусственного интеллекта, вызывают бурные обсуждения и воспринимаются неоднозначно.

Мировой опыт свидетельствует, что в период пандемии применялись беспрецедентные меры, обусловленные техническими достижениями современности. Китай, встретивший коронавирус первым, широко использовал инфракрасные камеры, в том числе с системой распознавания лиц, для сканирования скопления людей на предмет высокой температуры, ношения маски. Эта система также использовалась для обеспечения соблюдения гражданами рекомендаций по самоизоляции. Помимо камер китайские правоохранители использовали «умные» шлемы, способные определять и помечать людей с высокой температурой тела. Помехой в работе таких устройств стали маски, используемые повсеместно, однако с помощью технологий была решена и эта проблема – устройства стали распознавать человека в маске с 95% вероятностью [11]. Китай активно использовал дроны для патрулирования улиц и выявления граждан без масок. Беспилотные летательные аппараты делали замечания тем, кто не соблюдает меры безопасности, и настойчиво велели не выходить на улицу без необходимости. Также дроны применялись и для измерения температуры тела [7].

Политика общественного здравоохранения реализовывалась с помощью приложения, которое не было обязательным, но требовалось для перемещения

в общественных местах и на общественном транспорте. Приложение позволяет центральной базе данных собирать информацию о передвижениях пользователей и диагностике коронавируса. База анализируется алгоритмом искусственного интеллекта, который выдает цветовые QR-коды (зеленый, желтый, красный). В зависимости от цвета человек либо находится на карантине (желтый, красный), либо может перемещаться по городу (зеленый) [9]. Приложение представляет собой подключаемый модуль для приложений WeChat и Alipay и получило широкое распространение [3].

Израиль запустил отслеживание местоположения граждан через сети сотовой связи или с помощью GPS, при этом нет необходимости загружать приложение [4].

Сингапур применял приложение TraceTogether, использующее Bluetooth Low Energy, для создания записей о других ближайших телефонах, на которых также установлено приложение, но не отслеживается их местоположение. Обычно Bluetooth используется для передачи анонимных идентификаторов со сдвигом во времени на ближайшие устройства. Затем принимающие устройства фиксируют эти идентификаторы в локально сохраненном журнале истории контактов. Считается, что протоколы с Bluetooth-шифрованием имеют меньше проблем с конфиденциальностью и потребляют меньше энергии, чем аналоги на основе GPS [2].

Тайвань очень быстро предпринял широкомасштабные меры. Все люди из наиболее пострадавших материковых провинций должны были оставаться на карантине в течение четырнадцати дней, им передавался мобильный телефон, записывающий их местоположение по GPS, чтобы полиция могла «наблюдать за их передвижениями и следить за тем, чтобы они не покидали свой дом» [6].

В Италии было разработано приложение для смартфона, с помощью которого можно проследить маршрут зараженного вирусом человека и предупредить людей, контактировавших с ним. По словам разработчика, конфиденциальность гарантирована, так как приложение не будет раскрывать телефонные номера или личные данные [12].

В России в период пандемии была введена пропускная система для перемещения граждан, в том числе с использованием QR-кодов; действовало приложение «Социальный мониторинг», которое определяло местоположение человека и запрашивало фотографию в реальном времени несколько раз в день для фиксации нарушения карантина.

Широкое распространение использования правительствами стран приложений на основе искусственного интеллекта выявило проблемы разного характера. В отчете Совета Европы «Цифровые решения для борьбы с COVID-19» [8] представлен анализ соблюдения права на конфиденциальность и защиту личных данных при осуществлении некоторых правовых и технических мер, принятых правительствами для предотвращения распространения пандемии COVID-19 среди стран, присоединившихся к Конвенции о защите частных лиц в отношении автоматической обработки персональных данных («Конвенция 108»), а также углубленный технический обзор приложений для отслеживания цифровых контактов и инструменты мониторинга.

Совет Европы призывает правительства обеспечить прозрачность цифровых решений, чтобы гарантировать соблюдение прав на конфиденциальность и защиту данных. Целью отчета является оценка степени соответствия принятых мер конвенции о защите данных, в отчете также содержатся рекомендации по обеспечению эффективности и устойчивости системы защиты данных.

Согласно отчету в ряде стран выявляются недостатки в отношении соблюдения принципов «Конвенции 108» по таким вопросам, как требование о правовой основе принимаемых мер, их соразмерность, обоснованность общественными интересами и согласие субъекта данных для обработки данных.

Особенно сложным аспектом является ограничение целей обработки данных. В отчете указывается, что в некоторых странах границы между задачами здравоохранения и целями правоохранительных органов иногда стираются. Также указываются риски защиты данных, связанные с безопасностью, хранением и совместным использованием данных, что привело к отмене определенных мер в некоторых странах.

При рассмотрении вопроса о соблюдении принципа конфиденциальности отмечается, что из 55 сторон «Конвенции 108» 26 юрисдикций выбрали децентрализованный подход для приложений отслеживания контактов, в то время как 14 выбрали централизованный подход. Пять стран решили вообще не использовать приложения [8]. Вопрос централизации хранения данных неоднозначен. Централизованный подход предполагает, что информация, собранная с мобильных устройств, хранится в базах данных государства, децентрализованный – на телефонах пользователей.

Отчет содержит результаты опроса государств – участников «Конвенции 108» об использовании цифровых решений для контроля над распространением вируса. Из 47 респондентов, участвовавших в опросе, 36 используют приложения для отслеживания контактов или оповещений о нахождении в непосредственной близости с инфицированным человеком (77%), 20 – для самодиагностики (43%), 11 – для соблюдения карантина (23%) и 8 для составления карты маршрутов поездок (17%). Только две страны использовали приложения для борьбы с массовыми беспорядками и еще две – для паспортов иммунитета.

Согласно отчету 20 стран, принявших участие в опросе, опубликовали исходные коды приложений, что может способствовать укреплению доверия пользователей и повышению эффективности приложений. Также в отчетах рекомендуется привлекать гражданское общество к разработке цифровых решений и мер их прозрачности.

Особенно остро встает вопрос о социальных аспектах применения искусственного интеллекта в период ограничительных мероприятий, проводимых государством для борьбы с коронавирусной инфекцией. Общественностью широко обсуждаются принимаемые меры с позиции соблюдения прав человека и охраны личных данных, в том числе в период постпандемии.

Примечательно, что ограничительные меры воспринимаются в разных странах по-разному. Например, в случае применения жестких ограничений, в том числе использование дронов и камер слежения, «большинство западных гражд-

дан были бы озабочены из-за проблем с конфиденциальностью, но в Китае люди настолько привыкли к слежке, что могут не реагировать на это» [7]. Такая разница в отношении к ограничениям может быть обусловлена менталитетом и в целом восприятием системы управления. Если на Востоке управленческие решения не осмысливаются, а принимаются априорно, то на Западе они изначально становятся объектом жесткой критики и осмысления с точки зрения их соответствия правам человека [1, с.102].

Повсеместное использование современных технологий в борьбе с вирусом обнаружило наличие правовых противоречий, что также не могло не повлиять на восприятие ограничений обществом, поэтому важной задачей наряду с разработкой технологий для борьбы с пандемией является создание системы правового регулирования применения инноваций. Ян Клейссен, директор управления Совета Европы по борьбе с преступностью в информационном обществе отмечает, что «существующие правовые инструменты, например Европейская конвенция о правах человека, несомненно, являются базисом для защиты прав человека и обеспечения верховенства закона. Но также ясно, что сейчас существует так много приложений, использующих искусственный интеллект, которые не охватывает правовое регулирование. Совет Европы готовит предложения по ряду этих вопросов на основе ЕКПЧ и других актов, а также на основе более 200 этических хартий и актов, разработанных представителями промышленности, правительствами и неправительственными организациями. Эти акты не являются обязательными, например, нельзя ссылаться на этическую хартию в суде. Таким образом, необходима нормативная основа для эффективной правовой защиты» [10].

Советом Европы подготовлено руководство «Соблюдение принципов демократии, верховенства права и прав человека в условиях эпидемиологического кризиса COVID-19» [5]. Целью документа является предоставление правительствам инструментария для применения в условиях текущего беспрецедентного и крупномасштабного эпидемиологического кризиса с тем, чтобы обеспечить соблюдение основополагающих ценностей демократии, верховенства права и прав человека. Документ предлагает правовую основу, которая может послужить базисом для создания в странах – членах Совета Европы современных механизмов правового регулирования новейших технологий для борьбы с распространением коронавирусной инфекции.

Выводы

Цифровая трансформация охватывает все большее количество сфер жизни общества, и пандемия, с которой столкнулось человечество, стала катализатором внедрения и расширения возможностей применения цифровых технологий в целом и искусственного интеллекта в частности. Беспрецедентные масштабы эпидемии способствовали реализации разного рода ограничительных мер. Однако правовое регулирование возможных последствий массового использования подобных мер остается все еще не в полной мере проработанным. На практике оказывается, что системы, созданные в условиях крайне сжатых сроков, не всегда отвечают критериям безопасности, соответственно, есть вероятность неправомерного доступа и эксплуатации персональных данных в период действия

особых мер. Поскольку применение искусственного интеллекта невозможно без создания условий безопасной обработки большого количества информации, целесообразно создать условия для безвредного хранения и использования данных как посредством применения технологий, так и за счет обращения к существующему сегодня правовому регулированию. Без обеспечения этих условий невозможно использовать все возможности искусственного интеллекта, поскольку существует большой риск отсроченных последствий, связанных с утечкой либо потерей персональной или коммерческой информации, собранной в условиях борьбы с пандемией. Правовое регулирование необходимо для внедрения инновационных технологий, создания условий максимально эффективного использования возможностей искусственного интеллекта для борьбы с распространением COVID-19.

1. Мирошниченко О. И., Мамычев А. Ю. Цифровая демократия в условиях пандемии: этико-правовые и политические аспекты // *Advances in Law Studies*. – 2020. – Т. 8, Ч. 2. – С. 100–104.
2. Bay J., Kek J., Tan A. et al. BlueTrace: A privacy-preserving protocol for community-driven contact tracing across borders. – Текст: электронный // *Government Technology Agency Singapore*: [сайт]. – URL: https://bluetrace.io/static/bluetrace_whitepaper-938063656596c104632def383eb33b3c.pdf (дата обращения: 15.11.2020).
3. Ferretti L., Wymant C., Kendall M. et al. Quantifying SARS-CoV-2 transmission suggests epidemic control with digital contact tracing. – Текст: электронный // *Science*. 2020: [сайт]. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7164555/> (дата обращения: 14.11.2020).
4. Holmes O. Israel to track mobile phones of suspected coronavirus cases. – Текст: электронный // *The Guardian*. 17.03.2020: [сайт]. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/17/israel-to-track-mobile-phones-of-suspected-coronavirus-cases> (дата обращения: 15.11.2020).
5. Information Document of the Council of Europe. Respecting democracy, rule of law and human rights in the framework of the COVID-19 sanitary crisis. A toolkit for member states. SG/Inf (2020)11. Strasbourg, 7.04.2020. – Текст: электронный // *Council of Europe*: [сайт]. – URL: <https://rm.coe.int/sg-inf-2020-11-respecting-democracy-rule-of-law-and-human-rights-in-th/16809e1f40> (дата обращения: 15.11.2020).
6. Laurent A. COVID-19: States use geolocalisation to know who respects containment – Текст: электронный // *Usebk & Rica*: [сайт]. – URL: <https://usbeketrica.com/fr/article/covid-19-la-geolocalisation-pour-savoir-qui-respecte-confinement> (дата обращения: 15.11.2020).
7. Lindberg K.S., Murphy C. Drones Take to China’s Skies to Fight Coronavirus Outbreak – Текст: электронный // *Bloomberg*: [сайт]. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-02-04/drones-take-to-china-s-skies-to-fight-coronavirus-outbreak> (дата обращения: 15.11.2020).
8. Media release of the Council of Europe report “Digital solutions to fight COVID-19”. Strasbourg, 12.10.2020. – Текст: электронный // *Council of Europe*: [сайт]. – URL: https://search.coe.int/directorate_of_communications/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016809fe4c2 (дата обращения: 14.11.2020).
9. Minghe Hu. Beijing rolls out colour-coded QR system for coronavirus tracking despite concerns over privacy, inaccurate ratings – Текст: электронный // *South China Morning*

- post: [сайт]. – URL: <https://www.scmp.com/tech/apps-social/article/3064574/beijing-rolls-out-colour-coded-qr-system-coronavirus-tracking> (дата обращения: 15.11.2020).
10. More inter-governmental cooperation is needed using Artificial Intelligence to fight Covid-19 Coronavirus: the interview of Jan Kleijssen, Director of Information Society Action against Crime (Council of Europe). – Текст: электронный // Council of Europe: [сайт]. – URL: <https://www.coe.int/en/web/portal/covid-19-artificial-intelligence> (дата обращения: 15.11.2020).
11. Pollard M. Even mask-wearers can be ID'd, China facial recognition firm says. – Текст: электронный // Reuters: [сайт]. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-facial-recognition/even-mask-wearers-can-be-idd-china-facial-recognition-firm-says-idUSKBN20W0WL> (дата обращения: 14.11.2020).
12. Tebano E. Coronavirus, pronta la app italiana per tracciare i contagi: «Così possiamo fermare l'epidemia». – Текст: электронный // Corriere della Sera: [сайт]. – URL: https://www.corriere.it/tecnologia/20_marzo_18/coronavirus-pronta-app-italiana-tracciare-contagi-cosi-possiamo-fermare-l-epidemia-c6c31218-6919-11ea-913c-55c2df06d574.shtml (дата обращения: 14.11.2020).

Транслитерация

1. Miroshnichenko O. I., Mamychyev A. Yu. Cifrovaya demokratiya v usloviyah pandemii: etiko-pravovye i politicheskie aspekty // *Advances in Law Studies*. – 2020. – Т. 8, Ch. 2. – S. 100–104.

© Ю. С. Матюк, 2020

Для цитирования: Матюк Ю. С. Правовые и социальные аспекты применения искусственного интеллекта в условиях пандемии // *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 129–136.

For citation: Matyuk Yu. S. Legal and social aspects of the use of artificial intelligence in a pandemic, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2020, Vol. 12, № 4, pp. 129–136.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/129-136

Дата поступления: 30.11.2020.

УДК 34.03

М.В. Вронская¹

Е.О. Василенко²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Злоупотребление правом участниками хозяйственных обществ

В настоящей статье рассмотрена дефиниция «злоупотребление правом», сделаны выводы о том, какие действия физического лица в рамках корпоративных отношений являются правомерным поведением, а какие – злоупотреблением. Определено, чем отличаются формы злоупотребления правом в хозяйственных обществах друг от друга и как в связи с этим разрешается судебная практика. Сформированы рекомендации для субъектов, действующих правомерно, с целью защиты от правовых и материальных последствий, возникающих в связи с недобросовестным поведением других участников, а также предложены средства, с помощью которых удастся минимизировать количество злоупотреблений в обществах с ограниченной ответственностью и акционерных обществах.

Ключевые слова и словосочетания: злоупотребление правом, добросовестность, хозяйственные общества, общество с ограниченной ответственностью, акционерное общество, корпоративные отношения.

M.V. Vronskaya

E.O. Vasilenko

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Abuse of law in limited liability and joint stock companies

The article discusses the definition of «abuse of law», concludes what actions of an individual in corporate relations are lawful behavior, and which are abuse. The author determined the differences in the forms of abuse of law in business companies. It was established how judicial practice is permitted. To protect against legal and material impli-

¹ Вронская Мария Владимировна – канд. юрид. наук, доцент кафедры ГПД, Институт права; e-mail: m.vronskaya@mail.ru

² Василенко Екатерина Олеговна – студент 4 курса группы БЮП-17-02, Институт права; e-mail: Ekaterinavasilenko@list.ru

cations, raised by the dishonest behavior of the other participants, the author has developed recommendations for the constituents of the Russian Federation acting in accordance to the Law. The author also suggested the means by which the quantity of abuse in Limited Liability and Joint Stock Companies can be minimized.

Keywords: abuse of law, in good faith, business companies, limited liability, joint stock companies.

Введение. Злоупотребление правом – обратная сторона добросовестности, одного из ключевых принципов гражданского законодательства. В настоящее время в России осуществляет свою деятельность множество хозяйственных обществ. В соответствии с Гражданским кодексом и специальными законами эти субъекты наделены значительным количеством правомочий, что нередко создаёт благоприятную среду для совершения участниками юридических лиц действий, направленных на причинение вреда другим лицам, а также для иных злоупотреблений. Поскольку деятельность хозяйственных обществ, а именно обществ с ограниченной ответственностью, публичных и непубличных акционерных обществ, направлена на получение прибыли, злоупотребление правом одним из участников может иметь серьезные как правовые, так и материальные последствия, и не только для него самого, но и для субъектов, действующих добросовестно.

Правоведы, исследующие проблематику злоупотребления правом, отмечают некорректность правовых норм, содержащихся в Гражданском кодексе, отсутствие обобщенной судебной практики по данному вопросу, а также наличие в специальных законах большого количества диспозитивных норм, позволяющих участникам юридических лиц трактовать закон выгодным для себя и вписывающимся в рамки правового поля образом, но с нарушением принципа добросовестности.

Предмет исследования. Предметом научной статьи являются общественные отношения, которые складываются между участниками хозяйственных обществ в результате злоупотребления правом. Предмет исследования – правообразование и правоприменение, обуславливающие злоупотребление правом участниками хозяйственных обществ. Эмпирическая база исследования представлена работами теоретиков права, судебной практикой и материалами периодической печати.

Методологическая основа. Методологическую основу исследования составили эмпирические и теоретические методы, включая системный, сравнительно-правовой, юридико-догматический, структурно-функциональный и исторический методы юридического научного познания.

Основная часть. Проблема злоупотребления правом в гражданском законодательстве не является новой. Еще в Древнем Риме юристы занимались оценкой правовой природы данного явления. Современные правоведы по-прежнему разделяются во мнениях, имело ли место такое понятие, как «злоупотребление правом», в римском частном праве. Ю. С. Гамбаров и другие ученые считают, что в Древнем Риме не был закреплен запрет на злоупотребление правом – пове-

дение гражданина априори считалось правомерным, если оно не выходило за рамки присвоенных ему прав. Вместе с тем действия римлянина могли иметь неблагоприятные последствия в отношении третьих лиц, но в то же время не являться злоупотреблением, поскольку действовал принцип «Никто не считается поступающим злоумышленно, если он пользуется своим правом» [10, с. 285]. Другие авторы полагают, что принцип, запрещающий злоупотребление правом, был закреплён, успешно применялся и лег в основу всех правоотношений древних римлян [1, с. 53].

В настоящее время в соответствии с законами, регулирующими деятельность хозяйственных обществ, участники корпоративных отношений наделены немалым количеством прав, в частности, правом управлять делами в корпорации, участвовать в распределении прибыли общества, голосовать на общем собрании по вопросам компетенции и т.д. Кроме того, учредительные документы – устав или учредительный договор – могут предусматривать дополнительные права участников хозяйственных обществ.

Среди причин нарушения принципа доброй воли в виде злоупотребления участниками обществ с ограниченной ответственностью и акционерных обществ можно выделить ряд правотворческих. Для этого обратимся к статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации [2].

В отношении дефиниции и правовой природы понятия «шикана» в науке не выработано однозначного взгляда, однако и законодатель, и научное сообщество сходятся во мнении, что это действия, направленные на причинение вреда другому лицу. Иными словами, целью совершения данной формы злоупотребления выступает намеренное действие во зло по отношению к третьему лицу. Тем не менее, когда мы говорим о хозяйственных обществах, особенность которых заключается в коммерческом характере, нельзя не отметить, что основной целью юридического общества и лиц, входящих в него в качестве участников, является получение прибыли. А это значит, что, злоупотребляя правом, субъект может не преследовать цель причинения вреда другому, а исходить из личного материального интереса.

Еще одна проблема регламентации касается отсутствия в статье, посвященной пределам осуществления гражданских прав, нормы, предусматривающей гражданско-правовую ответственность за имущественный вред, причиненный лицом, злоупотребившим правом. По мнению ученых, необходимо внести изменения, подробно регламентирующие последствия нарушения пределов осуществления гражданских прав [4].

Приведем несколько примеров из судебной практики, демонстрирующих разные формы злоупотребления правом участниками хозяйственных обществ. Обратимся к делу, которое было рассмотрено Арбитражным судом Северо-Западного округа в 2018 году [6]. Учредителями общества с ограниченной ответственностью являлись два физических лица, доля которых в уставном капитале была распределена между ними как 83,66 и 16,34%. На общем собрании участников было принято решение о внесении дополнительных вкладов в имущество общества в размере 6 000 000 рублей. Собственник меньшей доли голосовал против внесения вкладов, однако это не повлияло на принятое решение.

Поскольку, согласно ст. 27 ГК РФ, размер дополнительного вклада должен быть пропорционален доле каждого участника в уставном капитале, миноритарный участник должен был внести сумму, равную 980 400 рублей. Отказ участника во внесении средств послужил основанием для обращения в суд, который расценил действия мажоритарного акционера как злоупотребление правом со ссылкой на ст. 10 ГК РФ. Суд установил, что принятое решение о внесении дополнительных вкладов в имущество общества с ограниченной ответственностью преследовало недобросовестную цель – заставить участника выйти из юридического лица за неимением средств. Суд принял доказательство ответчика – письмо, отправленное собственником 83,66% доли, содержащее условие: внесение вклада или выход из общества.

В указанном примере мы видим, что участники пользовались принадлежащими им правами и формально не нарушали законодательство. Однако суд при разрешении дела не только руководствовался критерием законности, но и исходил из специфики и особенностей сложившихся между субъектами правоотношений, принимал во внимание степень добросовестности действий участников общества [9].

Злоупотребление правом может проявляться также в реализации участником хозяйственного общества права дарения своей доли с недобросовестными целями. Так, например, Арбитражным судом Московской области было установлено, что акционер совершил уголовно наказуемое деяние по ст. 160 УК РФ «Присвоение или растрата, то есть хищение чужого имущества, вверенного виновному», после чего во избежание ответственности участник воспользовался своим правом – произвел отчуждение 40 из 42% принадлежащей ему доли в пользу третьего лица [12]. Суд установил, что действия лица, заключившего договор дарения после совершения преступления, являются превышением пределов осуществления своих правомочий – злоупотреблением.

По мнению ряда авторов, признание решения высшего органа корпорации недействительным, если оно оспоримо и из закона не следует, что оно ничтожно, является одной из форм злоупотребления правом [5, с. 140].

Рассмотрим решение Верховного Суда РФ, вынесенное в 2017 году и отменившее решение предыдущих инстанций [8]. В данном случае истец заявил в качестве основания иска об отсутствии у лица, выступающего от имени участника собрания, соответствующих полномочий. В результате Верховным Судом решение общего собрания общества с ограниченной ответственностью «Альянс-СБ» было признано недействительным, поскольку не соответствовало действующему законодательству, уставу общества, а также имели место противоречия протокола, которые вносили изменения в состав участников.

Право на голос в акционерных обществах служит еще одним «камнем преткновения» в пределах осуществления гражданских прав. По общему правилу количество голосов акционеров зависит от количества акций, которые участники имеют в собственности: одна акция – один голос. Поэтому на практике часто возникает ситуация, когда мажоритарные акционеры, пользуясь своим правом, на общем собрании участников продвигают идеи и выносят решения, руковод-

ствуюсь личными интересами, в то время как мнение миноритарных акционеров почти не учитывается [13, с. 60].

В настоящее время мажоритарные акционеры всё чаще используют хозяйственные общества с целью достижения собственных целей и личных нужд. Когда компания выходит на высокий уровень и достигает определенных результатов, акционеры используют корпорацию с целью сбора информации о клиентских базах, активах и иных ресурсах для развития собственного бизнеса. В таком случае интересы хозяйственного общества начинают конкурировать с интересами недобросовестных акционеров [3, с. 30].

В 2016 году в Московском округе было рассмотрено дело, касающееся злоупотребления, связанного с преимущественным правом покупки. Учредители общества – два физических лица, имеющие равные доли в уставном капитале общества. Один из участников решил продать все принадлежащие ему 50% уставного капитала третьему лицу, в связи с чем, действуя в рамках правового поля, он отправил второму собственнику предложение о заключении сделки, поскольку закон предусматривает преимущественное право покупки доли участником общества [11].

Совладелец, рассмотрев оферту, принял решение выкупить ничтожно малую часть в размере трех сотых процентов. Продавец отказал в передаче доли, а второй участник обратился в суд с требованием передать ему затребованную долю уставного капитала. В результате суд первой инстанции оставил иск без удовлетворения, а последующие инстанции согласились с истцом и обязали ответчика передать 0,03% уставного капитала.

Данный пример демонстрирует злоупотребление преимущественным правом покупки доли. Во-первых, покупатель, запрашивая менее одного процента суммы уставного капитала, явно не ставил цели увеличения собственной доли. Во-вторых, покупатель преследовал четкую цель – лишить продавца контроля в корпорации, распределив тем самым между совладельцами долю в уставном капитале как 49,7 и 50,3%. На наш взгляд, решение вышестоящего суда является необоснованным. Целесообразной была бы ссылка на ст. 10 ГК РФ с указанием на то, что лицо злоупотребляет правом, тем самым нарушая пределы осуществления гражданских прав [7].

Выводы. Вышеперечисленные примеры, иллюстрирующие злоупотребление правом участниками хозяйственных обществ, являются далеко не исчерпывающими. На практике встречается огромное количество подобного рода выходов за пределы осуществления гражданских прав. Судебная практика демонстрирует, что российские суды предпринимают меры для устранения подобного рода злоупотреблений, однако этого недостаточно, чтобы решить проблему полностью или хотя бы минимизировать её.

В настоящий момент на законодательном уровне существуют пробелы, не позволяющие должным образом обезопасить субъектов, вступающих в предпринимательские отношения, от вреда, который могут причинить недобросовестные лица вследствие злоупотребления правом. В связи с этим помимо рефор-

мирования регламентации норм гражданского законодательства рекомендуется обеспечить должный уровень защиты на уровне самих хозяйственных обществ.

Во-первых, необходима подробная регламентация в учредительных документах таких процедур, как порядок избрания управляющего обществом лица, способы и порядок приобретения и отчуждения акций; целесообразно раскрыть принципы осуществления деятельности юридического лица и способы взаимодействия участников корпорации.

Во-вторых, на уровне структурных подразделений юридических лиц необходимо предусмотреть надлежащий механизм контроля над руководителями филиалов и представительств. Когда будет обеспечена прозрачность работы органов управления корпорации, это значительно облегчит выявление злоупотреблений и сделает невозможной латентность данного явления.

В-третьих, российское гражданское законодательство нуждается в детализации и сокращении количества пробелов в нормах права, регламентирующих такой феномен, как злоупотребление правом. Законодатель в данном случае сталкивается с проблемой отсутствия баланса между публичными и частными интересами. Как известно, корпоративное право имеет отчасти публичный характер, поскольку затрагивает интересы большого количества участников, тем самым защищая акционеров. В то же время чрезмерное вмешательство в хозяйственные общества нарушает частные интересы участников, препятствуя нормальному и свободному развитию бизнеса. Тем не менее, некоторые исследователи отмечают необходимость защиты прав миноритарных акционеров посредством их детальной регламентации в законе. Не менее важным является установление общих критериев осуществления сделок между юридическим лицом и акционерами с целью недопущения того, чтобы участники общества действовали в личных интересах, пренебрегая целями, задачами и материальным положением корпорации.

Подводя итог, отметим, что наличие прав у участников корпораций неизбежно ведет к злоупотреблению ими субъективными правами. Безусловно, правовая защита должна быть правомерной и обоснованной. Поскольку в настоящее время выделяют огромное множество форм злоупотребления правом, в каждом отдельном случае целесообразно применять свои механизмы защиты, исходя из сложившихся между участниками отношений, характера злоупотребления и степени причиненного ущерба юридическому лицу и его участникам.

Средства судебной защиты, как мы видим из вышеприведенной судебной практики, являются эффективными в части удовлетворения исков о признании решения общего собрания участников общества недействительным, аннулирования решения общего собрания акционеров, взыскания ущерба с недобросовестных лиц, злоупотребивших правом, и некоторых других. Однако решать данную проблему необходимо комплексно, прибегая к разным формам защиты прав добросовестных участников предпринимательской деятельности. Законодательство в части регламентации злоупотребления правом нуждается в реформировании с целью устранения существующих пробелов.

1. Барон Ю. Система римского гражданского права: общая часть. – Москва: Зерцало, 2009. – 173 с.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. 01.01.2020 г.). – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/f6ef073fdeb7c69cfabc279056f1f4124956b5d9/ (дата обращения: 15.05.2020).
3. Ломакин Д. В. Корпоративные права участников хозяйственных обществ: актуальные проблемы и перспективы нормативного регулирования. – Текст: электронный // Предпринимательское право: науч. электрон. журнал. – 2018. – №2 // Научная электронная библиотека eLibrary.ru: [сайт]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34941731> (дата обращения: 25.05.2020).
4. Механошина Н. А. Злоупотребление правом в корпоративных отношениях. – Текст: электронный // Известия Алтайского государственного университета: науч. электрон. журнал. – 2018. – №6 // Научная электронная библиотека eLibrary.ru: [сайт]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36928746&> (дата обращения: 25.05.2020).
5. Мудрицкий С.В. Злоупотребление правами участников в корпорациях // International innovation research: сборник материалов XXVI Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 12 мая 2019 г.) / общ. ред. Г. И. Гуляева. – Пенза: Наука и просвещение, 2017. – С. 137–141.
6. Обзор практики применения законодательства о юридических лицах (гл. 4 ГК РФ): информационное письмо Президиума Арбитражного суда РФ Северо-Кавказского округа от 06 июня 2018 г. – Текст: электронный // Арбитражный суд Северо-Кавказского округа. Информационные письма: [сайт]. – URL: <https://fassko.arbitr.ru/node/172716> (дата обращения: 20.05.2020).
7. Обзор судебной практики применения законодательства о юридических лицах: письмо Президиума Арбитражного суда Северо-Кавказского округа 6 июля 2018 г. – Текст: электронный // Арбитражный суд Северо-Кавказского округа. Информационные письма: [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=137023#06301374982090486> (дата обращения: 20.05.2020).
8. Определение Верховного Суда РФ от 08.02.2017 г. № 302-ЭС15-8098 по делу №А10-620/2014. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=490426#026255987921915036> (дата обращения: 20.05.2020).
9. Офман Е. М. Злоупотребление правом с позиции гражданского права и трудового права. – Текст: электронный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2019. – № 1 // Научная электронная библиотека eLibrary.ru: [сайт]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37080787> (дата обращения: 20.05.2020).
10. Подрезова О. С. Злоупотребление правом как препятствие развитию государства // Государство, созидающее: правовые ресурсы формирования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 22 ноябрь 2018 г.) / общ. ред. Е. Е. Тонкова, М. В. Мархгейма, А. Е. Новикова. – Белгород: ООО Гик, 2018. – С. 285–288.
11. Постановление Арбитражного суда Московского округа № Ф05-14140/2017 по делу № А41-80557/2016 от 26.09.2017 г. – Текст: электронный // СПС «Юрист»: [сайт]. – URL: <https://www.law.ru/blog/22221-preimushchestvennoe-pravo-pokupki-doli-kak-presech-zloupotrebleniya> (дата обращения: 19.05.2020).
12. Постановление Арбитражного суда Московского округа по делу № А41-41903/2010 от 22.09.2014 г. – Текст: электронный // СПС «СУДакт»: [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/bVFfsF15mLM6F/> (дата обращения: 20.05.2020).
13. Сунь Ц. Злоупотребление правами акционеров: проблемы и опыт Китая и России. – Текст: электронный // Право и государство: теория и практика: науч. электрон. жур-

нал. – 2019. – № 9 // Научная электронная библиотека eLibrary.ru: [сайт]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41131818> (дата обращения: 19.05.2020).

Транслитерация

1. Baron Yu. Sistema rimskogo grazhdanskogo prava: obshchaya chast'. – Moskva: Zercalo, 2009. – 173 s.
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj federacii: federal'nyj zakon ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. 01.01.2020 g.). – Tekst: elektronnyj // SPS «Konsul'tantPlyus». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/f6ef073fdeb7c69cfabc279056f1f4124956b5d9/ (data obrashcheniya: 15.05.2020).
3. Lomakin D. V. Korporativnye prava uchastnikov hozyajstvennyh obshchestv: aktual'nye problemy i perspektivy normativnogo regulirovaniya. – Tekst: elektronnyj // Predprinimatel'skoe pravo: nauch. elektron. zhurnal. – 2018. – №2 // Nauchnaya elektron-naya biblioteka eLibrary.ru: [sajt]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34941731> (data obrashcheniya: 25.05.2020).
4. Mekhanoshina N. A. Zloupotreblenie pravom v korporativnyh otnosheniyah. – Tekst: elek-tronnyj // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta: nauch. elektron. zhurnal. – 2018. – №6 // Nauchnaya elektronnaya biblioteka eLibrary.ru: [sajt]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36928746&> (data obrashcheniya: 25.05.2020).
5. Mudrickij S. V. Zloupotreblenie pravami uchastnikov v korporacijah // Interna-tional inno-vation research: sbornik materialov XXVI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Penza, 12 maya 2019 g.) / obshch. red. G. I. Gulyaeva. – Penza: MCNS Nauka i prosveshche-nie, 2017. – S. 137–141.
6. Obzor praktiki primeneniya zakonodatel'stva o yuridicheskikh licah (gl. 4 GK RF): informa-cionnoe pis'mo Prezidiuma Arbitrazhnogo Suda RF Severo-Kavkazskogo okruga ot 06 iyunya 2018 g. – Tekst: elektronnyj // Arbitrazhnyj sud Severo-Kavkazskogo okruga. In-formacionnye pis'ma: [sajt]. – URL: <https://fassko.arbitr.ru/node/172716> (data obrashcheniya: 20.05.2020).
7. Obzor sudebnoj praktiki primeneniya zakonodatel'stva o yuridicheskikh licah: pis'mo Prezidiuma Arbitrazhnogo suda Severo-Kavkazskogo okruga 6 iyulya 2018 g. – Tekst: elektronnyj // Arbitrazhnyj sud Severo-Kavkazskogo okruga. Informacion-nye pis'ma: [sajt]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=137023#06301374982090486> (data obrashcheniya: 20.05.2020).
8. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 08.02.2017 g. № 302-ES15-8098 po delu №A10-620/2014. – Tekst: elektronnyj // SPS «Konsul'tantPlyus»: [sajt]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=490426#026255987921915036> (data obrashcheniya: 20.05.2020).
9. Ofman E. M. Zloupotreblenie pravom s pozicii grazhdanskogo prava i trudovogo prava. – Tekst: elektronnyj // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – № 1 // Nauchnaya elektronnaya biblioteka eLibrary.ru: [sajt]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37080787> (data obrashcheniya: 20.05.2020).
10. Podrezova O. S. Zloupotreblenie pravom kak prepyatstvie razvitiyu gosudarstva // Gosu-darstvo, sozidayushchee: pravovye resursy formirovaniya: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Belgorod, 22 noyabr' 2018 g.) / obshch. red. E. E. Tonkova, M. V. Marhgejma, A. E. Novikova. – Belgorod: OOO Gik, 2018. – S. 285-288.
11. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga № F05-14140/2017 po delu № A41-80557/2016 ot 26.09.2017 g. – Tekst: elektronnyj // SPS «YUrist»: [sajt]. – URL: <https://www.law.ru/blog/22221-preimushchestvennoe-pravo-pokupki-doli-kak-presech-zloupotrebleniya> (data obrashcheniya: 19.05.2020).

12. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga po delu № А41-41903/2010 ot 22.09.2014 g. – Tekst: elektronnyj // SPS «SUDakt»: [sajt]. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/bVFsF15mLM6F/> (data obrashcheniya: 20.05.2020).
13. Sun' С. Zloupotreblenie pravami akcionerov: problemy i opyty Kitaya i Rossii. – Tekst: elektronnyj // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika: nauch. elektron. zhurnal. – 2019. – № 9 // Nauchnaya elektronnyaya biblioteka eLibrary.ru: [sajt]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41131818> (data obrashcheniya: 19.05.2020).

© М.В. Вронская, 2020

© Е.О. Василенко, 2020

Для цитирования: Вронская М.В., Василенко Е.О. Злоупотребление правом участниками хозяйственных обществ // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 137–145.

For citation: Vronskaya M.V., Vasilenko E.O. Abuse of law in limited liability and joint stock companies, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2020, Vol. 12, № 4, pp. 137–145.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/137-145

Дата поступления: 23.11.2020.

УДК 330.322.1

В.С. Шибает

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Когнитивная экономика и коэффициент интеллекта: зарубежный взгляд

В статье анализируются исследования, посвященные влиянию макропсихологических параметров (например, средний коэффициент интеллекта) на экономический потенциал и развитие экономики государства. В статье представлены основные зарубежные исследования по выбранной тематике (поскольку это направление наиболее распространено в настоящий момент в англоязычных странах, в частности в США), их критика, включающая статистическую проверку и её интерпретацию. Представленные данные свидетельствуют о том, что именно такая психологическая переменная, как средний коэффициент интеллекта (на индивидуальном и групповом уровнях), станет модератором и прогностической по отношению к ВВП и другим экономическим показателям.

Ключевые слова и словосочетания: когнитивные способности, интеллект, IQ, ВВП, экономическое развитие, когнитивная экономика, когнитивный капитализм.

V.S. Shibaev

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Cognitive economics and IQ: a foreign view

This article analyzes studies on how such macropsychological parameters as the average IQ can affect the economic potential and development of the state's economy. The article gives an overview of both the main foreign large works on this topic (since these studies are most common at the moment in the Anglosphere, in particular, in the USA), their criticism, including statistical verification and its interpretation. The data presented in this analysis speaks in favor of the fact that it is such a psychological variable as the average IQ (both at the individual and at the group level) can moderate and predict GDP and other economic indicators.

Шибает Владимир Сергеевич – ассистент кафедры философии и юридической психологии; e-mail: wladimirdw@gmail.com

Keywords: cognitive abilities, intelligence, IQ, GDP, economic development, cognitive economics, cognitive capitalism.

Введение

Вопрос о том, почему одни народы богаты, а другие – нет, волнует человечество многие столетия, если не сказать тысячелетия. Долгое время он находился в ведении исключительно экономической науки. Однако с ростом междисциплинарности исследовательских практик и сближением предметной области исследования отдельных ответвлений психологической и экономической наук на этот актуальный вопрос в современной России пытаются ответить исследователи, занимающиеся макропсихологическими проблемами. Прежде всего, необходимо кратко охарактеризовать современные теории экономического неравенства.

В статье Хайнера Риндерманна «Интеллектуальные классы, технологический прогресс и экономическое развитие: расцвет когнитивного капитализма» [12] предложена схема постепенного усиления когнитивных способностей, приведших к увеличению достатка населения, что, в свою очередь, улучшило среду их обитания (которая также оказывает определенное влияние на когнитивные способности, что снова увеличило материальный достаток населения и т.д.). Риндерманн анализирует теории, которые пытаются объяснить мировое экономическое неравенство, замечая, что феномен богатства одних и бедности других волновал людей с давних пор. Ученый разделяет эти подходы следующим образом:

1. «Либертарианский подход» («libertarian approach») – утверждается, что наиболее развитыми в экономическом отношении, а, следовательно, и наиболее богатыми государства стали благодаря наличию в них наибольшей степени экономической свободы. Действительно, согласно Риндерманну, существует корреляция между экономической свободой и благосостоянием государства. Однако расцвет восточно-азиатских экономик с большой долей государственного влияния противоречит либертарианской теории.

2. Теории «культурной ориентированности» («cultural orientations») – основой экономического неравенства является господствующая культурно-религиозная традиция – будь то конфуцианство, протестантизм или иудаизм. Так, например, Макс Вебер указывал на бюргерскую культуру и Просвещение как на источники зарождения и развития капитализма. Однако теории культурной ориентированности никогда не проходили адекватную статистическую проверку.

3. «Теории зависимости» («dependency theories») – определяют экономическое развитие наций как результат неравномерности развития производящих сил. Эти теории берут за основу идеи Карла Маркса, но не способны объяснить большие различия в экономическом развитии развивающихся стран, например, различие в экономике Ганы и Южной Кореи. Многие страны испытывали серьезный экономический спад в период деколонизации, однако последующий рост был прочно связан с успешностью копирования передовых технологий развитых стран.

4. Географические теории – объясняют различие в экономике наличием или отсутствием у государств необходимых ресурсов или других преимуществ для

развития (благоприятный климат, возможность внутриконтинентального обмена ресурсами, количество возможных для одомашнивания видов и т.д.). Разумеется, подчеркивает Риндерманн, такие преимущества могут увеличить благосостояние страны, однако наличие ресурсов может привести не только к росту благосостояния, но и к его потере (например, после беспощадной эксплуатации имеющихся ресурсов). Также эти теории не объясняют высокого экономического роста стран, имеющих явные географические и ресурсные недостатки (Швейцария, Сингапур, Тайвань или Новая Зеландия).

После краткой характеристики современных теорий экономического неравенства перейдем к обзору основных работ, посвященных «когнитивно-экономической» теории.

Основная часть

Работы в рамках этой теории стали активно появляться в начале XXI века: в них исследовались связи национального IQ с экономическим состоянием и ростом [2–7; 11; 15; 17; 18;]. Целесообразно подробно остановиться на фундаментальной работе «Интеллект: единый конструкт для социальных исследований», которая одной из первых представила объемный анализ взаимосвязи среднего коэффициента интеллекта в стране с её экономикой [9]. Анализ был расширен до 199 стран, а количество переменных до 61, разделенных по тематическому принципу. В исследование были включены корреляции между IQ и образовательными достижениями, экономикой, политическими институтами, уровнем здравоохранения, уровнем рождаемости, уровнем санитарии, уровнем преступности, религиозности, счастья и индексом жизненных условий (Index of Human Conditions). Что касается экономической составляющей данного анализа, то наиболее интересующая нас корреляция Спирмена между ВВП 2008 года и IQ составила 0,709 для 197 стран, что в целом соответствует значениям [9].

Нельзя сказать, что развитие данных идей принимается благожелательно ввиду как идейно-политических мотивов [10], так и научной критики. В статье Д. Вэтцель и М. МакДэниэла [17] суммирована критика, относящаяся к «IQ и благосостоянию наций»: сомнения в репрезентативности выборок, в эквивалентности средств измерения (тесты, сконструированные в одной культуре, могут «не работать» в другой). Особенно сильные сомнения подобного рода выражались в отношении измерений в странах, находящихся на нижнем конце распределения средних значений IQ. Кроме того, критиковалась данная Линном и Ванханненом (авторами труда) каузальная интерпретация связи между IQ и экономическим развитием.

Авторы статьи провели свой собственный анализ, результаты которого позволили им утверждать, что наиболее эффективно экономическое процветание страны предсказывается по национальному IQ (в случае, когда его оценки ниже 90 приравнены к этому значению), уровню экономической свободы в стране и расходам на здравоохранение на душу населения. Вместе эти три предиктора объясняют около 90% дисперсии экономического процветания [16]. Следует остановиться на данной работе более подробно ввиду того, что авторы подвергли проверке устойчивость сообщенных Линном и Ванханненом связей при исполь-

зовании других данных (обновленных оценок национального IQ, ВВП на душу населения за другой год и пр.), а также рассмотрели характер связи национального IQ с ВВП на душу населения. Исследователи Вэтцель и МакДэниэл пришли к следующим результатам:

1) используя линейную модель, Линн и Ванханнен получили корреляцию в 0,62 между национальным IQ и ВВП на душу населения в 1998 году. Вэтцель и МакДэниэл, используя обновленные оценки IQ и ВВП на душу населения, в 2002 году получили корреляцию в 0,60. Аналогичным образом были повторены и результаты Линна и Ванханнена, продемонстрировавшие увеличение предсказательной силы модели при включении в нее в качестве предикторов показателей демократизации и экономической свободы, используя другие меры для этих переменных (множественная корреляция у Линна и Ванханнена составляла 0,79, у Вэтцель и МакДэниэла – 0,80). Таким образом, результаты Линна и Ванханнена являются устойчивыми к изменению источников данных;

2) Вэтцель и МакДэниэл обнаружили, независимо от Дикерсона [17], что взаимосвязь IQ и ВВП становится гораздо выше, если использовать нелинейную модель. При введении в модель квадрата оценки IQ эффективность предсказания заметно возрастала и когда предсказывался ВВП на душу населения в 1998 г. (множественная корреляция возрастала с 0,62 до 0,67), и когда предсказывался ВВП на душу населения в 2002 г. (множественная корреляция возрастала с 0,61 до 0,67) [17];

3) в ответ на критические возражения в адрес работы Линна и Ванханнена некоторых авторов, сомневающих в верности оценок национального IQ, особенно в нижней части распределения, Вэтцель и МакДэниэл приравнивали оценки всех стран, у которых они были ниже 90, к 90. Несмотря на сужение интервала оценок, коэффициенты корреляции с ВВП на душу населения в 1998 и 2002 г. несколько возросли. Таким образом, возможные неточности низких оценок национального IQ не представляют угрозы для положения Линна и Ванханнена о влиянии национального IQ на экономическое благосостояние;

4) экономическая свобода, демократия и производство нефти на душу населения вносят независимый вклад в предсказание национального благосостояния при использовании их как дополнительных к национальному IQ предикторов;

5) такой показатель, как расходы на образование одного учащегося, используемый как дополнительный к национальному IQ предиктор национального благосостояния, не увеличивает предсказательной силы модели, несмотря на то, что существует корреляция между данным показателем и ВВП на душу населения в 0,21;

6) в отличие от предыдущего показателя затраты на общественное здравоохранение как дополнительный к IQ предиктор существенно увеличивают предсказательную силу модели. Таким образом, национальный IQ совместно с затратами на здравоохранение объясняет 86% вариации благосостояния стран [17];

7) наиболее высокой предсказательной силой как предикторы ВВП на душу населения страны обладают национальный IQ (при приравнивании его значений ниже 90 к 90), уровень экономической свободы, а также уровень расходов на здравоохранение. Множественная корреляция этих трех показателей с ВВП на душу населения равна 0,95, что объясняет 90% вариации ВВП между странами.

Вэтцель и МакДэниэл касаются вопроса о направлении связи IQ–ВВП. Они отмечают, что Линн и Ванханнен подверглись критике за каузальную интерпретацию этой связи, поскольку утверждали, что IQ детерминирует ВВП, приводя в качестве аргумента тот факт, что IQ является в значительной степени наследуемым признаком. Это утверждение, согласно Вэтцелю и МакДэниэлу, принимается не всеми. Далее ученые объясняют, что проведенный ими самими анализ мало дает для разрешения вопроса о направлении связей между национальным благосостоянием и переменными, которые рассматривались как предикторы.

Анализ, проведенный Вэтцелем и МакДэниэлом, подтвержден надежностью данных, использованных авторами «Глобального неравенства», а также их положением о связи между IQ, ВВП и другими переменными. Таким образом, можно подытожить, что взаимосвязь между средним интеллектом населения страны и национальным благосостоянием является достаточно тесной.

Кроме того, влияние IQ на ВВП, как показано в исследовании Джоунса и Шнайдера «Intelligence, Human Capital, and Economic Growth: A Bayesian Averaging of Classical Estimates (BACE) Approach», не объясняется действием третьих переменных [8]. Авторами были построены 18 регрессий с 54 наблюдениями IQ, в которых переменные варьировались от ожидаемой продолжительности жизни до фактора колониальной истории страны. Авторы работы включили все возможные комбинации трёх переменных с 21 фактором экономического роста страны, выделенных экономистом Х. Сала-и-Мартинном. Результат показал, что модели, в которые был включен IQ как фактор роста национального ВВП, лучше предсказывали рост экономики, нежели те, где IQ как фактор был исключен (IQ имел апостериорную вероятность в 96,6%) [8]. В дополнение фактор IQ показал значимость на уровне 0,1% в 92% регрессий и 0,0001% уровень значимости в 61,43% регрессий. Кроме того, влияние IQ на экономику должно быть выше в странах, в которых имеется соревновательная рыночная экономика – более высокие зарплаты выплачиваются тому, кто может произвести более высокий предельный продукт труда. В свою очередь, работники, способные производить такой продукт, обладают более высоким IQ. Джоунс также продемонстрировал, что в зависимости от значения, выбранного для доли капитала, влияние IQ на предельный продукт труда варьируется от 26 до 56% объясненной дисперсии в межстрановом анализе [7]. Кроме того, авторы исследования обнаружили, что рост национального IQ на 1 балл даёт рост устойчивого ВВП от 1,5 до 4% на работника; рост IQ на 1 балл повышает уровень жизни приблизительно на 6,1% [8].

В статье Э. Ханта и В. Виттмана «National intelligence and national prosperity» осуществляется проверка, сохраняет ли силу связь IQ с экономическим благосостоянием на множестве развивающихся стран [6]. Такая проверка была вызвана критикой, высказываемой в адрес использования тестов интеллекта вне культуры, в которой они были созданы, поскольку в другой культуре тесты не могут считаться валидными. Авторы рассчитали корреляцию национального IQ с показателем благосостояния отдельно для подмножеств развитых и развивающихся стран. Полученные значения составили 0,58 и 0,70 соответственно, что, конечно же, не поддерживает критику использования тестов в развивающихся странах. Тем не менее, отмечают авторы, ошибка предсказания в среднем происходит чаще

в случае развивающихся стран. Исследователи склонны оставить в силе сомнение в валидности тестов интеллекта вне рамок индустриального и постиндустриального мира. В целом же при их явно критической установке авторы считают, что полученные данные подтверждают заключение Линна и Ванханнена о связи мер «когнитивной компетентности» населения страны с состоянием ее экономики.

Касаясь направления связи интеллекта и благосостояния наций, Хант и Виттман указывают на лонгитюдальные исследования. Отметив трудности, с которыми сталкиваются перечисленные подходы, Риндерманн переходит к теории Линна и Ванханнена, утверждающей, что когнитивный уровень нации является главным детерминантом ее благосостояния. Он делает попытку разрешить вопрос о направлении связи интеллекта и благосостояния наций. В более ранней работе Риндерманн уже отмечал, что срезовые исследования, которыми обычно являются исследования связи интеллекта и благосостояния, не могут дать указания на направление связи между национальным IQ и уровнем национального благосостояния [13]. Действительно, даже если срез по интеллекту предшествует срезу по благосостоянию, нельзя исключить направления связи от благосостояния к интеллекту: благосостояние в прошлом может соответствовать более позднему срезу и определять уровень интеллекта на тот момент, создавая связь более ранних измерений интеллекта с более поздними данными о благосостоянии. Более информативным относительно направления связи IQ и уровня благосостояния наций, утверждает Риндерманн, будет лонгитюдальное исследование, когда и показатели интеллекта, и показатели благосостояния (а, возможно, и дополнительные показатели) берутся за разные моменты времени и рассматриваются стандартизированные путевые коэффициенты (β) между ними (не корреляции). Так, в двух таких анализах, представленных в более поздней работе Риндерманна [13], взяты следующие показатели: в первом анализе – среднее количество лет, потраченных на обучение в школе за 1970 и 2000 гг.; уровень экономической свободы в 1970 и 2000 гг.; логарифм ВВП по паритету покупательной способности на душу населения за 1970 и 2000 гг.; во втором анализе – показатель когнитивной компетентности в 1964–1972 гг. и в 1995–2007 гг.; уровень экономической свободы в 1970 и 2000 гг.; логарифм ВВП по паритету покупательной способности на душу населения за 1970 и 2000 гг.

Объединенные результаты этих анализов и анализов, представленных в более ранней работе [13], показали следующее:

- 1) когнитивная компетентность важнее для уровня благосостояния ($\beta=0,33$), чем наоборот ($\beta=0,11$);
- 2) более важна когнитивная компетентность ($\beta=0,33$) для роста благосостояния, нежели уровень экономической свободы ($\beta=0,12$);
- 3) когнитивная компетентность положительно влияет на рост экономической свободы в государстве ($\beta=0,39$ vs. благосостояние на экономическую свободу: $\beta=0,33$ vs. экономическая свобода на когнитивную компетентность: $\beta=0,15$).

Таким образом, существует обоюдный эффект между ВВП и когнитивными способностями населения ($\beta=0,33$ и $\beta=0,11$), но при этом эффект интеллекта сильнее [12].

Выводы

Положение о зависимости экономического благосостояния от IQ подтверждают и другие данные:

1. Исследования, сравнивающие социально-экономический успех (SES) индивидов с IQ и социально-экономическим статусом их родителей. Связь личного социоэкономического успеха с индивидуальным IQ выше ($r=0,21$), чем с социально-экономическим статусом родителей индивида ($r=0,16$) [14]. Таким образом, индивид, создающий среду вокруг себя, становится действующим актором «когнитивного капитализма», описанного Риндерманном.

2. Исследования индивидуального и группового уровней IQ, показывающие большую склонность людей с высоким IQ больше сохранять деньги, а также их большую терпеливость. В то же время страны с более высоким национальным IQ имеют более высокий доход. Существует корреляция между долговременным экономическим поведением и национальным IQ, что говорит о том, что индивидуальное экономическое поведение влияет на экономический рост государства в целом [5].

3. Исследования, демонстрирующие связь между распределением таланта и экономическим развитием государства. Наблюдается устойчивая корреляция между сложностью работы и уровнем IQ, а также талантливостью. Помимо этого, проанализирована взаимосвязь между отбором наемных работников компанией и ВВП, получены данные о том, что те компании, которые нанимают на свои должности сотрудников, проходящих тесты на когнитивные способности, имеют более высокий доход и более высокие продажи [16]. Кроме того, существуют данные о распределении таланта на уровне не только стран, но и, например, на уровне штатов США [1]. Таким образом, положительная взаимосвязь между талантливостью и сложностью работы, наличие которой повышает экономическое развитие государства, подтверждает изложенную выше теорию [15].

4. Исследования, устанавливающие связь между IQ и благосостоянием. Доказано, что национальный IQ выступает важным предиктором для роста благосостояния. В исследовании Хафера фактор IQ был наиболее объясняющим (0,649) ВВП, чем остальные использованные им переменные [4]. Эти данные служат важным показателем того, что IQ является хорошим экономическим предиктором и управляющим элементом в связке с экономикой, а не наоборот.

1. Allik J., Realo A. Individualism – collectivism and social capital // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 2004. – №35. – P. 29–49.
2. Barber N. Educational and ecological correlates of IQ: a cross-national investigation // *Intelligence*. – 2005. – Vol. 33. – P. 273–284.
3. Dickerson R. Exponential correlation of IQ and the wealth of nations // *Intelligence*. – 2006. – Vol. 34. – P. 291–295.
4. Hafer R. New estimates on the relationship between IQ, economic growth and welfare // *Intelligence*. – 2017. – Vol. 61. – P. 92–101.

5. Hafer R. W. Cross-country evidence on the link between IQ and financial development // *Intelligence*. – 2016. – Vol. 55. – P. 7–13.
6. Hunt E., Wittman W. National intelligence and national prosperity // *Intelligence*. – 2008. – Vol. 36. – P. 1–9.
7. Jones G. IQ in the Ramsey Model: A Naïve Calibration // *SSRN Electronic Journal*. – 2005. – № 213. – URL: <https://ssrn.com/abstract=755584> (дата обращения: 12.11.2020).
8. Jones G., Schneider W. Intelligence, Human Capital, and Economic Growth: A Bayesian Averaging of Classical Estimates (BACE) Approach // *Journal of Economic Growth*. – 2006. – Vol. 11, Is. 1. – P. 71–93.
9. Lynn R., Vanhannen T. *Intelligence: an unifying construct for social sciences*. – London: Ulster Institute for Social Research, 2012. – 530 p.
10. Nyborg H. The sociology of psychometric and bio-behavioral sciences // *The scientific study of general intelligence*. – Oxford: Pergamon, 2003. – P. 441–502.
11. Ram R. IQ and economic growth: Further augmentation of Mankiw–Romer–Weil model // *Economics Letters*. – 2007. – Vol. 94. – P. 7–11.
12. Rindermann H. Intellectual classes, technological progress and economic development: the rise of cognitive capitalism // *Race and sex differences in intelligence and personality. A tribute to Richard Lynn at 80 / ed. by H. Nyborg*. – London: Ulster institute for social researches, 2013. – P. 131–168.
13. Rindermann H. Relevance of education and intelligence at the national level for the economic welfare of people // *Intelligence*. – 2008. – Vol. 36, Is. 2. – P. 127–142.
14. Strenze T. Intelligence and socioeconomic success: A meta-analytic review of longitudinal research // *Intelligence*. – 2007. – Vol. 35. – P. 401–426.
15. Tarmo S. Allocation of talent in society and its effect on economic development // *Intelligence*. – 2013. – Vol. 41. – P. 193–202.
16. Terpstra D. E., Rozell E. J. The relationship of staffing practices to organizational level measures of performance // *Personnel Psychology*. – 1993. – №46. – P. 27–48.
17. Whetzel D. L., McDaniel M. Prediction of national wealth // *Intelligence*. – 2006. – Vol. 34. – P. 449–458.
18. Zajenkowski M., Stolarski M., Meisenberg G. Openness, economic freedom and democracy moderate the relationship between national intelligence and GDP // *Personality and Individual Differences*. – 2013. – №55. – P. 391–398.

© В.С. Шибяев, 2020

Для цитирования: Шибяев В. С. Когнитивная экономика и коэффициент интеллекта: зарубежный взгляд // *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 146–153.

For citation: Shibaev V. S. Cognitive economics and IQ: a foreign view, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2020, Vol. 12, № 4, pp. 146–153.

DOI [dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/146-153](https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/146-153)

Дата поступления: 30.11.2020.

УДК 379.85

Г.А. Петрова¹

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Д.А. Гусева²

АНО «Туристско-информационный центр Приморского края»
Владивосток. Россия

Классификационная структура предметной области управления факторами привлекательности интегрированного продукта для потребителей круизных услуг

В статье представлены результаты исследования сферы потребительской мотивации в круизной индустрии. Цель работы состоит в интерпретации структуры предметной области управления факторами привлекательности услуг для потребителей интегрированного круизного продукта. Методическая основа исследования представлена комплексным экономическим подходом к формированию области управления факторами привлекательности интегрированного круизного продукта на региональном уровне. В работе использованы структурно-функциональный метод, контент-анализ, системный анализ, классификация, обобщение и формализация. В работе выделены 30 факторов мотивационного воздействия на потребителей круизных услуг, соответствующих пяти уровням потребностей исследуемой целевой аудитории: в безопасности, физиологические, в развлечении, имиджевые и в наполненности продукта. Предложена структура предметной области управления привлекательностью интегрированного продукта предприятий круизного туризма по категориям. Научная новизна исследования заключается в уточнении понятия интегрированного круизного продукта. Практическая значимость работы состоит в выявлении и классификации концептуальных групп факторов как основы для разработки методического подхода к формированию стратегии развития круизной индустрии региона в посткризисный период.

Ключевые слова и словосочетания: круизная индустрия, факторы туристской мотивации, интегрированный круизный продукт, круизные услуги, важность потреб-

¹ Петрова Галина Андреевна – ассистент кафедры туризма и экологии; e-mail: galina.a.petrova@bk.ru

² Гусева Дарья Александровна – заместитель директора АНО «Туристско-информационный центр Приморского края»; e-mail: guseva@visit-primorye.ru

ностей, классификация факторов услуг, круизный бизнес, потребитель круизного продукта.

G.A. Petrova

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

D.A. Guseva

Vladivostok Tourist Information Center
Vladivostok. Russia

The classification of the subject field of managing the attractiveness factors of an integrated product for cruise service consumers

This article presents the results of conducted research on consumer motivation in the cruise industry. The purpose of the work is to formalize the structure of the subject area of managing factors of attractiveness of services for consumers of an integrated cruise product. The methodological basis of the research is an integrated economic approach to the formation of the field of management of factors of attractiveness of an integrated cruise product at the regional level. The paper uses the structural and functional method, content analysis, system analysis, classification, generalization and formalization. The paper identifies 30 factors of motivational impact on cruise service consumers that corresponds to five levels of the target audience's needs: safety, physiological, entertainment needs, image and product content. It has been suggested that the structure of the subject area of managing the attractiveness of an integrated product of cruise tourism should be divided into main and additional categories. The scientific novelty of the research lies in clarifying the concept of an integrated cruise product. The practical significance of this work lies in identification and classifying conceptual groups of factors that can be the basis for developing a methodological approach to the formation of a strategy for the development of the cruise industry in the region in the post-crisis period.

Keywords: cruise industry, factors of tourist motivation, integrated cruise product, cruise services, importance of needs, classification of service factors, cruise business, cruise product consumer.

Введение. Еще год назад экономические показатели круизной индустрии стремительно росли. Согласно статистике, спрос на услуги морских путешествий за последние пять лет до 2020 года возрастал как минимум на 20% ежегодно [1].

Более пятидесяти мировых круизных линий с постоянно пополняющимся флотом оказались в период пандемии в весьма затруднительном положении: закрыты границы, остановлена навигация.

Чтобы сохранить бизнес, компании предлагают специальные льготные условия для пассажиров, чьи рейсы были отменены на период пандемии, позволяющие осуществить будущее бронирование на особых условиях. Отчеты банка UBS в марте 2020 года свидетельствуют о том, что около 80% пассажиров отдали предпочтение кредиту на будущие поездки взамен денежных средств [2].

Данный факт подтверждает высокую лояльность потребителей в исследуемом секторе, а также определяет актуальность *цели исследования*: структурировать предметную область управления факторами привлекательности услуг для потребителей интегрированного продукта в круизной индустрии.

Стоит учесть тот факт, что круизные компании уже принимают активные меры по адаптации к новым условиям и требованиям, специальным протоколам безопасности, снижающим риск распространения инфекции, а также начали рекламную кампанию на 2021 год.

Научная значимость исследуемой проблемы, ее актуальность и недостаточная степень изученности на региональном уровне обусловили необходимость решения ряда **задач** для достижения поставленной цели:

- выявить факторы потребительской привлекательности интегрированного круизного продукта;
- на основе метода контент-анализа определить состав ведущих характеристик в системе потребительской мотивации;
- предложить подход к определению классификационной структуры предметной области управления факторами привлекательности круизных услуг для потребителей интегрированного продукта.

Предмет исследования, источниковая база исследования, противоречия в имеющихся исследованиях и авторская позиция. Предметом исследования является структура управления факторами привлекательности интегрированного круизного продукта.

Научные исследования авторов первоначально акцентировали внимание на определении факторов привлекательности круизной дестинации с точки зрения включения ее в туристский продукт, то есть с позиции тех, кто формирует маршруты. Так, Ю. В. Михайлова в своем исследовании предложила методику оценки интегрированной удельной привлекательности, позволяющую составить рейтинговую систему для портов и выявить наиболее привлекательные с позиций турпредприятий и потребителей круизные услуги. Автор также выделяет ряд факторов, определяющих привлекательность самой дестинации как части комплексного круизного продукта, среди которых политическая, экологическая обстановка и нормативно-правовая база, городская инфраструктура и достопримечательности, привлекательность соседних территорий, а также стоимость продукции и услуг для нерезидентов [3].

В свою очередь, Н. А. Логунова усовершенствовала методический подход, позволяющий произвести оценку эффективности стратегического развития круизной индустрии, базирующийся на определении актуальных и значимых критериев оценки, с помощью которых можно установить взаимосвязь многоаспектных эффектов развития индустрии круизных путешествий как основу обеспечения согласованности интересов всех отдельных хозяйствующих субъектов [4–6].

Новые положения и методики исследования качества круизных услуг были предложены в диссертации М. Н. Войт [7]. Автором предложены меры по повышению привлекательности водных маршрутов в России на основе применения комплексной оценки качества на примере речных круизов. При этом представ-

ленные в работе рекомендации сформулированы с учетом выявленных специфических показателей, ранжированных по четырем этапам обслуживания: докрузном, сопутствующем, основном и дополнительном [8–10].

Таким образом, проведенный анализ современных исследований в области потребительской мотивации пассажиров круизных лайнеров продемонстрировал отсутствие комплексного подхода к определению факторов, оказывающих влияние на формирование туристской привлекательности интегрированного продукта в предметной области морских путешествий именно с позиции нерезидентов (туристов).

Методы исследования. Методической основой исследования является комплексный экономический подход к формированию области управления факторами привлекательности интегрированного круизного продукта на региональном уровне. В работе использованы структурно-функциональный метод, контент-анализ, системный анализ, классификация, обобщение и формализация.

Основная часть. Результаты контент-анализа исследований позволяют сделать вывод, что в работах ряда исследователей недостаточно полно раскрыто понятие интегрированного круизного продукта. Так, посредством научного синтеза можно определить, что под интегрированным продуктом круизной индустрии понимают комплекс составных туристских услуг на борту круизного лайнера, в общей сумме оказывающих синергический эффект на удовлетворенность потребителя [11–13]. Структура интегрированного продукта предприятий круизного туризма в авторской трактовке представлена на рис. 1.

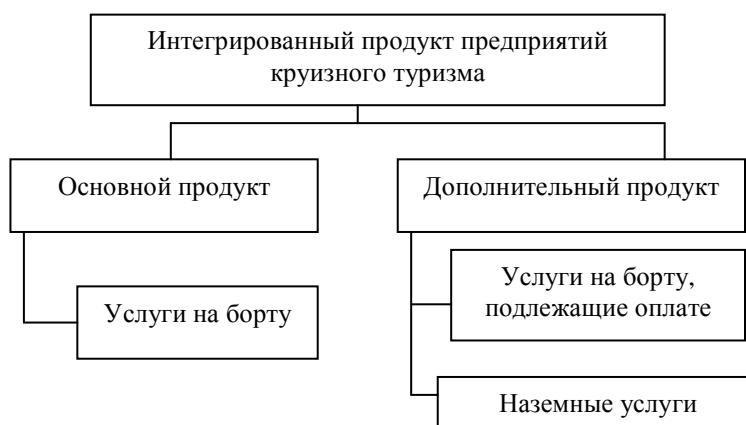

Рис. 1. Структура интегрированного продукта предприятий круизного туризма

Уточним, что основной продукт – набор услуг, включенный в стоимость круиза, зависящий от ряда характеристик, определяющих его состав.

Дополнительный продукт включает набор услуг, подлежащих доплате и предоставляемых непосредственно в период реализации круизного продукта, а также ряд услуг до его начала (трансфер до места отправления лайнера, услуги

парковки автомобиля на период круиза и т.д.) и в период схода транзитных пассажиров на берег в портах посещаемых дестинаций (табл. 1).

Таблица 1

**Расширенная структура интегрированного продукта предприятий
круизного туризма**

Уровень потребности	Группа факторов	Структурный элемент
Безопасность	Технические характеристики судна	Основной продукт
Физиологические	Питание	
	Размещение	
Развлечения	Досуг	
	Рекреация	
Имидж	Бренд круизного оператора	
	Контингент	
	Цена	
	Маршрут	
	Сервис	
Наполненность продукта	Услуги на борту, подлежащие доплате	Дополнительный продукт
	Наземное обслуживание	

В рамках предложенной структуры интегрированного продукта автором были выявлены и классифицированы генеральные характеристики в системе потребительской мотивации целевой аудитории круизной индустрии (рис. 2).

Предпродажные характеристики оказывают непосредственное влияние на выбор потребителем круизного продукта. В первую очередь, при выборе круизного маршрута потребитель ориентируется на такие критерии, как техническое оснащение судна, гарантирующее чувство безопасности; ценовые характеристики, которые соотносятся с запланированным бюджетом; характеристики круизного маршрута, а также имиджа бренда, ориентирующие на выбор места отправления, и прочие характеристики, которые определяют уровень комфорта для потребителя [16; 17].

Характеристики услуг на борту – основные свойства интегрированного продукта, включенные в процесс реализации круизного продукта как за общую, так и за дополнительную плату [18].

Характеристики наземных услуг определяются уровнем интеграции продуктового портфеля партнеров круизного оператора в посещаемых дестинациях в период схода пассажиров на берег [19; 20].

Рис. 2. Характеристики интегрированного продукта

Представленные на рис. 2 категории характеристик интегрированного продукта предприятий круизного туризма формируют предметную область управления факторами привлекательности круизных услуг для потребителей интегрированного продукта, выступая в качестве базиса «туристского опыта» (данный термин широко представлен в исследованиях Н. Л. Безруковой [14], Г. Б. Юдина, Ю. А. Колошенко [15]). Интерпретируя научные идеи авторов, отметим, что потребитель круизной услуги не просто ищет новые ощущения, а стремится в короткий период времени изменить существующие внутренние установки.

Авторская формализация структуры предметной области управления факторами привлекательности круизных услуг для потребителей интегрированного продукта представлена в табл. 2.

Таблица 2 отражает взаимосвязь факторов разных групп с формирующими потребностями. Так, факторы группы А обусловлены потребностью путешественников в выборе безопасного и экономически выгодного маршрута, соответствующего заранее спланированным ожиданиям. Факторы группы Б отражают потребность в широком и разнообразном ассортименте питания, комфортном размещении и разнообразном досуге во время потребления круизной услуги. В свою очередь, факторы группы В базируются на потребности в познании места временного пребывания в ограниченные сроки. Влияние каждой группы факторов может позитивно или негативно влиять на потребительское поведение в сфере круизных услуг.

Структура предметной области управления факторами привлекательности круизных услуг для потребителей интегрированного продукта

Классификационный признак		Факторы мотивационного воздействия на потребителей круизных услуг	Область воздействия
Группа А	Предпродажные характеристики	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14	Потребность в выборе безопасного и экономически выгодного маршрута, соответствующего ожиданиям
Группа Б	Характеристики услуг на борту	15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24	Потребность в широком и разнообразном ассортименте питания, комфортном размещении и разнообразном досуге
Группа В	Характеристики наземных услуг	25, 26, 27, 28, 29,30	Потребность в познании места временного пребывания в ограниченные сроки

Примечание: 1 – пассажироместимость, 2 – тоннаж, 3 – тип судна, 4 – наличие эксклюзивной инфраструктуры, 5 – максимально допустимый вес багажа, 6 – использование инновационных технологий, 7 – уровень оснащённости на случай ЧС, 8 – состояние судна, 9 – экологичность корабля, 10 – возраст лайнера, 11 – скорость лайнера, 12 – возможность путешествия с детьми, 13 – эксклюзивная география маршрутов, 14 – необходимость оформления виз в страны отправления, 15 – категории кают, 16 – комфортабельность размещения, 17 – соотношение «качества и цены», 18 – площадь, 19 – количество опций питания, 20 – ассортимент кухни, 21 – высочайший уровень ресторанов, 22 – мероприятия на борту, 23 – разнообразие рекреационной инфраструктуры, 24 – наличие услуг для инклюзив-туристов, 25 – экскурсионное обслуживание, 26 – доступность индивидуальных услуг, 27 – информационная среда на берегу, 28 – наличие туршаттла, 29 – доступность ключевых особенностей культуры в рамках гостевого маршрута, 30 – церемонии приветствия

Выводы

В предметной области управления факторами привлекательности интегрированного продукта для потребителей круизных услуг автором было выделено тридцать характеристик в системе потребительской мотивации, сгруппированных в четыре сегмента. Изменения, происходящие в индустрии морских путешествий, продиктованные мировой ситуацией в период восстановления после

пандемии, несомненно, повлияют на технологию оказания услуг. Однако факторы, классифицированные в данном исследовании, служат показателями конкурентоспособности круизного продукта.

Воздействие на каждую группу факторов может быть обусловлено следующими мерами:

- развитие круизной инфраструктуры, а также формирование оптимального соотношения безопасности, цены и качества круизного продукта;
- расширение ассортимента услуг;
- совершенствование услуг в сегменте наземного обслуживания;
- государственная поддержка круизной индустрии, внедрение программ стимулирования сбыта.

Таким образом, можно сделать вывод, что предложенный подход дает возможность управлять потребительской мотивацией в сфере реализации интегрированного круизного продукта, а также способствует развитию лояльности целевого сегмента. Авторская интерпретация классификационной структуры предметной области управления факторами привлекательности круизных услуг для потребителей исследуемого продукта может быть положена в основу разработки методического подхода к формированию стратегии развития круизной индустрии региона в посткризисный период.

1. Полякова О. Е. Круизный туризм как популярное направление 2020 года // Проблемы и перспективы социально-экономического развития регионов Юга России. – Майкоп, 2020. – С. 415–419.
2. Годовой отчет банка UBS. – Текст: электронный // UBS Group AG (UBS Group SA): [сайт]. – URL: <http://www.ubs.com> (дата обращения: 20.11.2020).
3. Михайлова Ю. В. Оценка привлекательности портов захода в круизном маршруте // Розвиток методів управління та господарювання на транспорті: Зб. наук. праць. – Одеса: ОНМУ. – 2012. – Вып. 14. – С. 113–129.
4. Логунова Н. А. Теоретико-методологические основы стратегического развития круизного туризма: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.03. – Симферополь, 2014. – 40 с.
5. Логунова Н. А. Обеспечение условий эффективного развития круизного туризма в Крыму // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2015. – №1. – С. 86–96.
6. Гомилевская Г. А., Петрова Г. А. Морской туризм как составляющая туристского бренда «Восточное кольцо России» // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. – 2017. – №3 (38). – С. 71–85.
7. Войт М. Н. Развитие сферы круизных услуг на основе повышения качества обслуживания: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Москва, 2014. – 22 с.
8. Войт М. Н. Методы оценки качества обслуживания круизных туристов // Вестник университета (ГУУ). – 2014. – №2. – С. 19–23.
9. Войт М. Н. Методика комплексной оценки качества обслуживания туристов в речном круизе // Вестник Российского нового университета: экономика и управление. – 2014. – №2. – С. 177–181.
10. Войт М. Н. Роль мотивационных аспектов в формировании спроса на круизы // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. – 2017. – № 4. – С. 75–78.

11. Мегей Е. С., Исаев А. А. Методика оценки конкурентоспособности интегрированного транспортного продукта судоходной компании // Практический маркетинг. – 2020. – №4 (278). – С. 26–31.
12. Исаев А. А., Мегей Е. С. Методика оценки качества интегрированного транспортного продукта малой судоходной компании // Транспортное дело России. – 2019. – № 1. – С. 125–126.
13. Исаев А. А., Исаева Л. А., Сокуренок В. А. Формирование системы обеспечения конкурентоспособности продукции на предприятии: монография / науч. ред. д-р экон. наук А. А. Исаев. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2018. – 148 с.
14. Безрукова Н. Л. Восприятие и опыт в аспекте потребления круизной услуги // Вестник РМАТ. – 2018. – №3. – С. 117–124.
15. Юдин Г. Б., Колошенко Ю. А. Стратегии производства туристического опыта в малом городе: Локальное сообщество и символическое конструирование в городе Мышкин // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. – 2014. – №5. – С. 5–14.
16. Развитие круизного туризма в Приморском крае посредством совершенствования системы наземного обслуживания / А. А. Максяшина, Е. О. Кондратюк, Г. А. Петрова, И. Н. Толстых // Интеллектуальный потенциал вузов – на развитие Дальневосточного региона России и стран АТР: материалы XXI междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Владивосток, 17–19 апреля 2019 г.): в 5 т. Т. 3 / под общ. ред. д-ра экон. наук Т. В. Терентьевой; Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2019. – 448 с.
17. Басюков Г. Т. Круизный туризм: особенности и тенденции в 2018 году // Эпоха науки. – 2018. – №14. – С. 107–112.
18. ГОСТ Р 56221-2014 Туристские услуги. Речные круизы. Общие требования. – Текст: электронный // Vsegost: библиотека ГОСТов: [сайт]. – URL: <http://vsegost.com> (дата обращения: 20.11.2020).
19. Никифорова Г. А., Гусева Д. А., Гомилевская Г. А. Методологические основы идентификации понятия наземного обслуживания морских круизных туристов // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2016. – Т. 5, №4 (17). – С. 294–298.
20. Акиева А. Э. Концепция «Наземное обслуживание туристов круизных судов» и ее влияние на туристский рынок // Концепции и модели устойчивого инновационного развития общества: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа: Аэтерна, 2020. – С. 67–71.

Транслитерация

1. Polyakova O. E. Kruiznyj turizm kak populyarnoe napravlenie 2020 goda // Problemy i perspektivy social'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Yuga Rossii. – Maykop, 2020. – S. 415–419.
2. Godovoj otchet banka UBS. – Tekst: elektronnyj // UBS Group AG (UBS Group SA): [sajt]. – URL: <http://www.ubs.com> (data obrashcheniya: 20.11.2020).
3. Mihajlova Yu. V. Ocenka privlekatel'nosti portov zahoda v kruiznom marshrute // Rozvitok metodiv upravlinnya ta gospodaryuvannya na transporti: Zb. nauk. prac'. – Odesa: ONMU. – 2012. – Vyp. 14. – S. 113–129.

4. Logunova N. A. Teoretiko-metodologicheskie osnovy strategicheskogo razvitiya kruiznogo turizma: avtoref. dis.... d-ra ekon. nauk: 08.00.03. – Simferopol', 2014. – 40 s.
5. Logunova N. A. Obespechenie uslovij effektivnogo razvitiya kruiznogo turizma v Krymu // *Sovremennye problemy servisa i turizma*. – 2015. – №1. – S. 86–96.
6. Gomilevskaya G. A., Petrova G. A. Morskoj turizm kak sostavlyayushchaya turistskogo brenda «Vostochnoe kol'co Rossii» // *Territoriya novyh vozmozhnostej. Vestnik VGUES*. – 2017. – №3 (38). – S. 71–85.
7. Vojt M. N. Razvitie sfery kruiznyh uslug na osnove povysheniya kachestva obsluzhivaniya: avtoref. dis.... kand. ekon. nauk: 08.00.05. – Moskva, 2014. – 22 s.
8. Vojt M. N. Metody ocenki kachestva obsluzhivaniya kruiznyh turistov // *Vestnik universiteta (GUU)*. – 2014. – №2. – S. 19–23.
9. Vojt M. N. Metodika kompleksnoj ocenki kachestva obsluzhivaniya turistov v rechnom kruize // *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta: ekonomika i upravlenie*. – 2014. – №2. – S. 177–181.
10. Vojt M. N. Rol' motivacionnyh aspektov v formirovanii sprosa na kruizy // *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya: CHelovek i obshchestvo*. – 2017. – № 4. – S. 75–78.
11. Megej E. S., Isaev A. A. Metodika ocenki konkurentosposobnosti integrirovannogo transportnogo produkta sudohodnoj kompanii // *Prakticheskij marketing*. – 2020. – №4 (278). – S. 26–31.
12. Isaev A. A., Megej E. S. Metodika ocenki kachestva integrirovannogo transportnogo produkta maloj sudohodnoj kompanii // *Transportnoe delo Rossii*. – 2019. – № 1. – S. 125–126.
13. Isaev A. A., Isaeva L. A., Sokurenko V. A. Formirovanie sistemy obespecheniya konkurentosposobnosti produkcii na predpriyatii: monografiya / nauch. red. d-r ekon. nauk A. A. Isaev. – Vladivostok: Izd-vo VGUES, 2018. – 148 s.
14. Bezrukova N. L. Vospriyatie i opyt v aspekte potrebleniya kruiznoj usluzhi // *Vestnik RMAT*. – 2018. – №3. – S. 117–124.
15. Yudin G. B., Koloshenko Yu. A. Strategii proizvodstva turistskogo opyta v malom gorode: Lokal'noe soobshchestvo i simvolicheskoe konstruirovanie v gorode Myshkin // *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij*. – 2014. – №5. – S. 5–14.
16. Razvitie kruiznogo turizma v Primorskom krae posredstvom sovershenstvovaniya sistemy nazemnogo obsluzhivaniya / A. A. Maksyashina, E. O. Kondratyuk, G. A. Petrova, I. N. Tolstyh // *Intellektual'nyj potencial vuzov – na razvitie Dal'nevostochnogo regiona Rossii i stran ATR: materialy HKHI mezhdunar. nauch.-prakt. konf. studentov, aspirantov i molodyh uchenyh (g. Vladivostok, 17–19 aprelya 2019 g.): v 5 t. T. 3 / pod obshch. red. d-ra ekon. nauk T. V. Terent'evoj; Vladivostokskij gosudarstvennyj universitet ekonomiki i servisa*. – Vladivostok: Izd-vo VGUES, 2019. – 448 s.
17. Basyukov G. T. Kruiznyj turizm: osobennosti i tendencii v 2018 godu // *Epoha nauki*. – 2018. – №14. – S. 107–112.
18. GOST R 56221-2014 Turistskie usluzhi. Rechnye kruizy. Obshchie trebovaniya. – Tekst: elektronnyj // *Vsegost: biblioteka GOSTov*: [sajt]. – URL: <http://vsegost.com> (data obrashcheniya: 20.11.2020).
19. Nikiforova G. A., Guseva D. A., Gomilevskaya G. A. Metodologicheskie osnovy identifikacii ponyatiya nazemnogo obsluzhivaniya morskikh kruiznyh turistov // *Azimut nauchnyh issledovanij: ekonomika i upravlenie*. – 2016. – T. 5, №4 (17). – S. 294–298.

20. Akieva A.E. Konceptsiya «Nazemnoe obsluzhivanie turistov kruiznyh sudov» i ee vliyanie na turistskij rynek // Konceptcii i modeli ustojchivogo innovacionnogo razvitiya obshchestva: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Ufa: Aeterna, 2020. – S. 67–71.

© Г. А. Петрова, 2020

© Д. А. Гусева, 2020

Для цитирования: Петрова Г. А., Гусева Д. А. Классификационная структура предметной области управления факторами привлекательности интегрированного продукта для потребителей круизных услуг // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 154–164.

For citation: Petrova G.A., Guseva D. A. The classification of the subject field of managing the attractiveness factors of an integrated product for cruise service consumers, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2020, Vol. 12, № 4, pp. 154–164.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/154-164

Дата поступления: 30.11.2020.

УДК 332.142

И.А. Денисенко¹

И.В. Ретивцев²

Луганский государственный университет имени Владимира Дала
Луганск. Россия

А.Н. Денисенко³

Донбасский государственный технический институт
Алчевск. Россия

Повышение эффективности сельских домохозяйств на основе активизации системы инфраструктурного обеспечения

Рассмотрен вопрос продовольственной безопасности через проблематику сельскохозяйственной сферы, в частности сельских домохозяйств, на примере Луганского региона. В качестве предмета исследования определены инфраструктурные механизмы, повышающие эффективность деятельности сельских домохозяйств. Цель работы – повышение уровня государственной продовольственной безопасности через рост эффективности деятельности сельских домохозяйств Луганского региона. Научные методы исследования, применяемые в работе: дедукция, анализ, обобщение, синтез. В качестве результатов работы предложены механизмы развития сельских домохозяйств. Сфера применения результатов исследования охватывает агропромышленный комплекс и развитие сельских домохозяйств. Научная новизна обеспечивается возможностью применения предложенного механизма информационно-коммуникационных технологий к сельским домохозяйствам Луганского региона. Выводы состоят в том, что повышение государственной продовольственной безопасности должно быть обеспечено через стратегическое планирование и стать одним из важнейших приоритетов в социально-экономическом развитии региона. Перспективное направление для развития деятельности сельских домохозяйств региона видится в расширении информационно-коммуникационных технологий.

¹ Денисенко Игорь Анатольевич – д-р экон. наук, профессор кафедры «Торговое дело»; e-mail: luganskigor@mail.ru

² Ретивцев Игорь Владимирович – старший преподаватель кафедры «Торговое дело»; e-mail: igorzilo@yandex.ru

³ Денисенко Анна Николаевна – аспирант ГОУ ВО «Донбасский государственный технический институт»; e-mail: anna23-84@mail.ru

Ключевые слова и словосочетания: продовольственная безопасность, сельские домохозяйства, государственная политика, трудовые ресурсы.

I.A. Denisenko

I.V. Retivtsev

Lugansk Vladimir Dahl National University
Lugansk. Russia

A.N. Denisenko

Donbass State Technical Institute
Alchevsk. Russia

Improving the efficiency of rural households through the use of their infrastructure system

The article considers the issue of food security through the problems of the agricultural sector and, in particular, rural households, using the example of the Lugansk region. The subject of the research is the infrastructural mechanisms that increase the efficiency of rural households. The aim of the work is to increase the level of state food security through increasing the efficiency of the activities of rural households in the Lugansk region. Scientific research methods used in the work: deduction, analysis, generalization, synthesis. Mechanisms for the development of rural households are proposed as the results of the work. The scope of the research results is the development of rural households in the region. Scientific novelty – a mechanism of information and communication technologies as applied to rural households in the Lugansk region. The conclusions are that improving the state food security should be ensured through strategic planning and become one of the most important priorities for the socio-economic development of the region. A promising direction for the development of the activities of rural households in the region should be the development of information and communication technologies.

Keywords: food security, rural households, government policy, labor resources.

Введение

Современные кризисные явления мировой рыночной экономики свидетельствуют об обострении экономических противоречий, заложенных в эту систему принципами её построения. Кризисные явления вызваны комплексом различных причин, но главное, с чем они связаны, – это неготовность государств, государственных институтов и бизнеса совместно решать эти проблемы, учитывая интересы всех участников.

В условиях усиления негативного воздействия внешних экономических и политических факторов, а также разрушающего влияния на национальное социально-экономическое развитие фактора пандемии коронавируса требования к эффективности государственного управления существенно возрастают. От государственного управления требуются новые нестандартные решения и подходы к текущим и уже традиционным проблемам, а также существенное повышение оперативности принятия таких решений и обеспечение контроля за их реализа-

цией на местах. Для этого необходимо как можно быстрее выявить базовые социально-экономические риски и выработать наиболее оптимальные и комплексные антикризисные меры.

Актуальность работы состоит в том, что с точки зрения экономической безопасности любого государства важнейшим из направлений представляется его сельскохозяйственный сектор, существенная доля которого приходится именно на сельские домохозяйства. Поэтому ввиду наличия потенциальных внешних угроз из-за недружественных действий со стороны государств – экспортёров сельскохозяйственной продукции целесообразно пересмотреть внутреннюю государственную политику в сторону структурной модернизации отношений сельских домохозяйств.

Цель работы – повышение уровня государственной продовольственной безопасности через рост эффективности деятельности сельских домохозяйств Луганского региона.

Исходя из поставленной цели в работе решаются задачи определения базовых функций системы государственного управления трудовыми ресурсами и разработки наиболее приемлемых механизмов, повышающих эффективность деятельности сельских домохозяйств.

Предмет исследования – инфраструктурные механизмы, повышающие эффективность деятельности сельских домохозяйств.

Изучению базовых целевых приоритетов устойчивого развития, обеспечивающих региональную продовольственную безопасность, посвящены труды следующих учёных: И.Н. Буздалова, П.В. Водясов, С.В. Дохолян, Т.М. Полушкина, П.В. Михайлушкин и др.

В сложившихся региональных условиях для Луганского региона необходимо определить базовые целевые приоритеты устойчивого развития и мероприятия, обеспечивающие безопасность агропродовольственного комплекса народного хозяйства.

Методы исследования: дедукция, анализ, обобщение, синтез.

Основная часть

В традиционном понимании деятельность производителей сельскохозяйственной продукции включает в себя непосредственно выращивание сельскохозяйственной продукции. Кроме того, сюда же относят деятельность, направленную на:

- поиск рынков сбыта этой продукции на выгодных условиях;
- хранение и переработку продукции из-за отсутствия или недостаточности собственных мощностей;
- обеспечение материально-техническими ресурсами, в т.ч. необходимой техникой, ГСМ, запасными частями, семенами, удобрениями;
- приобретение и внедрение современных технологий выращивания и переработки сельскохозяйственной продукции.

Решение такого сложного комплекса задач достаточно проблематично для одного сельского домохозяйства, в связи с чем существующие экономические

механизмы взаимодействия сельских домохозяйств нуждаются в модернизации и государственной поддержке.

С позиций системного подхода организация (по мнению многих авторов, домохозяйства – это и есть организации) представляется целенаправленным центром действий, социально-технической системой, связанной с внешней средой и заинтересованными группами людей [1, с. 138–141].

Развитие системы предполагает её переход из одного состояния в другое, то есть изменение её основных характеристик во времени [2, с. 137–140]. Таким образом, экономическое развитие предприятия целесообразно рассматривать как процесс его функционирования и эволюции в долгосрочном периоде, происходящий под влиянием различных технических, технологических, экономических, социальных, трудовых, экологических, политических, правовых, духовных, информационных и других факторов [3, с. 127–131].

Процесс развития предприятия ориентирован на перспективу и должен организовываться в соответствии с требованиями и тенденциями развития внешней среды [4–5]. Поскольку домохозяйства или малые предприятия ввиду ограниченности внутренних ресурсов не могут активно влиять на внешнюю среду, то задачей государства должно стать создание для них благоприятных условий развития.

Через законодательные и исполнительные органы государство влияет на инфраструктуру рынка, а также на некоммерческий сектор экономики с целью создания или обеспечения условий для эффективной деятельности субъектов предпринимательства в соответствии с задачами экономической политики. Государственное регулирование осуществляется с помощью комплексного воздействия экономических, административных и правовых рычагов регулирования. Их применение, в отличие от директивных рычагов регулирования, означает переход от управления конкретными организациями к управлению экономическими процессами. Несмотря на многообразие форм и методов государственной и негосударственной поддержки домохозяйств и малого предпринимательства, в действительности свои экономические проблемы предприниматели вынуждены решать самостоятельно. В современной сложной, динамичной, нестабильной внешней среде именно развитие домохозяйств, их объединение в рамках малых предприятий и прогнозирование данных процессов становятся актуальными задачами для органов государственной власти и местного самоуправления [6].

Рассмотрим актуальное состояние и проблемы сельского хозяйства, акцентируя внимание на сельских домохозяйствах, на примере Луганского региона.

В недалёком прошлом характерной особенностью развития региона было наличие серьёзных социально-экономических проблем на фоне экологических проблем, возникших вследствие неэффективного природо- и ресурсопользования, отсутствия чёткой и сбалансированной политики экономического развития региона. Множественные проблемы обеспечивали стабильную стагнацию региона.

Исходя из сложившихся на настоящий момент в Луганском регионе определённых специфических условий развития, существует насущная потребность

в определении базовых целевых приоритетов для обеспечения устойчивого развития на основе повышения уровня безопасности агропродовольственного комплекса народного хозяйства. Поэтому важнейшим направлением развития представляется именно установление конкретных приоритетов в части создания благоприятных условий для функционирования предпринимательства [7].

На современном этапе становления экономики Луганского региона низкий уровень эффективности домохозяйств и малых предприятий обуславливает необходимость систематизации факторов внешней среды, влияющих на результаты их хозяйствования, и учёта этого влияния путём разработки такого механизма прогнозирования, который не только сочетал бы в себе оценивание возможных перспектив развития домохозяйств и их объединений в рамках малых предприятий при сохранении имеющихся в настоящее время тенденций развития, но и определял бы вероятное состояние домохозяйств и их объединений с учётом влияния различных возможных изменений ввиду принятия конкретных управленческих решений.

Хозяйственная деятельность сельских домохозяйств хотя и представляется в целом экономически выгодной, но требует от производителей приложения значительных физических усилий и времени как непосредственно на производство сельскохозяйственной продукции, так и на доставку её к месту сбыта. Поэтому от государства реально требуются существенные затраты на воспроизводство рабочей силы, в т.ч. через получение общего и специального образования, накопление производственного опыта через систему повышения квалификации. При этом следует учитывать, что сельские домохозяйства основные вопросы жизнедеятельности членов семьи решают самостоятельно, без существенной поддержки республиканских и местных органов власти. Таким образом, в подавляющем большинстве случаев они находятся вне действия различных правовых механизмов и правового поля в целом.

В настоящее время на территории Луганского региона проживает около 1,5 миллиона человек. Сельское хозяйство региона представлено хозяйственными комплексами шести крупнейших районов, которые производят все виды основной растениеводческой и животноводческой продукции, обеспечивая в основном продовольственную безопасность населения региона [8, с. 87].

Производя в среднем около 50% объёма всего аграрного продукта для внутреннего потребления Луганского региона, способствуя во многом укреплению материальной базы и обеспечивая тем самым продовольственную безопасность республики, сельские домохозяйства несут на своих плечах огромную нагрузку в обществе. Поэтому они вправе рассчитывать на мощную, всестороннюю и постоянную поддержку правительства и всего общества во всех стратегических вопросах развития [9, с. 240–243].

Следует отметить, что домохозяйства в целом выполняют в экономике республики особую стратегическую функцию. С одной стороны, они являются источником экономических ресурсов, с другой – одними из главных потребителей промышленных товаров и различного рода услуг, удовлетворяя свои потребности в продукции и услугах.

На темпы развития сельских домохозяйств большое влияние оказывают факторы, формирующие маркетинговую среду: экономические, социальные, культурные, политические, психологические. Домохозяйство как субъект, принимающий самостоятельные экономические решения в своей многоаспектной деятельности, представляет собой сложный объект для управленческой деятельности, который наиболее объективно характеризуется через использование агрегированных показателей.

В условиях восстановления рыночной экономики Луганского региона с учётом последствий политических и социально-экономических причин сформировались особые требования к экономической и социальной деятельности сельских домохозяйств. Они выступают важнейшими первичными элементами рыночной системы, влияющими на развитие и становление республики. Роль сельских домохозяйств и их значение в экономике республики, а также жизни общества в целом изучены и осознаны недостаточно чётко, поэтому целесообразно их дальнейшее детальное исследование [9, с. 240–243].

Экономическая безопасность Луганского региона представляет собой совокупность состояния, условий и факторов, характеризующих стабильность, устойчивость и возможность последовательного развития экономики республики в рамках её интеграции в мировую экономику. Необходимость обеспечения социально-экономической безопасности обусловлена рядом факторов, наиболее важными из которых представляются особенности характера и результатов труда, а также социально-демографическая специфика региона.

С целью обеспечения продовольственной безопасности в Луганском регионе в условиях внешней нестабильности и трансформации базовых элементов мировой экономической системы необходимо активизировать экономическую деятельность местных домохозяйств, стимулировать их развитие и объединять в малые предприятия. Такие объединения способны существенно повлиять на структурную перестройку экономики региона, повысить общие объёмы производства и розничного товарооборота, стимулировать рациональное использование всех основных видов ресурсов региона, сформировать благоприятную среду для развития конкуренции и устранения негативного влияния монополизма, усилить влияние стимулов, направленных на внедрение инноваций в основные производственно-экономические процессы. Однако по сравнению с большими предприятиями домохозяйства и малые предприятия, особенно в сфере АПК, оказываются более незащищёнными от воздействий негативных факторов внешней среды и поэтому часто становятся банкротами в первые несколько лет своей деятельности.

Планы развития хозяйственного комплекса Луганского региона на краткосрочную и долгосрочную перспективу предусматривают не только восстановление и развитие прежней материальной базы сельского хозяйства региона, но и формирование новых благоприятных условий для дальнейшего развития сельского хозяйства, в том числе через внедрение современных цифровых технологий, использование стратегического планирования и высокоэффективного управления хозяйственным комплексом [10, с. 140–142].

Органам государственной власти региона необходимо искать новые научно обоснованные приёмы, а также методы управления региональной экономикой и её производительными силами, особенно трудовыми ресурсами.

Справедливо полагать, что трудовые ресурсы представляют собой государствообразующую часть населения, поскольку обладают необходимым физическим и интеллектуальным потенциалом, обеспечивающим возможность для функционирования экономики государства, гарантируя при этом собственную трудовую самореализацию. Поэтому эффективное государственное регулирование процессов воспроизводства трудовых ресурсов и стимулирование их эффективной занятости обеспечивает стабильный и поступательный экономический рост, а значит, и возможности для повышения благосостояния всего населения государства.

Управление трудовыми ресурсами – это сложная регуляторная государственная деятельность в общей системе управления экономикой государства, которая непосредственно связана с особенностями производственно-технологической, институциональной и социальной структур, исторически сформированных в каждом из существующих ныне государств.

Управление трудовыми ресурсами требует учёта всего комплекса интересов важнейших социальных групп общества, его менталитета и должно быть реализовано через эффективные и прогрессивные механизмы организации деятельности экономических субъектов.

Следует учитывать, что государственное управление трудовыми ресурсами должно реализовываться с учётом закреплённых в конституции прав граждан, гарантирующих им право на получение работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и исходя из имеющихся реальных общественных потребностей.

Таким образом, государственные задачи управления трудовыми ресурсами формулируются при наличии взаимосвязанных условий реализации общественных и личных интересов граждан, которые направлены на удовлетворение потребности в труде с учётом персональных предпочтений, а также эффективное использование труда граждан на благо всего общества.

Поэтому приоритетные цели реализации государственной политики в сфере государственного управления трудовыми ресурсами следующие:

- обеспечение потребности экономики в трудовых ресурсах;
- обеспечение безопасности трудовой деятельности;
- обеспечение наиболее полной занятости всего населения, желающего трудиться;
- обеспечение наибольшей эффективности использования работающего населения.

Отсюда вытекают основные функции системы государственного управления трудовыми ресурсами:

- стратегическое и оперативное планирование трудовых ресурсов;
- подготовка и переподготовка трудовых ресурсов;
- разработка и внедрение эффективной системы трудовых балансов;

- распределение и перераспределение трудовых ресурсов;
- контроль за использованием трудовых ресурсов;
- выявление резервов повышения эффективности использования трудовых ресурсов;
- реализация гарантий потерявшим работу и временно неработающим по уважительным причинам;
- регулирование уровня безработицы.

Важнейшей из задач в сфере управления трудовыми ресурсами представляется оптимальный выбор механизмов управления. Такой выбор осуществляется исходя из особенностей сложившейся ситуации и установленных приоритетов в дальнейшем развитии.

Современная организационно-функциональная структура рынка труда включает в себя:

- базовые принципы и приоритеты государственной политики в сфере занятости и безработицы;
- законодательную базу регулирования занятости;
- систему подготовки и переподготовки кадров;
- систему найма и контрактную систему;
- центры занятости, способствующие занятости населения и обеспечивающие выплаты из соответствующего фонда.

В условиях существенных социально-экономических изменений эти элементы системы должны быть также модернизированы в сторону новых требований.

В кризисной обстановке основополагающими принципами в государственной политике должны быть:

- максимально полное обеспечение потребности важнейших отраслей экономики в трудовых ресурсах, чтобы позволить им динамично изменяться в соответствии с прогнозом и приоритетами развития государства;
- внедрение прогрессивных механизмов взаимодействия хозяйствующих субъектов, которые бы позволили перейти им на новый качественный уровень развития, обеспечивающий существенное повышение эффективности хозяйственной деятельности;
- реальная социальная поддержка потерявшим работу и временно неработающим по уважительным причинам.

В условиях пандемии при отсутствии возможности управлять традиционными методами особое место в части внедрения эффективных механизмов использования трудовых ресурсов занимают именно инновационные методы управления, основанные на комплексном планировании индивидуальной хозяйственной деятельности и в соотношении её с максимально прогнозируемыми и реальными потребностями потенциальных и явных конечных потребителей такой продукции.

По мнению Р. А. Фатхутдинова [11], планирование – это сознательная волевая деятельность для определения целей предприятия, ресурсов для достижения этих целей и предсказания результатов.

Анализ научных трудов учёных-экономистов показывает, что типичными чертами эффективного управления предприятием являются сочетание стратегического, долгосрочного и текущего планирования, адаптация к изменениям внешней среды [12–13].

Домохозяйства и их объединения, работающие в условиях рыночной экономики, должны гибко реагировать на все основные изменения внешней среды, составлять обоснованные стратегические планы. Однако чаще всего процесс планирования у этих организаций носит несистематический или формальный характер, ограничивается сосредоточением лишь на решении текущих проблем, игнорируя или вообще исключая стратегическое планирование.

Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» декларирует, что развитие «цифровой» экономики представляется стратегически важным вопросом для России в целом, определяющим её конкурентоспособность на мировой арене.

«Цифровая» экономика предлагает широкие возможности для развития системы эффективного государственного управления. Современные технологии позволят сформировать среду высокотехнологичной цифровой платформы государственного управления, которая:

- обеспечит минимизацию влияния человеческого фактора и традиционно сопутствующей ему коррупции и возможных ошибок;
- автоматизирует и упростит сбор статистической, налоговой и иной отчетности;
- обеспечит принятие управленческих решений на основе анализа реальной ситуации.

Оказание государственных услуг должно строиться на базе единой цифровой облачной платформы, имеющей открытые интерфейсы межмашинного взаимодействия и позволяющей расширять возможности взаимодействия граждан с государством путём создания ими собственных приложений, работающих на базе этой платформы (с обязательной сертификацией по безопасности и соблюдению установленных законодательных норм).

Поскольку сельские домохозяйства – важнейший экономический сектор государства, т.к. вносят существенный вклад в обеспечение его продовольственной безопасности, их развитие должно отражаться в базовых приоритетах государственной политики.

Следует учитывать, что устойчивое развитие сельских домохозяйств зависит не только от количества материальных ресурсов, которые используются при производстве продукции или от количества произведённой ими продукции, но и от целого комплекса нематериальных активов, свойств различных предметов и продуктов труда, различного рода информации (о погоде, болезнях растений и животных, вредителях, новых технологиях, о рынке сбыта), от степени использования инновационных технологий, результатов и опыта прошлых производственных циклов, репутации сельских домохозяйств, конечного качества произведённой сельскохозяйственной продукции. При этом в отличие от информации

о материальных потоках в домохозяйстве, которая регулярно подвергается мониторингу органами статистики, информация о нематериальных активах практически не собирается. Следовательно, с целью стабильного функционирования и устойчивого развития сельских домохозяйств требуется формирование для них эффективных механизмов доведения и получения такой информации.

Таким образом, в системе аграрного производства стратегическое планирование становится неотъемлемой частью и одной из функций стратегического управления, опирающейся на принципы системности, комплексности, научности, экономической целесообразности, непрерывности, ситуационности, альтернативности, динамичности, реалистичности.

Применительно к условиям хозяйствования Луганского региона наиболее рациональным подходом в направлении стратегического планирования и прогнозирования развития сельских домохозяйств в аграрном секторе экономики представляются организация четкой системы управления процессом внедрения инновационных и инвестиционных проектов в целом по региону и непосредственное привлечение к этому процессу органов центральной и местной власти, руководителей и специалистов сельскохозяйственных предприятий, организаций и хозяйств, ученых научно-исследовательских организаций и образовательных организаций высшего профессионального образования, представителей ассоциации сельхозпроизводителей.

В связи с этим прогнозы, стратегические и индикативные планы, программы и проекты, предложенные на уровне республики, должны воплощаться в реальность только в том случае, если в этих процессах заинтересованы первичные звенья, а именно хозяйствующие предприятия и сельские домохозяйства. Кроме того, сами предпринимательские проекты обуславливают формирование базы, на которой преимущественно строится сама возможность непрерывного и поступательного социально-экономического и научно-технологического развития в масштабах региона [14, с. 18–27].

Результаты исследования и предложения

С учётом положений Закона ЛНР «О развитии сельского хозяйства» (с изменениями, внесенными законом ЛНР от 11.09.2017 г. № 184-П) [15], а также с целью развития, активизации предпринимательской деятельности и повышения качества инфраструктурного обеспечения сельских домохозяйств в системе предпринимательских структур в части реализации организационных мер предлагается создание Ассоциации сельхозпроизводителей Луганского региона как некоммерческой (общественной) организации для защиты интересов и поддержки сельхозпроизводителей, в частности сельских домохозяйств, в условиях развития сельского хозяйства и сельских территорий.

В процессе реализации инновационного информационно-инфраструктурного механизма актуальным направлением формирования стратегии планирования и прогнозирования деятельности сельских домохозяйств (как составного элемента сферы современного предпринимательства) представляется разработка вопросов развития информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в общей системе инфраструктурного обеспечения их деятельности.

Технологии ИКТ расцениваются как потенциально инновационное направление расширения прав и возможностей населения сельских регионов [17].

Для реализации этого потенциала требуются:

- инвестиции для расширения доступа сельских домохозяйств к ИКТ;
- разработка инновационных прикладных программ, отвечающих реальным потребностям населения сельских домохозяйств.

Затраты на инвестиции, связанные с внедрением ИКТ в мире, существенно снижаются, но по-прежнему дают невысокую и краткосрочную частную отдачу. Также ошибочно будет предполагать, что сельские домохозяйства способны самостоятельно финансировать расходы, связанные с такими проектами.

Государство должно взять на себя обязанность по обеспечению инвестирования в инфраструктурные проекты для поддержания экономического равенства, не подрывая исторически сложившуюся в обществе социальную стабильность и сбалансированное развитие всех территорий государства.

В частности, приоритетными государственными мероприятиями для обеспечения формирования и развития ИКТ, входящих в систему инфраструктурного обеспечения деятельности сельских домохозяйств, должны стать:

- принятие конкретных и эффективных мер по управлению развитием в государственном секторе экономики;
- формирование оптимальной нормативно-правовой базы, позволяющей создать динамично развивающийся конкурентоспособный частный сектор в сельском хозяйстве телекоммуникаций и услуг ИКТ;
- введение адресных эффективных и транспарентных государственных субсидий с высокой социальной отдачей, но низким финансовым вложением (это особенно необходимо в условиях развивающихся стран, где государственные институты зачастую неэффективны, коррумпированы и неподотчётны; данная проблема приобретает ещё большее значение в государствах с последствиями тяжёлого экономического и политического кризисов).

Перечисленные выше мероприятия направлены на формирование государственной политики, базирующейся на привлечении технологий и инвестиций, необходимых для улучшения доступа сельских домохозяйств к информационным услугам на основе внедрения ИКТ.

Такие инновационные технологии предоставят стратегические возможности управляющим органам и практическим работникам в сфере развития сельского хозяйства и развития сельских регионов, а также позволят сформировать предпосылки для развития государственной политики и институтов, важных для достижения социально-экономического прогресса в интересах сельского населения.

Инфраструктурное обеспечение деятельности сельских домохозяйств должно представлять собой фонд ИКТ, состоящий из основных телекоммуникационных сетей, баз данных, программного обеспечения, аппаратных средств и процедур, управляемых квалифицированными специалистами. Создание и поддержание такой сложной инфраструктуры в условиях глобализации бизнеса требует тщательного планирования и последовательной реализации стратегических инициатив и преобразований в сфере сельского хозяйства.

Таким образом, для эффективного инфраструктурного обеспечения деятельности сельских домохозяйств целесообразно формирование комплексной системы мероприятий по обеспечению безопасности информационной инфраструктуры, включая её целостность, доступность и стабильное функционирование с использованием российских информационных технологий с целью повышения уровня защищённости пользователей системы от внешнего негативного воздействия на объекты информационной инфраструктуры.

При формировании ИКТ в системе инфраструктурного обеспечения деятельности сельских домохозяйств в процессе разработки инфраструктуры и архитектуры информационной системы необходимо учитывать общие долгосрочные стратегические планы регионального развития и развития сельских домохозяйств. Предложенные меры в развитии сельских домохозяйств целесообразно реализовывать на территории ЛНР.

Выводы

На основании проведенного научного исследования можно прийти к выводу, что повышение государственной продовольственной безопасности должно быть обеспечено через стратегическое планирование и стать одним из важнейших приоритетов для социально-экономического развития Луганского региона.

Перспективными направлениями для развития деятельности сельских домохозяйств Луганского региона должны стать создание Ассоциации сельхозпроизводителей в качестве общественной организации по защите интересов и поддержке сельхозпроизводителей, а также развитие информационно-коммуникационных технологий.

Научная новизна исследования выражается в предложенном конкретном механизме информационно-коммуникационных технологий применительно к сельским домохозяйствам Луганского региона. Такая информационно-коммуникационная система должна опираться на согласованный фундамент, который определяет гибкость её организации по мере возникновения новых деловых или административных инициатив.

1. Попов М. В. Домохозяйство как экономический субъект и социально-экономический институт. – Текст: электронный // Известия Волгоградского государственного педагогического ун-та (ВГПУ), 2012. – С. 138–141 // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»: [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/domohozyaystvo-kak-ekonomicheskij-subekt-isotsialno-ekonomicheskij-institut> (дата обращения: 12.10.2020).
2. Дегтярева Т. Д., Чулкова Е. А., Золотых Е. С. Анализ материального положения сельского населения Оренбуржья // Известия Оренбургского государственного аграрного ун-та. – 2008. – № 2. – С. 137–140.
3. Тельнова Н. Н., Остапенко Е. А., Кобозев А. К. Сельские домашние хозяйства как объект управления в инновационной экономике региона. – Текст: электронный // Terra Economicus. – 2013. – Т. 11. – № 1, Ч. 3. – С. 127–131 // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»: [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/selskie-domashnie-hozyaystva-kak-obekt-upravleniyav-innovatsionnoy-ekonomike-regiona> (дата обращения: 18.10.2020).

4. Токсанбаева М.С., Лежнева Ю.А. Влияние политики занятости на структуру рабочей силы // Экономическая наука современной России. – 2010. – № 4. – С. 55–67.
5. Хайкин М.М. Управление сферой услуг: роль домохозяйства. – Текст: электронный // Известия Российского государственного педагогического ун-та им. А.И. Герцена, 2007. – С. 126–136 // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»: [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/upravlenie-sferoy-uslug-rol-domohozyaystva> (дата обращения: 10.10.2020).
6. Денисенко И.А. Теоретико-методические подходы к прогнозированию экономического развития домохозяйств и малых предприятий // Менеджер. Вестник Донецкого государственного университета управления, 2018. – С. 21–30.
7. Денисенко И.А., Пономарев А.А. Приоритеты устойчивого развития сельских домохозяйств и предпринимательских структур в системе развития региона // Материалы II Международной научно-практической конференции Воронежского государственного аграрного университета им. Императора Петра I (г. Воронеж, 2019). – Воронеж, 2019. – С. 92–96.
8. Развитие предпринимательства в условиях хозяйственного комплекса Луганской Народной Республики / В.И. Богачев, В.Г. Пеннер, И.А. Денисенко, А.Н. Рипка; под ред. академика В.И. Богачева. – Луганск, 2018. – 173 с.
9. Денисенко И.А. Совершенствование управления АПК на основе стратегического планирования, эффективного землепользования и системной активизации деятельности сельских домохозяйств: монография. – Луганск: Книта, 2018. – 348 с. – С. 260–273.
10. Актуальные вопросы системы управления хозяйственным комплексом Луганской Народной Республики / В.И. Богачев, В.Г. Пеннер, В.Г. Ткаченко [и др.]. – Луганск: Промпечать, 2016. – С. 308–313.
11. Фатхутдинов Р.А. Стратегический менеджмент. – 2-е изд., доп. – Москва: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-синтез», 2013. – 367 с.
12. Чулкова Е.А. Сельские домашние хозяйства как многофункциональный объект управления в региональной экономике. – Текст: электронный // Известия Оренбургского государственного аграрного ун-та, 2012 – С. 158–161 // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»: [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/selskie-domashnie-hozyaystva-kakmnogofunktsionalnyy-obekt-upravleniya-v-regionalnoy-ekonomike> (дата обращения: 18.10.2020).
13. Шаймарданов Н.З., Неклюдова Н.П. Особенности регулирования занятости в условиях дефицита трудовых ресурсов // Экономика региона. – 2011. – № 1. – С. 66–69.
14. Денисенко И.А. Стратегическое планирование и прогнозирование деятельности сельских домохозяйств с целью активизации предпринимательской деятельности // Вестник Луганского национального университета имени Владимира Даля. – 2019. – № 8 (26). – С. 18–27.
15. О развитии сельского хозяйства: Закон ЛНР (с изменениями, внесёнными Законом ЛНР от 11.09.2017 г. № 184-П). – Текст: электронный // Народный совет Луганской Народной Республики: [сайт]. – URL: <https://www.nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/3152/> (дата обращения: 15.10.2020).
16. Денисенко И.А., Денисенко А.Н. Организация процесса производства продукции домохозяйствами в системе предпринимательства // Труды Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (Краснодар). – 2019. – № 76. – С. 21–30.

17. Денисенко И.А. Функционирование и развитие предпринимательства в условиях цифровой экономики // Сервис в России и за рубежом. – 2018. – Т. 12, № 4 (82). – С. 84–98.

Транслитерация

1. Popov M. V. Domohozyajstvo kak ekonomicheskij sub"ekt i social'no-ekonomicheskij institut. – Tekst: elektronnyj // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo un-ta (VGPU), 2012. – S. 138–141 // Nauchnaya elektronnyaya biblioteka «KiberLeninka»: [sajt]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/domohozyaystvo-kak-ekonomicheskij-subekt-isotsialno-ekonomicheskij-institut> (data obrashcheniya: 12.10.2020).
2. Degtyareva T. D., Chulkova E. A., Zolotyh E. S. Analiz material'nogo polozheniya sel'skogo naseleniya Orenburzh'ya // Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo un-ta. – 2008. – № 2. – S. 137–140.
3. Tel'nova N. N., Ostapenko E. A., Kobozev A. K. Sel'skie domashnie hozyajstva kak ob"ekt upravleniya v innovacionnoj ekonomike regiona. – Tekst: elektronnyj // Terra Economicus. – 2013. – Т. 11. – № 1, Ch. 3. – S. 127–131 // Nauchnaya elektronnyaya biblioteka «KiberLeninka»: [sajt]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/selskie-domashnie-hozyaystva-kak-obekt-upravleniyav-innovatsionnoy-ekonomike-regiona> (data obrashcheniya: 18.10.2020).
4. Toksanbaeva M. S., Lezhneva Yu. A. Vliyanie politiki zanyatosti na strukturu rabochej sily // Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii. – 2010. – № 4. – S. 55–67.
5. Hajkin M. M. Upravlenie sferoj uslug: rol' domohozyajstva. – Tekst: elektronnyj // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo un-ta im. A. I. Gercena, 2007. – S. 126–136 // Nauchnaya elektronnyaya biblioteka «KiberLeninka»: [sajt]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/upravlenie-sferoy-uslug-rol-domohozyajstva> (data obrashcheniya: 10.10.2020).
6. Denisenko I. A. Teoretiko-metodicheskie podhody k prognozirovaniyu ekonomicheskogo razvitiya domohozyajstv i malyh predpriyatij // Menedzher. Vestnik Doneckogo gosudarstvennogo universiteta upravleniya, 2018. – S. 21–30.
7. Denisenko I. A., Ponomarev A. A. Prioritety ustojchivogo razvitiya sel'skih domohozyajstv i predprinimatel'skih struktur v sisteme razvitiya regiona // Materialy II mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii Voronezhskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta im. Imperatora Petra I (g. Voronezh, 2019). – Voronezh, 2019. – S. 92–96.
8. Razvitie predprinimatel'stva v usloviyah hozyajstvennogo kompleksa Luganskoj Narodnoj Respubliki / V. I. Bogachev, V. G. Penner, I. A. Denisenko, A. N. Ripka; pod red. akademika V. I. Bogacheva. – Lugansk, 2018. – 173 s.
9. Denisenko I. A. Sovershenstvovanie upravleniya APK na osnove strategicheskogo planirovaniya, effektivnogo zemlepol'zovaniya i sistemnoj aktivizacii deyatel'nosti sel'skih domohozyajstv: monografiya. – Lugansk: Knita, 2018. – 348 s. – S. 260–273.
10. Aktual'nye voprosy sistemy upravleniya hozyajstvennym kompleksom Luganskoj Narodnoj Respubliki / V. I. Bogachev, V. G. Penner, V. G. Tkachenko [i dr.]. – Lugansk: Prompechat', 2016. – S. 308–313.
11. Fathutdinov R. A. Strategicheskij menedzhment. – 2-e izd., dop. – Moskva: ZAO «Biznesshkola «Intel-sintez», 2013. – 367 s.
12. Chulkova E. A. Sel'skie domashnie hozyajstva kak mnogofunkcional'nyj ob"ekt upravleniya v regional'noj ekonomike. – Tekst: elektronnyj // Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo un-ta, 2012 – S. 158–161 // Nauchnaya elektronnyaya biblioteka «KiberLeninka»: [sajt]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/selskie-domashnie>

- hozyaystva-kakmnogofunktionalnyy-obekt-upravleniya-v-regionalnoy-ekonomike (data obrashcheniya: 18.10.2020).
13. Shajmardanov N. Z., Neklyudova N. P. Osobennosti regulirovaniya zanyatosti v usloviyah defitsita trudovykh resursov // *Ekonomika regiona*. – 2011. – № 1. – S. 66–69.
 14. Denisenko I. A. Strategicheskoe planirovanie i prognozirovaniye deyatelnosti sel'skih domochozyajstv s cel'yu aktivizatsii predprinimatel'skoj deyatelnosti // *Vestnik Luganskogo nacional'nogo universiteta imeni Vladimira Dalya*. – 2019. – № 8 (26). – S. 18–27.
 15. O razvitii sel'skogo hozyajstva: Zakon LNR (s izmeneniyami, vneshennymi Zakonom LNR ot 11.09.2017 g. № 184-II). – Tekst: elektronnyj // *Narodnyj sovet Luganskoy Narodnoj Respubliki*: [sajt]. – URL: <https://www.nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/3152/> (data obrashcheniya: 15.10.2020).
 16. Denisenko I. A., Denisenko A. N. Organizatsiya processa proizvodstva produkcii domochozyajstvami v sisteme predprinimatel'stva // *Trudy Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta im. I. T. Trubilina (Krasnodar)*. – 2019. – № 76. – S. 21–30.
 17. Denisenko I. A. Funkcionirovanie i razvitie predprinimatel'stva v usloviyah cifrovoj ekonomiki // *Servis v Rossii i za rubezhom*. – 2018. – T. 12, № 4 (82). – S. 84–98.

© И. А. Денисенко, 2020

© И. В. Ретивцев, 2020

© А. Н. Денисенко, 2020

Для цитирования: Денисенко И. А., Ретивцев И. В., Денисенко А. Н. Повышение эффективности сельских домохозяйств на основе активизации системы инфраструктурного обеспечения // *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 165–179.

For citation: Denisenko I. A., Retivtsev I. V., Denisenko A. N. Improving the efficiency of rural households through the use of their infrastructure system, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2020, Vol. 12, № 4, pp. 165–179.

DOI [dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/165-179](https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/165-179)

Дата поступления: 23.11.2020.

УДК 377.35:629.7

Л. А. Терская

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Анализ реализации программ дополнительного профессионального образования в авиационном учебном центре: обратная связь со слушателями

Специалисту авиационной сферы под влиянием современной инновационной среды необходимо постоянно повышать свой профессиональный уровень и наращивать потенциал, для чего при каждом авиационном предприятии организуется авиационный учебный центр (АУЦ), в котором специалисты могут проходить переподготовку и повышать свою квалификацию. Посредством обратной связи может быть осуществлен обмен информацией для реализации совместной ответственности АУЦ и обучающихся в них специалистов воздушного транспорта за результаты обучения как важной современной черты личностно-ориентированного образования, для решения совместной задачи успешного усвоения учебного материала и приобретения профессиональных навыков. Цель статьи – анализ реализации программ дополнительного профессионального образования в АУЦ на основе обратной связи со слушателями. Анализ осуществлялся путем опроса (как основной формы организации и фиксации обратной связи) специалистов, прошедших повышение квалификации и курс профессиональной переподготовки до наступления пандемии. Разработана анкета, включающая условно две группы вопросов: 1) вопросы, связанные с мотивацией и качеством обучения, 2) вопросы, касающиеся формы обучения в АУЦ. Практическая значимость полученных результатов состоит в том, что продемонстрированы как положительные стороны деятельности АУЦ, так и определенные трудности, с которыми сталкиваются слушатели центра. Анализ реализации программ дополнительного профессионального образования проведен с учетом возрастных и гендерных особенностей слушателей. Изучен мотивационный аспект обучения слушателей в АУЦ, выявлена наилучшая с их точки зрения форма обучения в центре. Исследованы мнения респондентов разных возрастных категорий по вопросам, связанным с дистанционным обучением, и выявлены обстоятельства, препятствующие некоторым специалистам воздушного транспорта обучаться дистанционно. По результатам обратной связи сформулированы выводы и обозначены направления совершенствования процесса обучения в соответствии с требованиями современной жизни, в том числе и в условиях пандемии, для

Терская Людмила Александровна – канд. техн. наук, доцент кафедры дизайна и технологий; e-mail: terskayal@mail.ru

успешной реализации образовательных программ в полном объеме и в рамках всех направлений дополнительного профессионального образования АУЦ.

Ключевые слова и словосочетания: авиационный учебный центр, обратная связь, дополнительное профессиональное образование, повышение квалификации, профессиональная переподготовка, дистанционное обучение, специалист воздушного транспорта, образовательный процесс.

L. A. Terskaya

Vladivostok State University of Economics and Service

Vladivostok. Russia

Analysis of the implementation of additional professional education programs at the aviation training center: feedback with the listeners

An aviation specialist under the influence of the modern innovative environment needs to constantly improve their professional level and build up their own potential. For this reason, each aviation company organized the aviation training center, in which the professionals can undergo training and improve their advanced training. Through feedback, information can be exchanged for the implementation of joint responsibility of the aviation training center and air transport specialists trained in them for the results of training. This is important for solving the joint task of successful assimilation of educational material and acquisition of professional skills. The purpose of the article is to analyze the implementation of programs of additional professional education in the aviation training center based on feedback from listeners. The analysis was carried out by interviewing specialists who had completed advanced training and professional retraining before the onset of the pandemic. The questionnaire consists of two groups of questions: the first group – questions related to motivation and quality of training, the second group – with the form of training in the aviation training center. The practical significance of the results obtained is that they demonstrate both the positive aspects of the activity of the aviation training center, and certain difficulties that exist among the listeners of the center. The analysis of the implementation of additional professional education programs was carried out taking into account the age and gender characteristics of listeners. The motivational aspect of training listeners in the aviation training center was studied and the best form of training in the center was identified from their point of view. The opinions of respondents of different age categories on issues related to distance learning were listeners. Circumstances that prevent some air transport specialists from studying remotely have been identified. Based on the feedback results, conclusions are drawn and directions are outlined for improving the learning process in accordance with the requirements of modern life, including in the context of a pandemic. This is necessary for the successful implementation of educational programs in full and within all areas of additional professional education of the aviation training center.

Keywords: aviation training center, feedback, additional professional education, advanced training, professional retraining, distance learning, air transport specialists, educational process.

Введение

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Образование – это ключевой момент построения информационного общества [1]. Деятельность учебных центров, создающих со-

временные образовательные программы, адаптированные к потребностям экономики, основанной на знаниях как на уровне высшего образования, так и в формах повышения профессиональной компетентности и идей обучения в течение всей жизни, является ключевым фактором развития российского общества [2]. Специалисту авиационной сферы под влиянием современной инновационной среды необходимо постоянно повышать свой профессиональный уровень и наращивать собственный потенциал, для чего при каждом авиационном предприятии организуется авиационный учебный центр (АУЦ), в котором специалисты могут проходить переподготовку и повышать свою квалификацию. Посредством обратной связи может быть осуществлен обмен информацией для реализации совместной ответственности АУЦ и обучающихся в них специалистов за результаты обучения как важной современной черты личностно-ориентированного образования [3] для решения совместной задачи успешного усвоения учебного материала и приобретения профессиональных навыков.

Вопросы повышения квалификации и переподготовки кадров обсуждаются в последнее время достаточно широко [4–8]. Исследователи отмечают как наиболее эффективное направление решения этих вопросов деятельность отраслевых организаций дополнительного профессионального образования. В гражданской авиации они организуются на базе аэропортов и авиакомпаний [9–12]. Различия в подготовке проявляются в том, что авиационные учебные центры при авиакомпаниях имеют широкий спектр программ подготовки, включающий обучение инженерно-технического персонала, обслуживающего воздушные суда, кабинный экипаж, инструкторов, переподготовку членов летного экипажа, в то время как авиационные учебные центры при аэропортах готовят специалистов наземных служб аэропорта. Среди преимуществ АУЦ: своевременность обновления учебно-методических материалов и программ; удобные для работников авиакомпаний сроки, формы обучения и другие договорные условия; использование в качестве преподавателей наиболее квалифицированных работников авиакомпаний. Кроме того, открытие на базе собственного предприятия учебного учреждения позволяет снизить затраты на обучение сотрудников, а также получать прибыль, осуществляя подготовку лиц сторонних организаций. Основные формы проведения занятий в АУЦ: очная, очно-заочная с применением электронного обучения и заочная с применением дистанционных технологий, позволяющих образованию быть более доступным. При этом дистанционное обучение относят к самостоятельной информационно-коммуникационной технологии [13]. Как важнейший фактор инновационно-ориентированной организации современного образовательного процесса дистанционное обучение способствует повышению его эффективности [14–19] и очень хорошо подходит для дополнительного профессионального образования. Однако электронное обучение в нашей стране практически не имеет опыта и находится на стадии развития [20]. К проблемам дистанционного образования можно отнести: 1) дистанционное обучение эффективно при наличии высокой мотивации к обучению и самоорганизации; 2) дистанционное образование не подходит для развития многих профессионально важных качеств; 3) с его помощью невозможно формирование

практических навыков. Актуальны также проблемы идентификации пользователя, недостаточной компьютерной грамотности, разработки специального технического и методического обеспечения учебного процесса [21].

Для решения вопросов, связанных с реализацией программ повышения квалификации и переподготовки кадров в системе дополнительного профессионального образования, в том числе и в форме дистанционного обучения, немаловажную роль играет обратная связь со слушателями. По мнению исследователей, рассматривающих подходы к организации регулярного и профессионального обмена информацией в ходе образовательного процесса [22–24], основной формой организации и фиксации обратной связи является опрос. Обращает на себя внимание так называемая академическая обратная связь, исходящая от обучающихся или других участников педагогического процесса о самом процессе, содержании, методах, формах и средствах обучения [3], а также относительно важная характеристика эффективной обратной связи – её конструктивный характер и направленность на конкретного учащегося или группу учащихся. Однако вопросы, связанные с анализом реализации программ повышения квалификации и переподготовки кадров в АУЦ на основе обратной связи со специалистами, окончившими АУЦ, в научной литературе не представлены и требуют изучения.

Формирование целей статьи (постановка задания). Цель статьи – анализ реализации программ повышения квалификации и переподготовки кадров в АУЦ на основе обратной связи со слушателями. Исследование проведено на примере Авиационного учебного центра АО «Международный аэропорт Владивосток» (АУЦ АО «МАВ») – единственного учебного центра на Дальнем Востоке, реализующего программы подготовки специалистов наземных служб аэропорта. Методологические подходы – системный и структурно-функциональный. Методы исследования – теоретический анализ, анализ документов и опрос в форме анкетирования.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Работа проводилась со слушателями АУЦ АО «МАВ» – специалистами воздушного транспорта, прошедшими повышение квалификации и курс профессиональной подготовки в 2019–2020 годах до наступления пандемии. Анализ осуществлялся путем опроса как основной формы организации и фиксации обратной связи. Для этого была разработана анкета, включающая условно две группы вопросов: 1) вопросы, связанные с мотивацией и качеством обучения, 2) вопросы, касающиеся формы обучения в АУЦ. В опросе приняли участие 108 человек. Среди респондентов – 28 женщин и 80 мужчин, что составляет 26 и 74% соответственно. Уровень образования респондентов: 59 чел. (55%) – среднее профессиональное образование, 49 чел. (45%) – высшее образование. Среди опрошенных возрастная группа 22–35 лет составила 31%, 36–55 лет – 62%, 56–76 лет – 7%. Респонденты – слушатели пяти направлений подготовки АУЦ (см. рисунок).

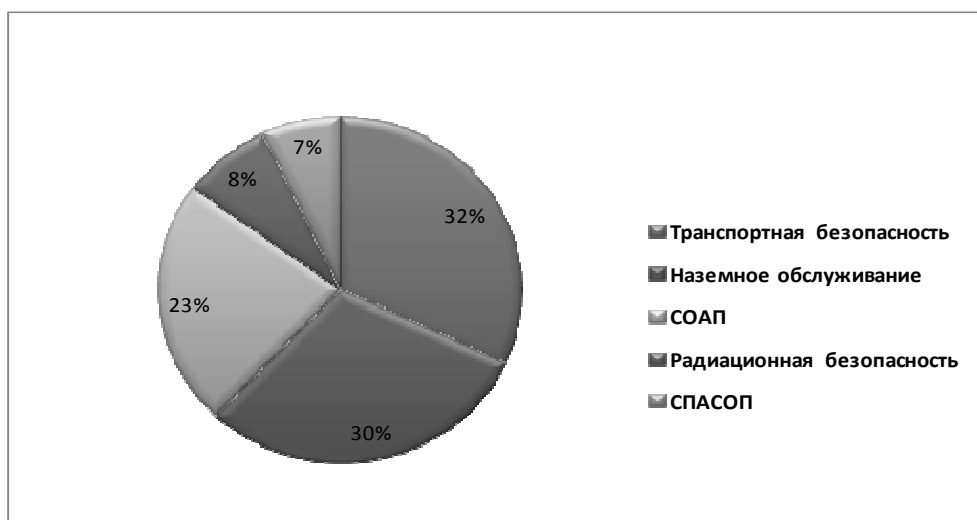

Рис. Распределение респондентов по направлениям программ подготовки дополнительного профессионального образования

Наибольшее количество опрошенных получили дополнительное образование по направлениям: транспортная безопасность (32%), наземное обслуживание воздушных судов (30%) и подготовка специалистов службы организации авиационных перевозок (СОАП) – (23%). При этом в группах слушателей программ по транспортной безопасности и наземному обслуживанию воздушных судов среди респондентов преобладают слушатели возрастной категории 36–55 лет (85 и 63% соответственно), среди слушателей программы подготовки специалистов СОАП – возрастная категория 22–35 лет (84%).

Таким образом, в одной группе АУЦ могут одновременно обучаться слушатели с разным уровнем образования, разного возраста и опыта работы, поскольку группы формируются по мере окончания трехлетнего срока после первоначального обучения или предыдущего повышения квалификации. Другими словами, необходимо повышать квалификацию в срок, предусмотренный законодательством.

Все опрошенные проходили очно-заочное обучение, за исключением слушателей программы по наземному обслуживанию воздушных судов – для этого направления в АУЦ предусмотрена очная форма обучения. Анкетирование проводилось в период пандемии в формате on-line.

Результаты опроса показали следующее. Мотивом обучения в АУЦ для всех респондентов, принявших участие в исследовании, послужила необходимость повышения квалификации в срок, предусмотренный законодательством. При этом больше половины опрошенных (57%) указали на необходимость совершенствования знаний и навыков в своей профессиональной деятельности. Причем этот показатель оказался выше в возрастной группе 36–55 лет (63%) в сравнении с группой 22–35 лет (53%), а в возрастной категории 56–76 лет он составил 29%.

Лишь 2% респондентов среди мотивов к обучению отметили также смену сферы деятельности. Таким образом, помимо необходимости повышения квалификации в срок, предусмотренный законодательством, стремлением к профессиональному развитию руководствуются больше половины специалистов воздушного транспорта. Тем не менее, доля лишь формальных мотивов к обучению весьма высока (43%) и характерна для специалистов всех возрастных групп: 37% (36–55 лет), 47% (22–35 лет), 71% (56–76 лет), что в известной степени указывает на необходимость совершенствования и актуализации процесса обучения в соответствии с требованиями современной жизни.

Результаты повышения квалификации отметили как «хорошие» 75% всех опрошенных и как «отличные» – 25%, что свидетельствует о достаточно высокой степени удовлетворенности слушателей результатами своего обучения в АУЦ. При этом среди слушателей направления СПАСОП (служба поискового и аварийно-спасательного обеспечения полетов) преобладала оценка «отличные результаты» (88%). Ответы на вопросы анкеты показали, что знания и навыки, полученные во время повышения квалификации, используют в своей работе все респонденты. Все респонденты ответили положительно на вопросы: «Удовлетворило ли Ваши потребности компьютерное обеспечение учебного процесса?» и «Всегда ли Вам была доступна необходимая информация, касающаяся учебного процесса?». Среди ответов на вопрос об удовлетворенности материально-техническим обеспечением учебного процесса оценки «Не удовлетворило» и «Не в полной мере удовлетворило» отсутствовали, 52% респондентов удовлетворены в большей степени, 48% – удовлетворены полностью. Таким образом, материально-техническое оснащение АУЦ поддерживается на должном уровне, и организация образовательного процесса обеспечивает достаточно высокую степень удовлетворенности слушателей результатами своего обучения в АУЦ.

Вторая группа вопросов относительно формы обучения начиналась с вопроса: «Насколько для Вас важна форма обучения в АУЦ?». Ответы распределились следующим образом: только для 21% опрошенных форма обучения не важна, для 73% – важна, для 6% – очень важна (и эти 6% – все женщины). При этом оказалось, что в возрастной группе 36–55 лет важной для себя считают форму обучения 54 чел. (81%), для 13 чел. (19%) форма обучения не очень важна. В группе 22–35 лет число респондентов, считающих форму обучения «очень важной» и «важной», в сумме составило 25 чел. (74%). В возрастной группе 56–76 лет ответа «не важна» не оказалось вовсе.

Наилучшей среди форм обучения в АУЦ 60% опрошенных считают очно-заочную форму, 34% – дистанционную, лишь 6% указали на очную форму. Если в возрастной группе 22–35 лет дистанционную форму считают наилучшей больше половины респондентов (59%), то в группе 36–55 лет таких респондентов всего 25%, а в группе 56–76 лет их не оказалось. Следует отметить, что 61% всех опрошенных женщин считают наилучшей именно дистанционную форму дополнительного образования, в то время как среди мужчин этот показатель

значительно ниже – 26%. Существенные различия в ответах на этот вопрос наблюдаются среди слушателей разных программ подготовки (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение ответов слушателей программ подготовки АУЦ на вопрос
«Какая, по Вашему мнению, форма обучения является наилучшей
в авиационных учебных центрах?»**

В процентах

Наименование программ подготовки		Форма обучения		
		дистанционная	очно-заочная	очная
Программы повышения квалификации	Транспортная безопасность	9	91	–
	Радиационная безопасность	22	78	–
	Наземное обслуживание ВС	28	53	19
	Подготовка специалистов СОАП	60	40	–
Программа подготовки специалистов СПАСОП		88	12	–

Данные таблицы свидетельствуют о том, что дистанционной форме обучения отдается предпочтение при реализации программ СОАП (60%) и СПАСОП (88%). Среди слушателей этих программ преобладает возрастная категория 22–35 лет. Другими словами, молодые люди давно уже привыкли пользоваться гаджетами, и электронное обучение вызывает у них более положительную реакцию [15]. Поэтому респонденты, освоившие программы АУЦ, продемонстрировали большую готовность работы с электронным учебным курсом. Ключевые факторы для выбора дистанционной формы: учеба без отрыва от основной деятельности (91%), индивидуальный темп обучения (53%), возможность обучаться в любом месте (21%), экономия денег и времени (15%), что является весьма важным критерием в современном ритме жизни и в условиях пандемии. Для остальных программ подготовки наилучшей формой, по мнению опрошенных, признана очно-заочная. При этом предпочитающие эту форму респонденты (67 чел.) вполне обоснованно отмечали её преимущества: возможность совмещать работу и обучение (85%) и более гибкий график (48%). Определяющими факторами для всех выбравших очную форму (7 чел.) стали прямое взаимодействие с преподавателем и прохождение практики.

Следует указать на тот факт, что из слушателей (71 чел.), считающих целесообразным в АУЦ очную и очно-заочную форму обучения, 21 чел. (30%) отметили свой уровень владения компьютером как начальный. Более того, на вопрос ко всем респондентам: «Имеете ли вы возможность обучаться дистанционно?» – ответы условно разделились на две группы (табл. 2).

В первой группе утвердительные ответы составили 54,6% (59 чел.) и ответы «Скорее да, чем нет» – 26% (28 чел.). Во второй группе ответов 17 чел. (15,7%)

указали, что у них нет возможности обучаться дистанционно, а 4 чел. (3,7%) затруднились с ответом. При этом в возрастной группе 22–35 лет практически отсутствуют затруднения в возможности обучаться дистанционно, в то время как в группах 36–55 и 56–76 лет такие люди есть (14 и 6 чел. соответственно). Причинами, препятствующими дистанционной форме обучения, были названы «Страх непонимания, что надо будет делать или куда нажимать» (14 чел.) и «Необходимость иметь доступ к Интернету» (7 чел. возрастной группы 56–76 лет). Иначе говоря, в силу указанных обстоятельств часть опрошенных не в состоянии обучаться дистанционно – они никак не относят себя к уверенным пользователям компьютера и/или не имеют технического обеспечения (компьютер, Интернет) в личном пользовании. Ввиду этих обстоятельств можно предположить, что и проведение данного опроса в формате on-line в известной степени ограничило число респондентов.

Таблица 2

Распределение ответов слушателей по возрастным группам на вопросы, связанные с дистанционным обучением

Вопрос	Варианты ответов на вопрос	Количество ответов				
		Возрастные группы			Всего	
		22–35	36–55	56–76		
Имеете ли Вы возможность обучаться дистанционно?	Да	28	31	–	59	108
	Скорее да, чем нет	5	22	1	28	
	Нет	–	12	5	17	
	Затрудняюсь ответить	1	2	1	4	
Если Вы выбрали ответы «Нет» и «Затрудняюсь ответить», отметьте, что вызывает у Вас затруднения	Страх непонимания, что надо будет делать или куда нажимать	1	11	2	14	21
	Необходимость иметь доступ к Интернету	–	–	7	7	

Результаты опроса показали, что из интерактивных технологий предпочтение отдается семинарам. Однако в возрастной категории 22–35 лет преимущество остается у тренингов, после чего идут семинары и мастер-классы, что свидетельствует о стремлении слушателей АУЦ этой возрастной группы (главным образом, слушателей-женщин программы подготовки специалистов СОАП) динамично развивать и совершенствовать приемы в своей работе и расти профессионально.

Таким образом, для успешной реализации программ повышения квалификации и переподготовки в АУЦ автором предложено учитывать: возрастную и гендерный аспекты формирования групп слушателей; реальный уровень владения ими компьютером и техническое обеспечение в личном пользовании

слушателя (при дистанционной форме обучения); желание динамично развиваться и совершенствовать приемы в своей работе и расти профессионально.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. По результатам обратной связи со специалистами воздушного транспорта, прошедшими повышение квалификации и курс профессиональной подготовки в 2019–2020 годах до наступления пандемии, можно сделать следующие выводы. Практическая значимость полученных результатов состоит в том, что продемонстрированы положительные стороны деятельности АУЦ, выявлены определенные трудности, с которыми сталкиваются слушатели центра. Для всех респондентов, принявших участие в исследовании, мотивационным аспектом обучения в АУЦ была необходимость повышения квалификации в срок, предусмотренный законодательством. На личностное стремление к профессиональному развитию указали немногим больше половины опрошенных всех возрастных групп, что в известной степени свидетельствует о необходимости совершенствования и актуализации процесса обучения в соответствии с требованиями современной жизни.

Установлено, что материально-техническое оснащение АУЦ поддерживается на должном уровне, и организация образовательного процесса обеспечивает достаточно высокую степень удовлетворенности слушателей результатами своего обучения в АУЦ.

Гендерный и возрастной аспекты исследования показали, что форма обучения важна для значительного большинства слушателей всех возрастов. Больше половины всех респондентов как наилучшую отметили очно-заочную форму обучения в АУЦ. Однако свыше 60% всех опрошенных женщин считают наилучшей дистанционную форму дополнительного образования, в то время как среди мужчин этот показатель составил немногим больше четверти всех опрошенных мужчин. Отдают предпочтение дистанционному образованию больше половины респондентов возрастной группы 22–35 лет и слушатели программ подготовки СОАП и СПАСОП, среди которых доля этой возрастной категории также высока. Другими словами, для молодых респондентов электронное обучение вызывает более благоприятную положительную реакцию.

Результаты анкетирования продемонстрировали, что часть опрошенных не в состоянии обучаться дистанционно – они никак не относят себя к уверенным пользователям компьютера и/или не имеют технического обеспечения (компьютер, Интернет) в личном пользовании. В этом случае целесообразно предоставить возможность таким слушателям АУЦ использовать ресурсы центра и условия для работы, чтобы они осваивали навыки работы с компьютером и становились уверенными пользователями. Необходима также доступность системы дистанционного обучения для любого уровня пользователя, в том числе и для непрофессионала, что позволит эффективно вовлечь их в образовательный процесс в удаленном формате. На фоне борьбы с распространением коронавируса АУЦ особенно важно идентифицировать слабые места, используя, в том числе, конструктивный характер обратной связи

со слушателями для качественного перехода в онлайн-формат. Это даст возможность специалистам авиационной сферы продолжать повышать квалификацию и профессиональную переподготовку в дистанционной форме обучения в полном объеме и в рамках всех направлений дополнительного профессионального образования АУЦ.

1. Анохов И. В. Движущие силы Индустрии 4.0 и ее последствия для человека и экономики. Новые основания для сборки общества // Известия Байкальского государственного университета – 2019. – Т. 29, № 3. – С. 379–387.
2. Тагаров Б. Ж. Особенности глобального рынка информационных товаров // Российское предпринимательство. – 2018. – Т. 19, № 5. – С. 1425–1436.
3. Корнев А. А. Обратная связь в обучении и педагогическом общении // Rhema. Рема. – 2018. – №2. – С. 112–127.
4. Трофимова Л. Н. Принципы организации повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов в современных условиях // European Social Science Journal. – 2018. – №6. – С. 338–341.
5. Ерошенко А. В., Трофимова Л. Н. Основные положения организации повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов в современных условиях // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – №61-12. – С. 80–83.
6. Маринченко М. В. Роль подготовки, переподготовки и повышения квалификации персонала в повышении экономической эффективности организации // Известия Регионального финансово-экономического института. – 2017. – №3. – С. 5.
7. Трофимова Л. Н. Проблема мотивации учебной деятельности у слушателей курсов профессиональной переподготовки // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – С. 701.
8. Ильина Л. Н., Соколова И. И. Организационно-педагогические функции учебного центра предприятия в решении новых задач корпоративного обучения // Человек и образование. – 2018. – №4 (57). – С. 111–117.
9. Солнцев М. А. Профессиональные компетенции в программах авиационных учебных центров // Человеческий капитал и профессиональное образование. – 2017. – №2. – С. 36–47.
10. Нестеренко Ю. А. Особенности подготовки и повышения квалификации работников предприятий гражданской авиации // Наука через призму времени, 2017. – С. 126–130.
11. Чумакова Я. А. Состояние профессионального обучения в гражданской авиации // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – №63-3. – С. 252–254.
12. Макиевская Ю. Ю., Михина Г. Б. Педагогические условия организации образовательного процесса в системе дополнительного профессионального образования, включая авиационные учебные центры // Вестник современных исследований. – 2020. – №3-1. – С. 8–23.
13. Тужикова Е. С. Информационно-коммуникативные технологии в современном образовании // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – №2. – С. 296–299.
14. К вопросу об эффективности дистанционного обучения: исследование представлений / О. С. Виндекер [и др.] // Педагогическое образование в России. – 2017. – №10. – С. 86–91.

15. Булаева М. Н., Ваганова О. И., Гладкова М. Н. Деятельностные технологии в профессиональном образовательном учреждении // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7, №. 3 (24). – С. 166–170.
16. Электронные образовательные ресурсы как средство повышения качества образования / О. И. Ваганова [и др.] // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9, №2. – С. 203–207.
17. Лысенко Е. А., Можаров М. С. Дистанционные образовательные технологии в учебном процессе дополнительного образования // Информационно-коммуникационные технологии в педагогическом образовании. – 2020. – №2. – С. 83–92.
18. Баранникова Н. А., Павличева Е. Н. Потенциал цифрового образования в области повышения квалификации и профессиональной переподготовки // Сборник трудов по проблемам дополнительного профессионального образования. – 2018. – №34. – С. 26–33.
19. Попова О. А. Особенности реализации дополнительных профессиональных программ с использованием системы дистанционных образовательных технологий // Евразийский юридический журнал. – 2019. – №8. – С. 352–353.
20. Татаринев К. А., Шайдурова М. П. Барьеры российского электронного обучения // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2020. – Т. 9, №2. – С. 296–298.
21. Иконникова Г. Ю., Лисовская Н. Б., Тужикова Е. С. Проблема цифровизации в современном образовании (на примере РГПУ им. А. И. Герцена) // Психология человека в образовании. – 2020. – Т. 2, № 2. – С. 150–156.
22. Харламова И. Ю. Обратная связь с аудиторией в образовательном процессе вуза // Базис. – 2018. – №2(4). – С. 49–51.
23. Бессонов К. А. Обратная связь в педагогическом взаимодействии преподавателя и студента // *Juvenis scientia*. – 2016. – №2. – С. 86–89.
24. Кукуев Е. А., Соловьева Е. А., Федина Л. В. Обратная связь как механизм осуществления открытости образовательного процесса // Проблемы современного педагогического образования. – 2016. – №51-6. – С. 392–398.

Транслитерация

1. Anohov I. V. Dvizhushchie sily Industrii 4.0 i ee posledstviya dlya cheloveka i ekonomiki. Novye osnovaniya dlya sborki obshchestva // *Izvestiya Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta* – 2019. – Т. 29, № 3. – С. 379–387.
2. Tagarov B. Zh. Osobennosti global'nogo rynka informacionnyh tovarov // *Rossijskoe predprinimatel'stvo*. – 2018. – Т. 19, № 5. – С. 1425–1436.
3. Korenev A. A. Obratnaya svyaz' v obuchenii i pedagogicheskom obshchenii // *Rhema. Rema*. – 2018. – №2. – С. 112–127.
4. Trofimova L. N. Principy organizacii povysheniya kvalifikacii i professional'noj perepodgotovki specialistov v sovremennyh usloviyah // *European Social Science Journal*. – 2018. – №6. – С. 338–341.
5. Eroshenko A. V., Trofimova L. N. Osnovnye polozheniya organizacii povysheniya kvalifikacii i professional'noj perepodgotovki specialistov v sovremennyh usloviyah // *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya*. – 2020. – №61-12. – С. 80–83.
6. Marinchenko M. V. Rol' podgotovki, perepodgotovki i povysheniya kvalifikacii personala v povyshenii ekonomicheskoy effektivnosti organizacii // *Izvestiya Regional'nogo finansovo-ekonomicheskogo instituta*. – 2017. – №3. – С. 5.

7. Trofimova L. N. Problema motivacii uchebnoj deyatel'nosti u slushatelej kursov professional'noj perepodgotovki // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. – 2014. – № 6. – S. 701.
8. Il'ina L. N., Sokolova I. I. Organizacionno-pedagogicheskie funkcii uchebnogo centra predpriyatiya v reshenii novyh zadach korporativnogo obucheniya // *Chelovek i obrazovanie*. – 2018. – №4 (57). – S. 111–117.
9. Solncev M. A. Professional'nye kompetencii v programmah aviacionnyh uchebnyh centrov // *Chelovecheskij kapital i professional'noe obrazovanie*. – 2017. – №2. – S. 36–47.
10. Nesterenko Yu. A. Osobennosti podgotovki i povysheniya kvalifikacii rabotnikov predpriyatij grazhdanskoj aviacii // *Nauka cherez prizmu vremeni*, 2017. – S. 126–130.
11. Chumakova Ya. A. Sostoyanie professional'nogo obucheniya v grazhdanskoj aviacii // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. – 2019. – №63-3. – S. 252–254.
12. Makievskaya Yu. Yu., Mihina G. B. Pedagogicheskie usloviya organizacii obrazovatel'nogo processa v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya, vlyuchaya aviacionnye uchebnye centry // *Vestnik sovremennyh issledovanij*. – 2020. – №3-1. – S. 8–23.
13. Tuzhikova E. S. Informacionno-kommunikativnye tekhnologii v sovremennom obrazovanii // *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. – 2015. – №2. – S. 296–299.
14. K voprosu ob effektivnosti distancionnogo obucheniya: issledovanie predstavlenij / O. S. Vindeker [i dr.] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. – 2017. – №10. – S. 86–91.
15. Bulaeva M. N., Vaganova O. I., Gladkova M. N. Deyatel'nostnye tekhnologii v professional'nom obrazovatel'nom uchrezhdenii // *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal*. – 2018. – T. 7, №. 3 (24). – S. 166–170.
16. Elektronnye obrazovatel'nye resursy kak sredstvo povysheniya kachestva obrazovaniya / O. I. Vaganova [i dr.] // *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal*. – 2020. – T. 9, №2. – S. 203–207.
17. Lysenko E. A., Mozharov M. S. Distancionnye obrazovatel'nye tekhnologii v uchebnom processe dopolnitel'nogo obrazovaniya // *Informacionno-kommunikacionnye tekhnologii v pedagogicheskom obrazovanii*. – 2020. – №2. – S. 83–92.
18. Barannikova N. A., Pavlicheva E. N. Potencial cifrovogo obrazovaniya v oblasti povysheniya kvalifikacii i professional'noj perepodgotovki // *Sbornik trudov po problemam dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya*. – 2018. – №34. – S. 26–33.
19. Popova O. A. Osobennosti realizacii dopolnitel'nyh professional'nyh programm s ispol'zovaniem sistemy distancionnyh obrazovatel'nyh tekhnologij // *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal*. – 2019. – №8. – S. 352–353.
20. Tatarinov K. A., Shajdurova M. P. Bar'ery rossijskogo elektronnoogo obucheniya // *Azimuth nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya*. – 2020. – T. 9, №2. – S. 296–298.
21. Ikonnikova G. Yu., Lisovskaya N. B., Tuzhikova E. S. Problema cifrovizacii v sovremennom obrazovanii (na primere RGPU im. A. I. Gercena) // *Psihologiya cheloveka v obrazovanii*. – 2020. – T. 2, № 2. – S. 150–156.
22. Harlamova I. Yu. Obratnaya svyaz' s auditoriej v obrazovatel'nom processe vuza // *Bazis*. – 2018. – №2(4). – S. 49–51.
23. Bessonov K. A. Obratnaya svyaz' v pedagogicheskom vzaimodejstvii prepodavatelya i studenta // *Juvenis scientia*. – 2016. – №2. – S. 86–89.
24. Kukuev E. A., Solov'eva E. A., Fedina L. V. Obratnaya svyaz' kak mekhanizm osushchestvleniya otkrytosti obrazovatel'nogo processa // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. – 2016. – №51-6. – S. 392–398.

© Л.А. Терская, 2020

Для цитирования: Терская Л. А. Анализ реализации программ дополнительного профессионального образования в авиационном учебном центре: обратная связь со слушателями // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 180–192.

For citation: Terskaya L. A. Analysis of the implementation of additional professional education programs at the aviation training center: feedback with the listeners, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2020, Vol. 12, № 4, pp. 180–192.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/180-192

Дата поступления: 27.11.2020.

УДК 168.522

В.Г. Ден¹

Н.А. Коноплева²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Формирование гастрономического культурного пространства Дальнего Востока корейскими переселенцами

Статья посвящена исследованию формирования гастрономического пространства в аспекте этнического взаимодействия корейских переселенцев и дальневосточных жителей. Установлено, что гастрономическое пространство Дальнего Востока сформировалось под влиянием ряда факторов: экономических, природно-климатических, социально-демографических и культурных. В работе использован исторический подход к исследованию культурного взаимопроникновения, который объясняется тем, что одновременно является результатом прошлого и важным фактором будущего инновационного развития территории.

Ключевые слова и словосочетания: культурная среда, гастрономическое пространство, культурное пространство, Дальний Восток России, культурное взаимодействие.

V.G. Den

N. A. Konopleva

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Formation of the gastronomic cultural space of the Far East by Korean immigrants

The article is devoted to the study of the formation of the gastronomic space in the aspect of ethnic interaction between Korean immigrants and far Eastern residents. It is established that the gastronomic space of the Far East was formed under the influence of a number of factors: economic, natural and climatic, socio-demographic and cultural. The paper uses a historical approach to the study of cultural interpenetration, which is explained by the fact that it is both the result of the past and an important factor in the future innovative development of the territory.

¹ Ден Валерия Гихоевна – магистрант 2 курса, кафедра туризма и экологии; e-mail: denlero4ka96@mail.ru

² Коноплева Нина Алексеевна – д-р культурологии, профессор; e-mail: nika.konopleva@gmail.com

Keywords: cultural environment, gastronomic space, cultural space, Russian far East, cultural interaction.

Сохранение этнических аспектов ежедневной деятельности человека и одновременное взаимопроникновение противоположных тенденций культуры различных народов формирует уникальное культурное пространство.

Пространство рассматривается как социокультурная сфера общества, которая включает в себя симбиоз культурных процессов и является основополагающим фактором человеческого бытия [1].

Термин «пространство» используется для описания «духовного мира человека, коммуникативных, социокультурных процессов в обществе, многообразия и взаимодействия различных культур» [2]. Симбиоз культур, входящих в пространство, состоит из самобытных проявлений народов и национальностей с сохранением уникальности их культурных обычаев и традиций и особой притягательной энергетики.

А.С. Бреславский обозначил культурное пространство как «систему устойчивых представлений, формирующихся в результате взаимодействия различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных психологических установок и картин мира» [3].

В свою очередь, А.С. Кармин определяет культурное пространство как «образованное множество феноменов культуры, переплетающихся и взаимодействующих между собой» [4]. Таким образом, культурное пространство вмещает в себя множество миров, входящих в соответствующую территорию, которые И.И. Свирида называет «культурными монадами» [5].

С этой точки зрения можно рассмотреть такое культурное пространство, как гастрономическое. Пища, как и любой другой феномен культуры, существует как средство ее выражения, обладает «силой как биологической необходимости, так и глубоко символического культурного артефакта, который соединяет нас друг с другом на нескольких уровнях» [6].

Гастрономическое пространство, взаимодействуя с географическим, политическим, этническим и лингвистическим, удовлетворяя биологические потребности, становится также инструментом формирования культурной идентичности проживающих на территории этносов и механизмом их социокультурного взаимодействия.

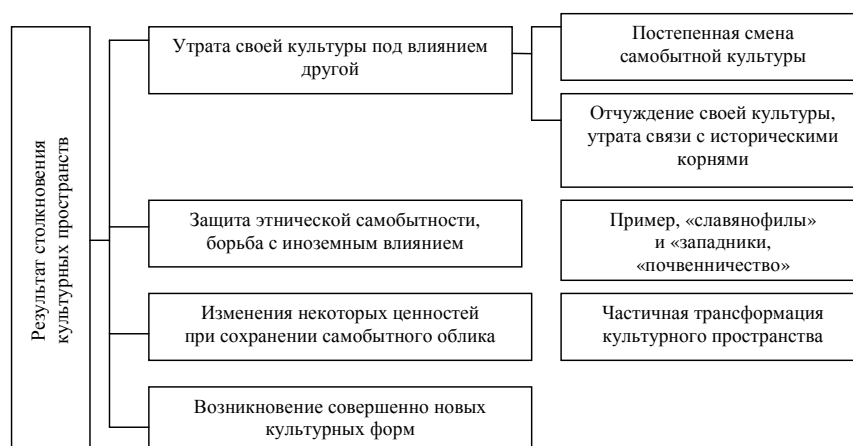
Особый исследовательский интерес, учитывая этническое разнообразие дальневосточных народов и привлекательность исследования специфики и проблем освоения дальневосточных территорий, направлен на такой предмет научного исследования, как формирование регионального культурно-гастрономического пространства Дальнего Востока.

Уникальность геополитического положения Дальнего Востока как контактной зоны для межкультурного взаимодействия в Азиатско-Тихоокеанском регионе является, по мнению В.С. Буриловой, ключевым структурообразующим фактором, определившим процесс заселения и развития территории [7].

Ввиду целостности культуры, взаимодействие и вторжение в привычные традиционные пространства могут приводить к существенным переменам

в культурной идентичности базового этноса и взаимодействующих с ним, к смене системы ценностей.

При контакте двух разнородных культурных пространств возможны несколько вариантов этнических трансформаций (рис. 1) [8].

Составлено автором по [8].

Рис. 1. Результат столкновения культурных пространств

Таким образом, можно выделить четыре варианта социокультурных перемен при столкновении культурных пространств:

- утрата народом своей культуры, что, на наш взгляд, можно сопоставить с процессами «ассимиляции»;
- борьба с иноземным влиянием;
- возникновение новых культурных ориентаций с сохранением общего самобытного облика культуры, что можно сравнить с процессами интеграции;
- возникновение новых культурных форм, которых не было ни в одной из взаимодействующих культур.

В отношениях между народами России и Кореи на российских дальневосточных территориях за короткое время уже имеют место революционные и эволюционные изменения во всех сферах жизни, в том числе в организации быта, приготовлении блюд, соблюдении кулинарных традиций приема и приготовления пищи, ритуалов и обычаев.

Причинами первых переселений корейцев на Дальний Восток России стали неурожай, сильное истощение корейских земель, голод, вызванный наводнением. Корейские эмигранты образовывали села, состоявшие из семей (например, село Тизинхе в долине реки Виноградная на территории Хасанского района) [9].

Основные виды деятельности корейских переселенцев представлены в таблице.

Виды деятельности корейских эмигрантов на Дальнем Востоке

Рейтинг (по популярности)	Вид деятельности		Описание
1	Сельское хозяйство	Двупольное хозяйство	Выращивание зерновых, злаковых и бобовых культур (ячмень, овес, бобы, чумиза (черный рис, головчатое просо), буда, кукуруза, соя, кунжут)
2	Овощеводство		Выращивание картофеля, китайской капусты, репы, тыквы, огурцов, белокочанной капусты, салата, красного перца, лука, чеснока и других овощей
3	Скотоводство		Разведение крупного рогатого скота в качестве тягловой силы (быки, коровы)
4	Рыболовство		Ловля рыбы и морских животных (особенно кеты, промысел трепанга, морской капусты и краба)

Примечание: составлено автором по [10–12].

Таким образом, основными занятиями корейского народа на территориях Дальнего Востока стали сельское хозяйство и овощеводство, скотоводство и рыболовный промысел.

Главным направлением в развитии скотоводческих хозяйств корейцев Дальнего Востока является разведение крупного рогатого скота. Считалось грехом питаться продуктами, приготовленными из животных, работавших на человека (коровы и быки использовались как тягловая сила), поэтому употреблялось мясо свиней (специально выращенных для получения мяса, служивших главным продуктом питания животного происхождения), диких зверей (змей), домашних птиц (гусей, уток, кур) без использования сала животных [12].

Агроном Н. А. Крюков отмечал: «Корейцы не употребляют молока, поэтому им нет надобности содержать коров. В хозяйстве содержится главным образом рабочий скот и лошади, но те и другие в крайне ограниченном количестве. Для пахоты употребляются быки (иногда коровы), запряженные по одному и реже парами. Хозяйство основано, главным образом, на ручном труде. Возделываются следующие растения: буда (мелкое просо), кукуруза, зуза (масленичное растение), бобы (soя), пшеница, гаолян, табак, овес (для сбыта русским) и всевозможные овощи. Посев всех растений рядовой и грядовой; в течение всего сезона за посевами тщательно ухаживают: смотря по надобности, их полют, прореживают и окучивают. Скота вообще содержится очень мало, поэтому в выгонах и сенокосах корейцы не ощущают особой нужды; из животных всюду имеются только свиньи, тогда как овцы совершенно отсутствуют» [10, с. 143].

Сходство физико-географических условий пространств исходного и нового позволило корейцам вести привычный образ жизни на российской земле. Необходимо отметить, что корейцы начали возделывать некоторые культуры только

на новом месте проживания – российском Дальнем Востоке. Наиболее распространенными зерновыми культурами были чумиза, кукуруза, овес и рис: «...из русских хлебов очень мало гречихи, но много овса, главным же образом и больше всего засеивают чумидзу, кукурузу и буду нескольких сортов яръ-буду, моги-цой мельче нашего проса, желтую; бѣлую буду-цой; красную цхари и черную, наше просо...» [12, с. 9].

Чумиза – древняя земледельческая культура, занимавшая самый большой объем по производству. Изначально появившись в Корее и Китае, к середине XX века она распространилась и в Европейской России.

В корейских хозяйствах над механическим преобладал ручной труд. Основными орудиями оставались серпы, мотыги, кирки. Только у 26,1% семей (из 3979), занимавшихся сельским хозяйством, имелись механические пахотные орудия [13, с. 171].

Кроме зернового хозяйства, корейские крестьяне занимались овощеводством, которое носило характер приусадебного огородничества. При этом в окрестностях больших городов – Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, Никольск-Уссурийского – создавались специализированные китайские и корейские овощеводческие хозяйства [11].

Корейские переселенцы занимались добычей рыбы и морских животных, доставкой их в другие города России, а также Китай и Японию. Например, жители села Краббе, расположенного на берегу одноименного полуострова, имея лодки и сопутствующее оборудование, занимались промыслом рыбы и перевозкой различных грузов водными путями. Наиболее высокие показатели по количеству добываемой морской продукции и количеству задействованных в этой сфере жителей приходится на конец XIX – начало XX века. В этот же период в заливах Петра Великого и Посыетском активно велась добыча трепангов, крабов и морской капусты (в 1910 году количество рыбаков начало сокращаться после введения запрета на вылов иностранцами) [10].

Жизненный уклад корейских семей значительно отличался от уклада восточнославянских жителей. Поло-ролевое поведение членов семьи характеризуется как традиционное и патриархальное, где муж – хозяин, собственник имущества, женщина – хранительница очага. По мере принятия корейцами православной веры и рождения нового поколения корейцев на российской земле соблюдение семейных традиций предков стало менее строгим, а у женщин появилось больше свободы и прав.

Исследователь А.В. Кирилов отмечал, что «метисации, которая могла бы привести к видоизменению характерных признаков, корейцы боятся как огня и избегают» [14, с. 4]. Несмотря на это, ввиду отсутствия замкнутых поселенческих образований, азиатские иммигранты все же теряли свою обособленность и начинали селиться вперемешку с восточнославянским населением, что привело к аккультурации и взаимному проникновению культур взаимодействующих этносов [14].

По словам В.К. Арсеньева, «метисация – явление вполне естественное, потому что нельзя какую-нибудь народность держать изолированной. В будущем все население Дальнего Востока будет метисообразно. Приток китайской, корейской и туземной крови неизбежен» [15].

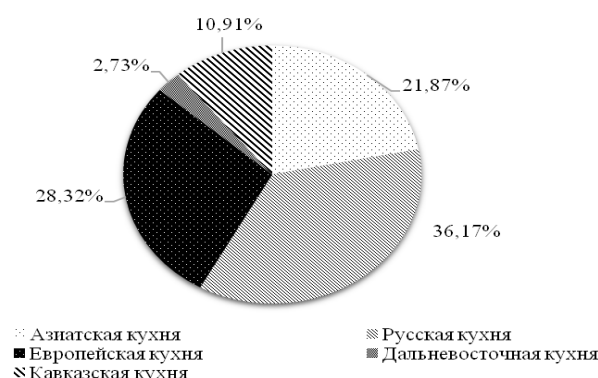
Можно заключить, что корейская семья сохраняла свою патриархальность особенно в первые годы переселения, однако единое хозяйственное пространство и совместное проживание с другими народами создавали условия для постепенного разрушения этнической замкнутости корейской иммигрантской семьи.

Исследование информационных источников показало, что основу питания корейской семьи составляли продукты сельскохозяйственной деятельности, рыболовства и охоты – экологически чистые, «дикие» продукты, приготовленные в традициях азиатской кухни.

Уникальная экосистема Дальнего Востока России и исторические предпосылки освоения даров природы монахами горных монастырей, которым еще в VII веке не позволялось питаться мясом животных и морских обитателей, сформировали особые гастрономические изыски. Опыт корейских монахов, возмещающих нехватку полезных веществ блюдами из растений, позволил корейцам употреблять в пищу различные дальневосточные дикорастущие растения, хорошо сбалансированные по набору полезных веществ и оказывающие благоприятный эффект на человеческий организм (например, женьшень, папоротник, лопух, кишмиш, лимонник).

Исторический анализ хозяйственной деятельности корейской семьи и особенностей употребления различного рода пищи позволяет изучить степень влияния корейских переселенцев на гастрономическое пространство дальневосточных территорий.

На сегодняшний день азиатская кухня, в том числе корейская, одна из самых популярных среди жителей Дальнего Востока и занимает третье место в рейтинге предпочитаемых кухонь (рис. 2) [16].

Составлено автором.

Рис. 2. Рейтинг кухонь среди жителей Дальнего Востока

Наибольший спрос имеет русская кухня – 36,17%, затем европейская (28,32%) и азиатская (21,87%).

Следует заметить, что, несмотря на результаты опроса, азиатская кухня играет большую роль в питании дальневосточников, некоторые употребляемые в повседневной жизни блюда жители не относят к традиционной азиатской кухне,

а выделяют в отдельную, хотя и не в полной мере сформировавшуюся в сознании, – дальневосточную.

Таким образом, уникальное гастрономическое пространство Дальнего Востока, безусловно, является результатом культурного и этнического взаимодействия славянского и азиатского народов.

1. Культурология: учеб. пособие для вузов / Н. Шельнова, Мирошникова, Н. Коршевер, В. Вечканов. – Москва: Научная книга, 2009. – 384 с.
2. Сараф М.Я. Культурное пространство как предмет исследования // Пространство и время. – 2011. – №4. – С. 15–19.
3. Бреславский А. С. Культурное пространство постсоветского Улан-Удэ: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2011.
4. Орлова Е. В. Культурное пространство: определение, специфика, структура // Аналитика культурологии. – 2010. – №18. – С. 42–53.
5. Свирида И. И. Культура и пространство: аспекты изучения // Культура и пространство. Славянский мир. – Москва: Логос, 2004. – С. 7–12.
6. Каган М. С. Философия культуры: учебное пособие для академического бакалавриата. – Москва: Юрайт, 2019. – 353 с.
7. Бурилова В. С. История формирования территориально-промышленных структур Приморского края в середине XIX – начале XX века. – Владивосток: Дальнаука, 2003. – 128 с.
8. Иконникова С. Н. История культурологии: учебник. – Москва: Юрайт, 2018. – 416 с.
9. Первые корейские деревни в Приморском крае. Тизинхе. – Текст: электронный // Национально-культурная автономия корейцев г. Уссурийска и Приморского края: [сайт]. – URL: <http://primorkkc.ru/vse-materialy/istorija-rossijskih-korejcev/pevnye-korejskie-derevni-v-primorskom> (дата обращения: 17.09.2020).
10. Петров А. И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90-е годы XIX века. – Владивосток: ДВО РАН, 2000. – 304 с.
11. Сведения о Сибири. – Текст: электронный // Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина: [сайт]. – URL: <https://www.prlib.ru/section/1157256> (дата обращения: 10.10.2020).
12. Насекин Н. А. Корейцы Приамурского края // Журнал Министерства народного просвещения. – Москва, 2013. – С. 8–16.
13. Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае 1867–1869 гг. – Владивосток: Примиздат, 1949. – 331 с.
14. Кириллов А. В. Корейцы села Благословенного // Труды Приамурского отдела ИРГО. – Хабаровск, 1895. – Вып. I. – С. 1–13.
15. О водворении на Китайской границе новых казачьих поселений // ПСЗ. 1. Т. XXXXIX. 1874. Ст. 53418. С. 675.
16. Ден В. Г., Коноплева Н. А. Исследование повседневной культуры питания жителей дальневосточного региона в аспекте развития гастрономического бренда «Дальневосточная кухня» // Культурное пространство России и Монголии: опыт и перспективы сотрудничества в трансграничных регионах. – Улан-Удэ: ВСГИК, 2019. – С. 10–17.

Транслитерация

1. Kul'turologiya: uchebnoe posobie dlya vuzov / N. Shel'nova, Miroshnikova, N. Korshever, V. Vechkanov. – Moskva: Nauchnaya kniga, 2009. – 384 s.

2. Saraf M. Ya. Kul'turnoe prostranstvo kak predmet issledovaniya // Prostranstvo i vremya. – 2011. – №4. – S. 15–19.
3. Breslavskij A. S. Kul'turnoe prostranstvo postsovetskogo Ulan-Ude: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Ulan-Ude, 2011.
4. Orlova E. V. Kul'turnoe prostranstvo: opredelenie, specifika, struktura // Analitika kul'turologi. – 2010. – №18. – S. 42–53.
5. Svirida I. I. Kul'tura i prostranstvo: aspekty izucheniya // Kul'tura i prostranstvo. Slavyanskij mir. – Moskva: Logos, 2004. – S. 7–12.
6. Kagan M. S. Filosofiya kul'tury: uchebnoe posobie dlya akademicheskogo bakalavriata / M.S. Kagan. – Moskva: Yurajt, 2019. – 353 s.
7. Buriilova V. S. Istorija formirovaniya territorial'no-promyshlennykh struktur Primorskogo kraja v seredine XIX – nachale XX veka. – Vladivostok: Dal'nauka, 2003. – 128 s.
8. Ikonnikova S. N. Istorija kul'turologii: uchebnyk. – Moskva: Yurajt, 2018. – 416 s.
9. Pervye korejskie derevni v Primorskom krae. Tizinhe. – Tekst: elektronnyj // Nacional'no-kul'turnaya avtonomiya korejcev g. Ussurijska i Primorskogo kraja: [sajt]. – URL: <http://primorkkc.ru/vse-materialy/istorija-rossijskih-korejcev/pervye-korejskie-derevni-v-primorskom> (data obrashcheniya: 17.09.2020).
10. Petrov A. I. Korejskaya diaspora na Dal'nem Vostoke Rossii. 60–90-e gody XIX veka. – Vladivostok: DVO RAN, 2000. – 304 s.
11. Svedeniya o Sibiri. – Tekst: elektronnyj // Prezidentskaya biblioteka imeni B. N. El'cina: [sajt]. – URL: <https://www.prlib.ru/section/1157256> (data obrashcheniya: 10.10.2020).
12. Nasekin N. A. Korejcy Priamurskogo kraja // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. – Moskva, 2013. – S. 8–16.
13. Przheval'skij N. M. Puteshestvie v Ussurijskom krae 1867–1869 gg. – Vladivostok: Primizdat, 1949. – 331 s.
14. Kirillov A. V. Korejcy sela Blagoslovennogo // Trudy Priamurskogo otdela IRGO. – Harbarovsk, 1895. – Vyp. I. – S. 1–13.
15. O vodvorenii na Kitajskoj granice novyh kazach'ih poselenij // PSZ. 1. T. XXXXIX. 1874. St. 53418. S. 675.
16. Den V. G., Konopleva N. A. Issledovanie povsednevnoj kul'tury pitaniya zhitelej dal'nevostochnogo regiona v aspekte razvitiya gastronomicheskogo brenda «Dal'nevostochnaya kuhnya» // Kul'turnoe prostranstvo Rossii i Mongolii: opyt i perspektivy sotrudnichestva v transgranichnykh regionah. – Ulan-Ude: VSGIK, 2019. – S. 10–17.

© В. Г. Ден, 2020

© Н. А. Коноплева, 2020

Для цитирования: Ден В. Г., Коноплева Н. А. Формирование гастрономического культурного пространства Дальнего Востока корейскими переселенцами // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 193–200.

For citation: Den V. G., Konopleva N. A. Formation of the gastronomic cultural space of the Far East by Korean immigrants, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2020, Vol. 12, № 4, pp. 193–200.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/193-200

Дата поступления: 25.11.2020.

.....

Публикации 2020 года

.....

- Алексеев А.П.* Требования к поставщику платежных услуг по законодательству Сингапура, № 3, с. 100–109.
- Алексеев А.П.* Регулирование использования поисковых алгоритмов в соответствии с Законом КНР «Об электронной коммерции», № 2, с. 118–126.
- Андреев В.А.* Детерминанты миграционной активности в контексте восприятия населением Приморского края уровня социального благополучия, № 2, с. 7–18.
- Астахова Е.В., Мартынюк М.Д., Ильиных Ю. Е.* Коронакризисные изменения в сфере транспортно-логистической системы Приморья, № 2, с. 38–47.
- Белов С.И.* Образ российской политической элиты и власти в видеоигре «Metro Exodus», № 4, с. 60–67.
- Берман А. М.* Влияние биологических вызовов на общественно-политические отношения: проблемы и перспективы, № 4, с. 79–87.
- Бирюков П. Н.* Ответственность за вред, причиненный технологиями с искусственным интеллектом: подход Европейского союза, № 4, с. 39–49.
- Борзова Т.А.* Опыт эффективного использования игровых заданий в смешанном обучении (на примере курса «Русский язык и культура речи»), № 3, с. 170–183.
- Борзова Т.А.* Теоретико-методические и практические аспекты траекторного обучения студентов в технологии «перевернутый класс», № 2, с. 168–182.
- Верещагин С.Г.* История трансформации роботов: от первых механических устройств до боевых роботов с искусственным интеллектом и правовое регулирование их применения в вооруженных конфликтах, № 4, с. 68–78.
- Верещагина А.В.* К вопросу о предмете неправомерного доступа к компьютерной информации, № 2, с. 103–117.
- Верещагина А.В., Куманькова Д.А.* Процедура реализации полномочий следственным судьёй в уголовно-процессуальном законодательстве Казахстана, Кыргызстана и Молдовы, № 1, с. 76–89.
- Вронская М.В., Василенко Е.О.* Злоупотребление правом участниками хозяйственных обществ, № 4, с. 137–145.
- Вронская М.В., Никитенок Д.Ю.* Правовое регулирование института наследственного фонда в Российской Федерации: актуальные вопросы совершенствования, № 3, с. 76–85.
- Гетманцева В.В., Андреева Е.Г., Гусева М.А., Белгородский В.С., Разбродин А.В., Смирнова Д.С., Крючкова А.А.* Анализ технологии использования элементов солнечных батарей в одежде, № 1, с. 131–144.
- Голованова О.С., Масюк Н.Н.* Чат-бот – digital помощник рекрутера, № 4, с. 118–128.
- Гомилевская Г.А.* Позиционирование туристского продукта в сегменте корейского въездного рынка, № 1, с. 31–49.
- Гомилевская Г.А., Дэн В.Г.* Принципиальная модель формирования и продвижения гастрономического бренда (на примере дальневосточной кухни), № 2, с. 73–87.
- Горян Э.В.* Перспективы использования искусственного интеллекта в финансово-банковском секторе: опыт Сингапура, № 3, с. 86–99.
- Горян Э.В.* Роль финансового регулятора в обеспечении информационной безопасности России и Китая: сравнительно-правовой аспект, № 2, с. 88–102.
- Гриняк В.М.* Обеспечение безопасности движения судов на основе кластеризации параметров движения, № 2, с. 135–147.
- Гриняк В.М.* Оценка реализуемости 3d-позиционирования внутри помещений на основе bluetooth-устройств, № 3, с. 110–124.

- Гриняк В.М., Иваненко Ю.С., Шуленина А.В.* Комплексная оценка опасности трафика морской акватории, № 1, с. 90–104.
- Гуревич О.Ю., Кононов А.Ю., Ромеронова А.А.* Туризм в эпоху COVID-19: меры поддержки и траектории восстановления, № 2, с. 61–72.
- Гусева М. А., Гетманцева В. В., Андреева Е. Г., Разин И.Б., Петросова И.А., Гусев И.Д.* Технологии 3d-печати в производстве персонифицированных швейных изделий, № 3, с. 132–142.
- Давиденко А.С.* Концепция электронного правительства и цифровизация политической системы, № 4, с. 30–38.
- Данилова О.Н., Карим К.А.* Перспективы этноэкологических исследований культуры коренных народов российского Дальнего Востока, № 2, с. 217–226.
- Ден В. Г., Коноплева Н.А.* Формирование гастрономического культурного пространства Дальнего Востока корейскими переселенцами, № 4, с. 193–200.
- Ден В.Г., Шеметова Е.В.* Гастрономический туризм – драйвер развития Дальнего Востока России, № 3, с. 32–42.
- Денисенко И.А., Ретивцев И.В., Денисенко А.Н.* Повышение эффективности сельских домохозяйств на основе активизации системы инфраструктурного обеспечения, № 4, с. 165–179.
- Евсеева Т.В.* Основные подходы к взаимодействию права и экономики в цифровую эпоху: теоретико-правовой поиск адекватной модели правового регулирования, № 4, с. 97–110.
- Кирсанова Л.И., Коротина О. А.* Онтология одежды: смотреть кино, № 1, с. 153–160.
- Кононов А.Ю., Прудникова К.А.* Комплексная оценка организации ярмарочных мероприятий во Владивостоке, № 1, с. 62–75.
- Кучеренко А.Л.* Интеграция креативных технологий в учебный процесс вуза, № 1, с. 172–180.
- Левкина Е.В., Титова Н.Ю.* Современные тенденции и проблемы развития эквайринга в банковской системе Российской Федерации, № 1, с. 21–30.
- Макарова В.Н.* Влияние отвалов металлургического производства на состояние атмосферного воздуха, № 1, с. 115–120.
- Макарова В.Н.* Мониторинг системы обращения с отходами на судоремонтном производстве, № 3, с. 125–131.
- Мамычев А.Ю., Петрова Д.А.* Биополитические и цифровые тенденции развития политико-правовых практик в период пандемии, № 4, с. 18–29.
- Марков А.В.* «Пан» Врубеля, поэзия Ахматулиной и культурологический спор конца 1990-х, № 2, с. 207–216.
- Марусняк К.О., Кривошапова С.В.* Анализ инвестиций в человеческий капитал ПАО Сбербанк, № 3, с. 43–52.
- Масилова М.Г., Каширина А.В.* Пути оптимизации технологий подбора и адаптации персонала в условиях централизации функций, № 2, с. 48–60.
- Матюк Ю.С.* Правовые и социальные аспекты применения искусственного интеллекта в условиях пандемии, № 4, с. 129–136.
- Месенева Н.В.* Компьютерные технологии в проектировании концептуального образа в дизайне, № 3, с. 143–151.
- Месенева Н.В.* Формирование культуры графических дисциплин для студентов-дизайнеров, № 2, с. 183–192.
- Молодых В.И., Леонтьева Т.И.* Об особенностях речевого акта извинения в китайской лингвокультуре, № 2, с. 227–243.
- Новиков М.В., Разумеев К.Э., Гусева М.А., Андреева Е.Г.* Исследование свойств шкурки серебристо-черной лисицы и искусственного меха, имитирующего её окрас, для цифрового конфекционирования материалов для одежды, № 2, с. 158–167.
- Осипов В.А., Красова Е.В.* Использование парадигмы менеджмента в обосновании траектории социально-экономического развития (исследование на примере России), № 1, с. 7–20.
- Петрова Г.А., Гусева Д.А.* Классификационная структура предметной области управления факторами привлекательности интегрированного продукта для потребителей круизных услуг, № 4, с. 154–164.

- Петрова Д.А., Моськина М.Н., Мухалов Д.В.* Обзор судебной практики по вопросу введения ограничений прав граждан в период пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на примере цифровых пропусков, № 4, с. 111–117.
- Петрук Г.В.* Научные мероприятия ВГУЭС в 2019 году, № 1, с. 181–183.
- Пурге А.Р.* О совершенствовании правового регулирования института завещания в России, № 3, с. 66–75.
- Румянцев Н.М.* К вопросу о состоянии валового накопления в экономиках регионов Европейского Севера России, № 3, с. 53–65.
- Сёмкин С.В., Смагин В.П.* Асимптотическое поведение восприимчивости и намагниченности разбавленного изинговского магнетика, № 1, с. 105–114.
- Сёмкин С.В., Смагин В.П.* Усреднение по полям взаимодействия и спиновые корреляции в модели Изинга, № 2, с. 148–157.
- Сергиенко Ю.Ю., Жмуйдин И.А.* Разработка алгоритма мониторинга сферы туризма и гостеприимства, № 3, с. 17–31.
- Сокурено В.А.* Динамика и структурный анализ привлечения инвестиций КНР в экономику Дальнего Востока, № 2, с. 19–28.
- Суржиков В.И., Малахова А.А.* Роль электронных ресурсов в продвижении услуг особо охраняемых природных территорий Российской Федерации, № 3, с. 7–16.
- Суржиков В.И., Суркова А.С.* Оценка уровня комфортности туристско-рекреационных пространств города, № 1, с. 50–61.
- Тен Е.В.* Избирательный процесс и формы манипулирования в эпоху цифровой трансформации общества: риски, угрозы и противодействия, № 4, с. 50–59.
- Терская Л.А.* Анализ реализации программ дополнительного профессионального образования в авиационном учебном центре: обратная связь со слушателями, № 4, с. 180–192.
- Титова Н.Ю.* Условия внедрения циркулярной экономики в промышленность Российской Федерации, № 2, с. 29–37.
- Ферит В.М., Латкин А.П., Иванова В.Н.* Современные подходы к использованию искусственного интеллекта в медицине, № 1, с. 121–130.
- Ферит В.М., Латкин А.П., Иванова В.Н., Чин Манхо.* Инициативные проекты комиссии РФ по делам ЮНЕСКО и её Дальневосточного комитета в условиях пандемии, № 2, с. 193–206.
- Филочева Т.П.* О проблемах современного дополнительного образования в природоохранной сфере, № 3, с. 163–169.
- Хисамутдинова Н.В., Хисамутдинов А.А.* У истоков экономического образования на Дальнем Востоке (1899–1923), № 1, с. 161–171.
- Черемискина И.И.* Совладающее поведение у студентов разных этнических групп, № 3, с. 152–162.
- Черемискина И.И.* Черты личности судей на разных этапах профессионализации, № 1, с. 145–152.
- Шаповалова Г.М.* Современная парадигма «цифровой культуры» – доктринально-правовые основы и «цифровые» нравственно-этические стандарты о человеке и его творчестве, № 2, с. 127–134.
- Шашло Н.В., Кузубов А.А.* Концептуальные дефиниции процесса стратегического позиционирования производственно-предпринимательских структур в условиях цифровых трансформаций, № 4, с. 88–96.
- Шибеев В.С.* Когнитивная экономика и коэффициент интеллекта: зарубежный взгляд, № 4, с. 146–153.

.....

Правила оформления статей

.....

Статьи в научном журнале «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса» публикуются бесплатно.

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется положениями гл. 70 «Авторское право» Гражданского кодекса Российской Федерации и рекомендациями международного Комитета публикационной этики (COPE) – <http://publicationethics.org/resources/flowcharts>.

Публикуемые материалы, мнения и выводы могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы несут ответственность за оригинальность публикации, подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также использование данных, не предназначенных для открытой печати.

При цитировании и копировании публикаций ссылка на журнал обязательна.

Тематика статей, публикуемых в журнале, соответствует следующим отраслям науки согласно Государственному рубрикатору научно-технической информации (ГРНТИ):

- 05.00.00 Технические науки;
- 08.00.00 Экономические науки;
- 12.00.00 Юридические науки;
- 23.00.00 Политология;
- 24.00.01 Теория и история культуры.

Направление авторских рукописей в адрес редакции рассматривается как передача авторами прав на их публикацию редакцией научного журнала «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса». После утверждения рукописи к печати автор(ы) подписывает/ют лицензионный (авторский) договор между редакцией и автором (авторами) и направляет/ют его электронную версию в редакцию.

В одном номере журнала может быть опубликовано не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

Электронный вариант рукописи направляется по адресу электронной почты vestnik_vgues@vvsu.ru. Имя файла в латинской транскрипции должно совпадать с фамилией автора (например, [ivanov.doc/Ivanov.docx](#)).

Бумажный вариант рукописи предоставляется в редакцию научного журнала. Почтовый адрес: 690014, ул. Гоголя, 41, каб. 1341, г. Владивосток, Приморский край, Россия.

Основные требования

Бумажный и электронный варианты рукописи, предназначенной для публикации, должны быть идентичными и обязательно содержать следующие данные:

- тематическая рубрика статьи;
- шифр УДК;
- название статьи (на русском и английском языках);

- фамилия, имя, отчество (если есть) всех авторов полностью (на русском и английском языках);
- полное название организации – место работы/учебы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языках). Если все авторы статьи работают в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно;
- подразделение организации (по желанию) (на русском и английском языках);
- должность, звание, ученая степень и иная информация об авторах (на русском и английском языках);
- адрес электронной почты (e-mail) для каждого автора;
- корреспондентский почтовый адрес и контактный номер телефона;
- аннотация статьи на русском и английском языках (200–250 слов);
- ключевые слова и словосочетания (на русском и английском языках) (не более 12);
- список литературы (оформляется в виде нумерованного списка пристатейных источников в конце статьи). Вначале в алфавитном порядке приводятся русскоязычные источники, затем – иностранные. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника из списка. Список необходимо оформлять в строгом соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления.

Заполнение всех перечисленных пунктов является обязательным для принятия статьи к публикации в научном журнале.

Требования к аннотации и структуре научной статьи

Аннотация

Аннотация (200–250 слов) в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации. Аннотация должна соответствовать структуре статьи.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье).
- Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:
 - предмет, цель работы;
 - метод или методологию проведения работы;
 - результаты работы;
 - область применения результатов; новизна;
 - выводы.

Результаты работы следует описывать предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Статья

Структура статьи должна соответствовать стилю изложения текста в научно-исследовательской работе. В ее содержании обязательно должны присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения следующие разделы:

- **Введение** (включает актуальность темы исследования, постановку проблемы исследования, формулирование научной гипотезы, формулирование цели и задач исследования).
- **Предмет и источниковая база исследования, противоречия в имеющихся исследованиях и авторская позиция.**
- **Методы исследования, методологические принципы и инструменты, методика и инструментарий исследования.**
- **Основная часть, апелляция к оппонентам и позициям, описание содержания исследования, его значимости** (экспериментальная часть, анализ, обобщение и разъяснение собственных данных или сравнение теорий, доктрин, анализ действующего нормативно-правового материала и т.д.).
- **Выводы и научная новизна.** Статья обязательно должна содержать в себе ответы на вопросы, поставленные вводной частью, демонстрировать конкретные выводы, предложения, практические положения по совершенствованию, корректировке и проч., а также отражать научную и практическую новизну полученных выводов, их дальнейшего использования и т.п.
- **Список литературы** включает только используемые в статье авторские исследования, статистику, эмпирические и аналитические данные, архивные и нормативно-правовые источники. Содержит только рецензируемые источники. Оформляется в алфавитном порядке.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение. Для научной полемики следует обращаться к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не следует наполнять научную статью цитатами из материалов газет, популярных журналов, интернет-сайтов, ссылками на высказывания по телевидению. Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору необходимо не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, а также материалы, опубликованные ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению для публикации, а уже опубликованные будут ретрагированы.

Оформление текста

- Текст статьи (от 12 до 20 тысяч печатных знаков) должен быть сохранен в формате DOC/DOCX или RTF (шрифт Times New Roman, кегль 12, межстрочный интервал одинарный, отступ красной строки – 0,7 см, поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 2 см, левое – 2 см, ориентация – книжная).
- Рисунки в формате JPEG и диаграммы представляются в отдельных файлах и в тексте статьи. Все рисунки должны быть пронумерованы и иметь подрисуночную подпись с объяснением элементов рисунка. Все рисунки публикуются на страницах журнала в черно-белой гамме.
- Таблицы должны быть пронумерованы и озаглавлены. После каждой таблицы в примечании указывают источник данных, приведенных в таблице.
- Формулы выполняются во встроенном «Редакторе формул». Формулы необходимо нумеровать справа в круглых скобках. Допускается размещение формул в формате рисунков (JPEG, EPS).
- В связи с тем, что электронные версии публикаций обрабатываются в специальных программах для размещения в различных электронных библиотечных системах, математические символы, формулы с надстрочными и подстрочными индексами и буквы греческого алфавита в заголовках статей, аннотациях и ключевых словах теряются. Убедительная просьба избегать употребления таких символов в указанных частях публикации!
- Страницы должны быть пронумерованы и не содержать разрывов, колонтитулов.

Научное издание

**ТЕРРИТОРИЯ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ.
Вестник Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса**

2020, № 4

[Том 12]

Научный журнал

ФЗ № 436-ФЗ	Издание не подлежит маркировке в соответствии с гл. 3 ст. 11 п. 4 ч. 2 ст. 1
-------------	--

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4

Журнал «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-70135
ISSN 2073-3984

Дата выхода в свет 29 декабря 2020 г.

Адрес учредителя:

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Адрес издателя:

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Адрес редакции:

690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41, каб. 1341
тел. (423) 240-40-54; e-mail: vestnik_vgues@vvsu.ru

Ответственный за выпуск Л. Е. Стрикаускас

Ответственный секретарь В. В. Шамаева

Корректор М. А. Шкарубо

Компьютерная верстка М. А. Портновой

Подписано в печать 20.12.2020. Формат 70×100/16.

Бумага писчая. Печать цифровая. Усл.-печ. л. 16,9. Уч.-изд. л. 17,0.

Тираж 200 [I–100] экз. Заказ 613

Цена на территории РФ свободная

Отпечатано в Ресурсном информационно-аналитическом центре
Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

ISSN 2073-3984

9 779772 073390